

Памяти
протоиерея
Александра
Меня

Люблю Тебя, Господи,
люблю более всего на свете,
ибо Ты истинная радость,
душа моя.

Ради Тебя люблю ближнего
как самого себя.

Аминь.

Молитва о. Александра

Памяти
протоиерея
Александра
Меня

"Книжный мир экумены" © 2013

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУДОМИНО"
1991

Художник *И.Е. Суханова*

П15 Коллектив авторов. Памяти протоиерея Александра Меня.
М.: Рудомино, 1991. - 296 с; ил.
ISBN 5-7380 - 0002 -1

Эта книга посвящена памяти выдающегося деятеля русской церкви — отца Александра Меня. Ее открывает "Слово, произнесенное перед отпеванием протоиерея Александра Меня в селе Новая деревня 11 сентября 1990 года" Алексия, патриарха Московского и Всея Руси. Со страниц книги рассказывают о духовном подвиге А.Меня его друзья, прихожане, люди, спасенные им от мрака безверия и бездуховности, те, кто называл себя его духовными детьми и те, кто просто читал его книги. Среди авторов сборника — С.Аверинцев; Ив Аман; И.Поснова, издававшая книгу о. Александра в "Жизни с богом"; Генрих Прапоцки, священнослужитель из Варшавы; Фазиль Искандер...

Трагическая гибель А.Меня потрясла всех. И горькие слова утраты звучат во многих воспоминаниях. Но и надежды — на искупительность жертвы, на восходы его молитвы за нас, оставшихся...

П $\frac{4702010200-11}{476(02)-91}$ Без объявления

84 Р 7 - 4

Вечная ему память!

2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня;

12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

13 Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.

14 Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

15 И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

17 Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить.

18 Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.

Матф. Глава 5

*Студент Иркутского сельскохозяйственного института А.В.Мень.
Иркутск. 1955 г.*

Алабино. 1964 г.

Алабино. 1964 г.

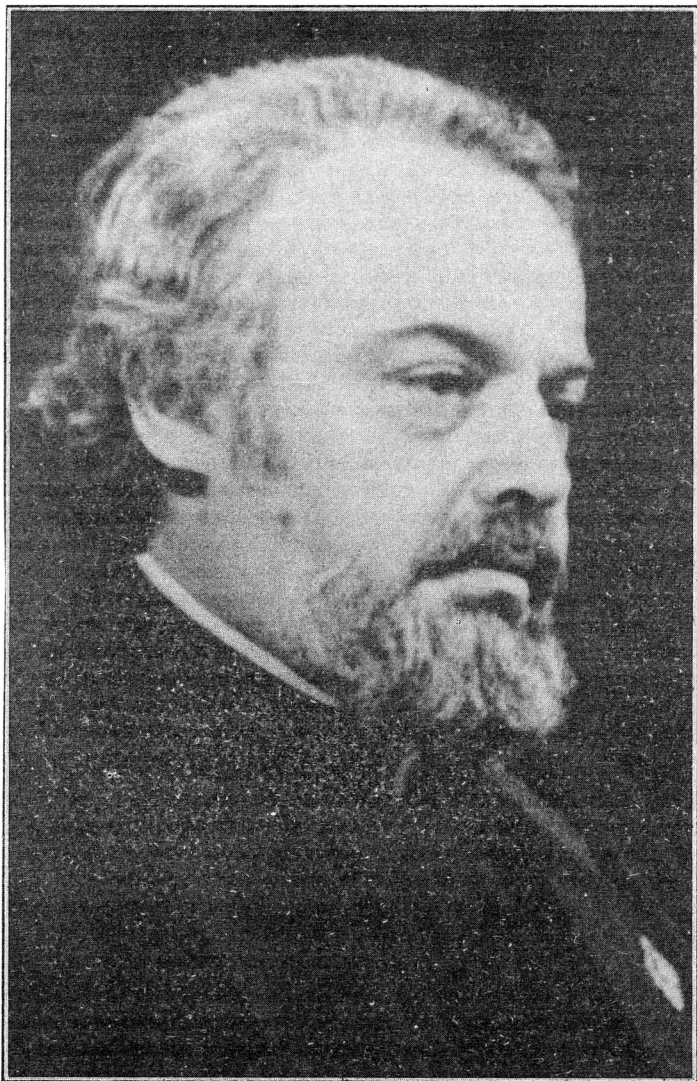
Новая Деревня. 70-е годы.

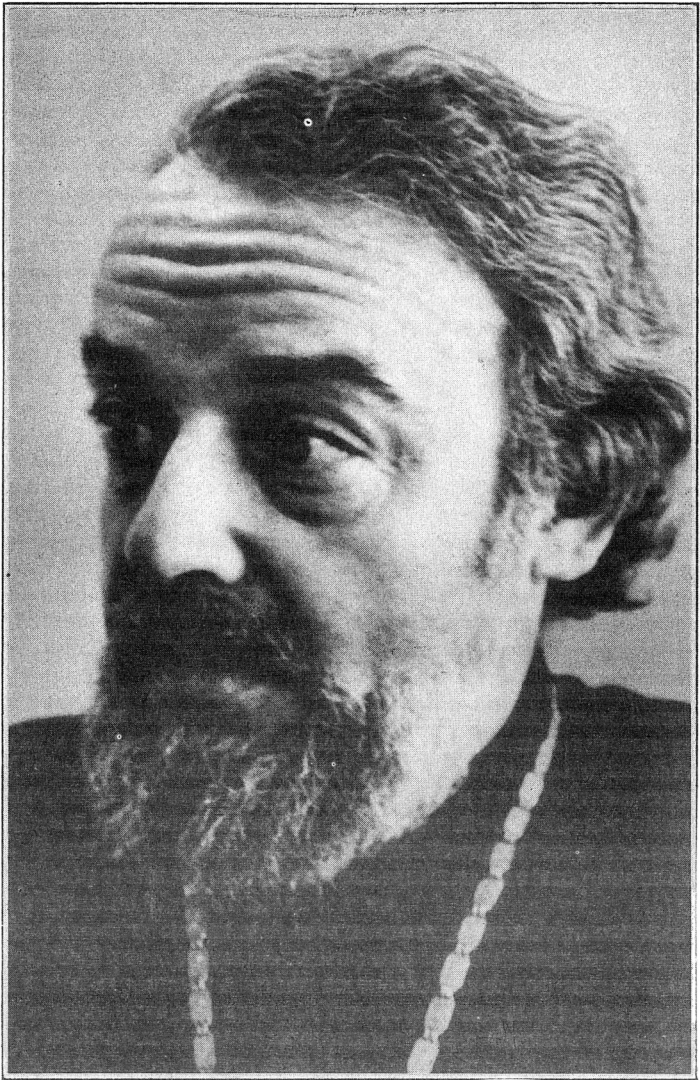
Новая Деревня 70-е годы.

9 мая 1989 г.

Первое публичное выступление. 11 мая 1988 г.

Москва. 1990 г.

Памяти
протоиерея
Александра
Меня

Когда я вернусь...
Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли,
по февральскому снегу,
По еле заметному следу — к теплу и ночлегу —
И, взрогнув от счастья, на птичий твой зов
оглянусь, —
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!...

Послушай, послушай, не смейся,
Когда я вернусь
И прямо с вокзала, разделавшись круто
с таможенной,
И прямо с вокзала — в крошечный,
ничтожный, раешный —
Ворвусь в этот город, которым казнюсь
и клянусь,
Когда я вернусь!...

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем, —
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!

Когда я вернусь,
Засвистят в феврале соловьи
Тот старый мотив — тот давнишний,
забытый, запетый.
И я упаду,
Побежденный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань,
в колени твои!
Когда я вернусь.

А когда я вернусь?!

К тебе, как к живому...

**СЛОВО,
ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПЕРЕД ОТПЕВАНИЕМ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
В СЕЛЕ НОВАЯ ДЕРЕВНЯ
11 СЕНТЯБРЯ 1990 ГОДА**

Дорогие братья и сестры!

Нас собрала сегодня глубокая скорбь по случаю безвременной кончины усердного пастыря, путь которого в храм в воскресный день пресек убийца. Все мы вспоминаем сегодня слова Господа: "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить". (Мф. 10, 28).

Святейший Патриарх Алексей направил вчера на мое имя свое соболезнование, в котором говорится:

"С глубокой печалью воспринял скорбную весть о кончине отца Александра. Выражаю свое глубокое соболезнование семье, духовным чадам и прихожанам храма, в котором проходил почивший свое пастырское служение.

По человеческому разумению, казалось бы, только сейчас и настало время, когда талант отца Александра как проповедника Слова Божия и воссоздателя подлинно общинной приходской жизни и мог раскрыться во всей своей полноте. Увы, сложилось иначе — Господь призвал его совершить священнотаинственное служение к Себе.

В своем благословском дерзновении отец Александр иногда высказывал суждения, которые без специального рассмотрения нельзя охарактеризовать как безусловно разделяемые всей Полнотой Церкви. Что ж, "надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие".

В памяти людей и Церкви, верю, останется то немалое, что отец Александр реально сделал для них. Много молитвенников по себе оставил о. Александр. К их молитвам о его упокоении в недрах Авраама, Исаака, Иакова присоединяем и мы свою молитву.

Вечная ему память!

АЛЕКСИЙ,
Патриарх Московский и всея Руси."

Возлюбленные о Господе. И от себя мне хочется сказать несколько слов у гроба отца Александра. С семьдесят

седьмого года я как правящий архиерей Московской епархии разделял с отцом Александром его тревоги, радости, пастырские заботы и усердное служение. Мне запомнились несколько продолжительных бесед с ним в разные периоды его пастырского служения. Всегда передо мной был пастырь с глубоким призванием, живой веры, бескомпромиссно совершающий служение Святой Христовой Церкви, веровавший в Промысел Божий и Его всеильную помощь. Каждый из нас избирает различные пути в пастырском служении. Отец Александр был блестящим проповедником Евангелия Христова, для которого не было своих и чужих, близких и далеких. Его незлобивое, любящее сердце принимало всех людей.

Я помню одну из последних бесед с отцом Александром, когда он с глубоким восторгом говорил о тех возможностях, которые сегодня открылись для Церкви. И я спросил его тогда: "Вы популярный человек. Почему же не баллотировались в народные депутаты?" И он мне ответил со свойственной ему искренностью и детской простотой: "Владыка! Когда нам заниматься политикой? Сегодня мы имеем возможность день и ночь слово Божие проповедовать, и я полностью отдал себя этому". Он был и в школах, и на заводах, и в больших рабочих аудиториях, и среди интеллигенции. Проповедуя учение Господа нашего Иисуса Христа, спасшего мир, отец Александр находил понятные всем слова. Несмотря на то, что сегодня открываются большие возможности для Церкви, мы переживаем сейчас и трудные времена, когда бродячие проповедники, самозванные учителя врываются в ограду Церкви Христовой, кощунственно надевают на себя церковные или монашеские одежды и хотят подменить иерархию церковную и разрушить церковное единство.

Сегодня, когда мы окружаем гроб подлинного пастыря, любившего Церковь, бывшего ей верным до последнего дня, отдавшего все свои силы и знания, я думаю, все мы во имя этой страшной жертвы и потери, которую понесла Церковь, будем едины, едины в том стаде, которое собрал Христос! Будем своей жизнью свидетельствовать, что мы — преданные сыны и дочери Святой Церкви и Господа нашего Иисуса Христа!

Всем вам, возлюбленные братья и сестры, приношу слово утешения. Я верю, что Господь за тот подвиг, который пронес через свою жизнь отец Александр, примет его в Свои Небесные обители, где нет уже ни болезней, ни печали, ни воздыхания, но где пребывает жизнь бесконечная.

**СЛОВО,
СКАЗАННОЕ ПОСЛЕ ОТПЕВАНИЯ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
В СЕЛЕ НОВАЯ ДЕРЕВНЯ
11 СЕНТЯБРЯ 1990 г.**

Дорогой отец Александр!

Обращаюсь с последним словом к тебе как к живому, потому что перед Богом нет мертвых, перед Богом все живы, особенно те, которые несли миру слово жизни. Твой гроб обступают те, кто захотел сегодня принести тебе дар любви, возложить к нему словесный венок молитвы, потому что нет ничего на земле выше, чем общение с Богом в молитве. Сегодня мы все говорим тебе: "Блажен путь, вонь же идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения".

Там, как некогда в храме у престола Божия, ты будешь иметь еще большее дерзновение перед Престолом Владыки Христа, молясь о твоих духовных чадах, а они будут возносить о тебе сердечную молитву. Вечная память тебе, возлюбленный брат во Христе. Аминь.

ЮВЕНАЛИЙ,
Митрополит Крутицкий и Коломенский,
управляющий Московской епархией,
член Священного синода
Русской Православной Церкви

Президенту СССР
М.С.Горбачеву.

Председателю Комитета государственной безопасности СССР
В.А.Крючкову.

Министру внутренних дел СССР
В.В.Бакатину

9 сентября произошло зверское убийство крупнейшего православного богослова, проповедника, учителя жизни для сотен тысяч русских людей, лично знавших его, слышавших его проповеди, читавших его книги, отца Александра Меня. Обстоятельства убийства, исчезновение записей всех его телевизионных выступлений заставляют подозревать в этом убийстве осуществление заранее продуманного плана, ставящего целью дестабилизацию положения в стране.

В эти дни в Москве все чаще упоминается имя польского ксендза Попелюшко, погибшего при аналогичных обстоятельствах.

Необходимо немедленное строжайшее независимое расследование гибели отца Александра Меня с участием представителей православной общественности и Верховного Совета СССР.

Илья Заславский,
народный депутат СССР

ПОТЕРЯ НЕВОСПОЛНИМА

9 сентября в воскресенье погиб православный священник, богослов и публицист протоиерей Александр Мень. Погиб по дороге в Сретенский храм Новой Деревни близ Пушкина Московской области, где он служил последние двадцать лет. Он родился в 1935 году. С 1959 года служил в Русской Православной Церкви сначала в сане диакона, затем священника. Среди его духовных детей было немало деятелей искусства — актеры, художники, кинематографисты... Отец Александр известен и как духовный писатель. Он написал семь томов под общим названием "В поисках истины" — о духовной эволюции человечества; его перу принадлежат толкования Нового и Ветхого Заветов.

Священническое служение отца Александра протекало тяжело. Ему ставили в вину, что слишком много молодежи бывает в храме, что его книги выходят на Западе, его "клеймили" в печати. В годы перестройки отец Александр усиленно трудился, выступая в газетах, по телевидению, с лекциями. Казалось, он предчувствовал близкий конец, поэтому стремился успеть как можно больше. Им был организован в Москве православный университет, где в течение 1989-1990 годов были прочитаны различные курсы лекций. За день до смерти отец Александр прочел в университете свою последнюю лекцию. Потеря, которую мы понесли, невосполнима.

Александр БОРИСОВ, священник, Сергей БЫЧКОВ, Игорь ВИНОГРАДОВ, Тамара ЖИРМУНСКАЯ, Фазиль ИСКАНДЕР, Булат ОКУДЖАВА, Дмитрий САРАБЬЯНОВ, Евгений СИДОРОВ, Глеб ЯКУНИН, священник, Владимир ФАЙНБЕРГ.

Московские новости. 16 сентября 1990

ПО ДОРОГЕ К ХРАМУ

В минувший вторник, в день церковного праздника Усекновения главы Иоанна Крестителя, был предан земле известный священник о. Александр Мень, убитый в воскресенье неизвестным пока убийцей.

Может быть, убийца был не один. Отца Александра подстерегали рано утром на лесной тропе, когда он шел из дома на электричку. Его ждали прихожане на утренней литургии в храме Сретения в Новой Деревне под Пушкином, где он был настоятелем. Ждали, а в это время о. Александр с пробитой головой лежал мертвый... Никто из прихожан не знал, что свеча, поставленная их рукой за здоровье своего батюшки, уже светила за упокой. Его ударили топором сзади. Ему было 55 лет.

Отпевание тела состоялось в храме Сретения при большом стечении народа — прихожан, клира, многочисленных друзей и учеников, духовных чад, жителей окрестных сел, приехавших издалека почитателей. Его мученической гибелью были потрясены тысячи людей и здесь у нас, и за рубежом. Его оплакивали равно неграмотные старушки и всемирные знаменитости. Память убитого проповедника вставанием почтили в Москве депутаты российского парламента.

После сообщений в печати и по телевидению о трагической смерти священника в редакции раздаются звонки — как такое злодеяние могло случиться, что у нас происходит, многие видят в убийстве духовного лица зловещий знак бесовского вызова. Да, убить священника — это, и правда, трижды беззаконие, семижды грех. Будто какая-то злая сила начинает переходить все запретные пределы, не только попирая закон, но и демонстрируя глумление над заповедями. Те, кто когда-то в обход "не убий" звал Русь к топору, — подозревали ли сами, что получающие свободу и моральное оправдание топоры будут делать в руках родионов раскольниковых? Человек с топором (с ружьем, с саперной лопаткой) только и может что множить число жертв. Какое несчастье! А ведь казалось, только-только Россия стала очищаться, выпрямляться — усилиями здоровых сил нации среди верующих и неверующих, словом науки, здравого смысла и словом божественного откровения. Как сказал у гроба священник Глеб Якунин: "Это и мученики вымолили молитвами возрождение России".

Я не знал о. Александра, не видел его в жизни, лишь единственный раз — в фильме, посвященном покойному

поэту Александру Галичу, крестнику о. Александра. Но я много и от многих слышал о нем. Это был необыкновенный проповедник, несший слово Евангелия всем, кто был для него открыт, стольким давший утешение в скорби, стольких спасший от самоубийств, ложных шагов, неверия, гонений, слабостей... Призвание к священничеству он ощутил уже в 12 лет и уже тогда задумал труд, который потом, спустя десятилетия, вышел под названием "В поисках Пути, Истины и Жизни" в шести книгах. Увы, он вышел лишь на Западе. Но многие слышали его живое слово.

Биолог по образованию, ставший затем кандидатом богословия, протоиерей Александр Мень сумел заслужить любовь, дать свет и утешение многим в самые глухие годы ненависти и безвременья. Можно сказать, что, не будучи диссидентом сам, он был духовным пастырем многих правозащитников, узников совести, гонимых властями людей. Он был дружен с Солженицыным, он исповедовал и причащал перед смертью генетика Тимофеева-Ресовского, был духовником Надежды Яковлевны Мандельштам, крестил многих знаменитых писателей, ученых, артистов. Деятельность его на поприще духовного окормления опальных интеллигентов приносила ему и верных друзей, и верных врагов. Но Александр Мень никого не боялся, а скромно, непреклонно исполнял свой тихий подвиг служения Богу и людям, чуждый показной героике, богатству, самолюбования. Это был капитан Тушин Христова воинства, и не о таких ли сказано апостолом — "нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем" ...?

Волнующе прозвучали на панихиде слова депутата Моссовета о. Александра Борисова о том, что гибель А.Меня несет в себе огромную духовную загадку. "Бог словно бы хочет сказать нам что-то очень важное — каждому сердцу; что началась битва за Россию, за народ, и в этой битве всегда есть те, кто падают первыми, те, кто идут впереди".

Мень упал одним из первых. Мир потускнел на одну Божью искру. Но идут следом те, кого она успела возжечь.

Нет, не случайно погиб священник Александр Мень. В мире вообще нет ничего случайного, включая саму случайность. Пока неизвестно, кто убил его. Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Ельцин распорядился провести тщательное расследование этого преступления. Кто знает, может быть, убийца стоял во вторник у церкви Сретения в толпе и наблюдал за панихидой. Говорят, какая-то неудержимая сила приводит таких на место преступления, и они обретаются поблизости от жертвы, а потом уходят... Но

вряд ли с такого места преступления можно уйти, потому что этим местом станет для них все, все — вся земля, а не только лесная тропа в раннее утро, станет и день и ночь, и сон и явь, и теснота, и одиночество. Теперь убитый о. Александр там, где он недосыгаем для них...

В прицерковном саду, где под большими березами и кленами отныне будет покоиться тело священника, сотни людей пели "Вечную память", одинокая труба Олега Степурко сопровождала прощание с покойным, который был духовным отцом музыканта, мириады свечей трепетали в ладонях, закрывавших их от ветра... И по динамику вдруг зазвучала запись одной из последних проповедей отца Александра, его живым голосом. Он всегда начинал с обращения: "Дорогие мои..." И вот над головами сотен людей, над разверстой могилой, над самим собой, лежащим во гробе с накрытым лицом, зазвучало его напоминание: "Мы знаем, как важно человеку быть всегда наготове... Будьте всегда в таком душевном состоянии, как будто сегодня или завтра может пробить ваш последний час и вы предстанете пред Господом". Все, кто видел о. Александра в субботу, за несколько часов до гибели, заметили, что он был необычайно спокоен, умиротворен. Неужели совсем не предчувствовал? Или, наоборот, слишком предчувствовал? Почти знал?..

Во вторник, на склоне дня, у храма Сретения, у могилы о. Александра, я все время ловил себя на том, что где-то уже видел эту толпу собравшихся проститься... И вспомнил. То же было, когда тысячи людей прощались в Москве с Андреем Сахаровым. Те же просветленные лица. Те же выражения глаз. Тот же, как сказали бы в старину, состав личности. Это представители того, что уцелело в народе от распада, безверия, цинизма, беспросветности. Они всегда приходят, когда случаются утраты, омрачающие не только близких, но само общество, само время. Будто и впрямь одна и та же светлая толпа кочует от гроба к гробу, от праведника к праведнику...

Известия. 12 сентября 1990

А. Васинский

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР МЕНЬ

*"Блаженны вы, когда будут поносить
вас и гнать и всячески неправедно
злословить за Меня;
Радуйтесь и веселитесь, ибо велика
ваша награда на небесах..."*

Матф. 5: 11-12

9 сентября 1990 года рано утром по дороге на службу был убит священник Русской Православной Церкви Александр Мень. Убийца нанес удар сзади по голове топором. Истекая кровью, с. Александр прошел около 300 метров. Он скончался у калитки своего дома в поселке Семхоз, расположенном вблизи Троице-Сергиевой Лавры. Кровь отца Александра пролилась на месте пересечения его дороги из дома в храм с дорогой, которой преподобный Сергей Радонежский ходил из своего дома в основанную им обитель — духовную колыбель Русского народа. Это — символ. Он знаменует аналогичность их служений. Подвиг преподобного Сергия — труд по возрождению русского народа после духовного упадка, предшествующего татаро-монгольскому игу и усугубленного им. Подвиг о. Александра — работа по возрождению русского народа после духовного и нравственного растрепания, породившего иго атеистического тоталитаризма и им утысяченного. Отец Александр в течение тридцати лет был духовным пастырем интеллигенции, которая сама призвана быть пастырем народа. Он способствовал приходу и возвращению к христианству многих, включая Александра Солженицына и Александра Галича. Тысячи людей узнали Истину Христову, пришли в Церковь и крестились благодаря ему и его книгам. Символично, что его отпевание происходило в день усекновения главы Иоанна Крестителя.

Значение личности о. Александра, его жизни и смерти будет раскрываться с течением времени. Но уже сейчас многое можно осознать, и бесконечно важным для всех нас представляется смысл этой жизни

Александр Владимирович Мень родился в Москве 22 января 1935 года. Его жизнь нельзя понять без учета роли его матери Елены Семеновны. "Бога я чувствовала с самого раннего детства", — пишет она в своих воспоминаниях. В этом сказались влияние, в свою очередь, ее матери и бабушки. Бабушка Елены Семеновны была человеком столь боль-

шой веры, что ее считал возможным исцелить знаменитый о. Иоанн Кронштадский. Увидев ее, он сказал: "Я знаю, что Вы еврейка, но вижу в Вас глубокую веру в Бога. Помолимся Господу, и он исцелит Вас". Так и случилось.

Еще в детстве Елена Семеновна открыла и полюбила Иисуса Христа. Это было очень не просто для девочки из еврейской семьи. К тому же ее школьные и студенческие годы пришлось на время разгула воинствующего безбожия в стране. Тем не менее с девяти лет у нее было твердое намерение принять крещение. Но до этого прошло еще 18 лет поиска. Евангелие она читала постоянно. Она пишет: "Некоторые места действовали на меня с огромной силой. Но сильнее всего меня потрясли слова: "Кровь Его на нас и на детях наших!" Когда я читала это место, я почти теряла сознание". Она осуществила свое решение в 1935 г., крестившись вместе с семимесячным Аликом, будущим о. Александром, в Загорске у старца о. Серафима Батюкова из катакомбной церкви. Перед этим о. Серафим заочно следил за духовным ростом Елены Семеновны в течение 10 лет. Катакомбную (подпольную) церковь составляли оставшиеся в живых и на свободе священники и миряне, которые не последовали в 1929 г. призыву местоблюстителя митрополита Сергия к сотрудничеству с атеистической властью, осуществлявшей в то время кровавые гонения на веру и церковь. Среди прочих наставлений после крещения о. Серафим велел Елене Семеновне, когда она кормит грудью Алика, читать три раза "Отче наш", три раза "Богородице Дево" и один раз "Верую".

Способности о. Александра проявились очень рано, в том числе художественные, музыкальные, а также религиозная одаренность. О. Серафим предсказал мальчику большое будущее. На его духовное формирование влияние с детства оказывали мать с друзьями — духовные дети о. Серафима и о. Алексея Мечева. Еще в школе он много читал Отцов Церкви, познакомился с трудами Владимира Соловьева. На первом курсе прочел "Столп и Утверждение истины" и "был восхищен". Со школы стал изучать Древний Восток. Тогда же возник план будущих книг. Первый набросок "Сына Человеческого" был написан в 15 лет. Он поступил в Московский пушно-меховой институт. "Выбор был продиктован любовью к биологии". Любовь эта сохранилась у него на всю жизнь. "Бог дал нам две книги — Библию и Природу", — говорил он. Учась в институте, о. Александр продолжал интенсивную подготовку к своей будущей работе богослова, апологета и священника. Окончить институт не удалось, исключили уже во время государственных экза-

менов — стало известно, что он работает истопником в епархиальном управлении. Это произошло в 1958 году.

В том же году 1 июня о. Александр был посвящен в дьяконы по благословиению митрополита Московского и Крутицкого Николая и направлен в приход в Акулово. Тогда же он поступил в Ленинградскую духовную семинарию, которую окончил в 1960 г. "Она мне мало что дала, — вспоминал он. — Все уже было пройдено самостоятельно еще до окончания школы". Духовником в студенческие годы был отец Николай Голубцов — "человек мудрый, светлый и открытый". По его благословиению о. Александр был рукоположен в сан священника 1 сентября 1960 года в Донском монастыре епископом Стефаном Никитиным из "маросейских" (т.е. из окружения о. Алексея Мечева). Про отца Николая Голубцова о. Александр писал: "Отец Николай очень много мне дал, и я не терял с ним связь до самой его смерти в 1963 г. Он мне говорил: "С интеллигенцией больше всего намучаешься" (знал из своего опыта). Но он был именно пастырем этого духовно заброшенного сословия и мне это завещал. Он руководился принципом свободы. Никогда не проявлял узости".

После рукоположения о. Александр служил в Алабине, затем в Тарасовке. И, наконец, в 1970 г. он перешел в Сретенскую церковь Новой Деревни рядом с г. Пушкином.

В 60-е годы о. Александр написал в соответствии со своим планом следующие книги:

"Сын Человеческий" — по евангельской истории, а также посвященные изложению истории религии:

1. "Истоки религии",
2. "Магизм и единобожие" (о языческих культурах Древнего Востока и библейском монотеизме),
3. "У врат молчания" (об индуизме и буддизме),
4. "Вестники Царства Божия" (о пророках Библии),
5. "Дионис, Логос, Судьба",
6. "На пороге Нового Завета"

Вот, что он вспоминает о 60-х годах: "За этот период оформились окончательно методы и принципы работы. Цель: создавать предпосылки для образа жизни, мысли и устоев христиан XX века, без староверства".

Работа мысли и пера в эти годы направлена на то, чтобы продумать и изложить современным языком и с учетом всех достижений современной исторической науки, богословской и философской мысли всю историю человеческих исканий Смысла Бытия. Уяснить себе и показать другим

мыслящим и ищущим людям, что история этих исканий есть восхождение к Истине, а Истина есть Христос. То есть сознательно придти к тому, во что он верил с самого раннего детства и привести многих. Конечно, это не единственная цель. Изучение различных духовных учений и религий (иудаизма, мусульманства, буддизма, индуизма и др.) естественно для современного интеллигентного человека. А для христианина знакомство с другими духовными путями поиска Истины не только делает его веру более сознательной, но и обогащает ее, т.к. эти другие учения содержат ценный дополнительный духовный опыт, который на самом деле включает подлинное христианское мироощущение. Существуют два трагических разрыва. Один между церковью, культом и цивилизацией, культурой. Другой между христианством, редуцированным к обряду, ритуалу, и самой личностью Иисуса Христа. На самом деле оба эти разрыва являются проявлением старой ереси, не принимающей парадоксальности и полноты Боговоплощения в личности человека Иисуса и преуменьшающей роль человеческой природы и воли в личности Богочеловека Иисуса Христа. Именно устранение этих разрывов — основная задача книг и вообще жизни о. Александра. Воссоздание связи Человека с Богом, Церкви с Культурой невозможно без восприятия всей полноты Истины Богочеловечества, без свободного сотворчества Человека с Богом, без усвоения Духа Свободы и Любви.

В Сретенской церкви Новой Деревни о. Александр оставался священником до последнего дня своей земной жизни. В Новой Деревне недалеко от церкви была похоронена его мать Елена Семеновна. Она скончалась в 1977 г. Эти 22 года посвящены пастырству, духовному и культурному просвещению учеников и писанию книг. В частности, за эти годы были написаны девять томов Библейского словаря. Власти не относились одобрительно к его деятельности. Его вызывали в КГБ, угрожали.

Он крестил меня тайно в домике рядом с церковью в 1971 г. Но прихожанином его храма я стал лишь в 1986 году. После чего видел его регулярно. Он крестил нас не в обряд, не в обычай, а в Иисуса Христа — человека, в котором воплотился Бог, и который научил нас Истине и Закону Свободы. И Истина эта есть, что Бог — есть Любовь. А истинная любовь жертвенна: "Нет выше той любви, чем душу свою положить за други своя". Во время первой моей исповеди ему он говорил мне о Радости, о высоком призвании и ответственности быть представителем Христа, о нашем долге и возможности творчества, которая есть у каждого из нас — творчества собственной жизни. Как удивительна его

собственная жизнь! В ней он достиг того, о чем мечтал Н.Бердяев — соединения творчества и святости. Он советовал не забывать четырех вещей: личной молитвы, чтения Библии, молитвы в Храме и общения с христианами вне Храма (т.е. приход, по его идее, состоит из более мелких общений — групп христиан, близких лично и участвующих в общей молитве вне храма). Каким удивительным огнем была согрета его служба Литургии! Каждое общение с ним в общей молитве, на исповеди или в беседе, даже самой краткой, было удивительно благодатно, поднимало или, точнее, согревало дух. Он обладал какой-то солнечностью. Как любили его и любовались им и старые, и взрослые, и дети, и простые ученые и знаменитые, и верующие и не знающие Христа. По-видимому, это происходило от того, что сердце его горело любовью к Богу и к каждому человеку, которого Бог посылал навстречу ему. Он спас многих и своей молитвой, и своим советом. Понимал с первого слова, обладая удивительной проницательностью и необыкновенным умом. Он казался некоторым (из мало знавших его) слишком "светским", т.к. не был похож на ожидаемый образ строгого служителя культа, но его веселость сродни радости преподобного Серафима Саровского. Она от близости к Спасителю. Он знал, как никто, историю церкви, любил Отцов церкви, церковное пение, сам пел очень хорошо, прекрасно знал иконопись и многое другое, отличающее православие и именно русское православие. Но главное для него была сама личность Иисуса Христа. "А обряды, посты и многое другое важны, — говорил он, — но не должны становиться самоцелью и заслонять главное — духовную свободу и любовь Христову".

Он говорил как-то мне: "Вот девушка приходит в храм, а там что-то непонятное. Она спрашивает знакомого: "Зачем это?" Он ей отвечает: "Это предание". А она: "Да, зачем мне предание, мне нужна Истина". Можно бить по 500 поклонов в день и быть бесконечно далеким от Бога".

Он был открыт ко всякой Правде в других ветвях христианства и других религиях. Эта открытость (а не просто терпимость) к инославиям была основана не только на любви к братьям, но и на глубочайшем знании и понимании не только богословских, но и исторических, культурных и психологических причин расколов. На вопрос об отношении к католикам и протестантам он отвечал: "Перегородки, разделяющие нас, не доходят до Бога". И еще об отношении к некрещеным или обращенным в другую веру: "Для меня все люди — Люди. Все они творенья Божьи. Они мои ближние. Кроме того формально крещеный человек может быть

далек от Бога и от Христа (ведь и Сталин был крещен), а иной язычник — по своим делам — ближе, чем мы”. И за эту позицию его обвиняли многие, не имеющие и толику его знаний и его любви, но зато имеющие много ”православной” гордыни. Обвиняли его и в том, что он крещеный еврей, лукаво забывая, что к тому же роду принадлежали и предки нашего Спасителя Иисуса Христа, включая Пречистую Деву Марию, а также и все Апостолы — первые последователи Господа.

Апостол и еврей, он повторил в наше страшное время их подвиг. А дух антисемитской ненависти, не совместимый с христианством, но часто прикрывающийся им, все больше разливающийся в нашем обществе, — одна из главных причин его смерти.

Весной 1987 года я говорил ему о своих терзаниях в связи с тем, что в обществе нашем такой голод по настоящей Правде, а мы, христиане, молчим. А он ответил: ”Когда нам будет что сказать, Господь даст нам кафедру. Даже телевидение”, — пошутил он. И вот Господь дал.

Первое публичное выступление о. Александра состоялось 11 мая 1988 г. перед студентами и преподавателями МИСиС. Оно было посвящено тысячелетию крещения Руси. С этого момента начался новый этап подвига о. Александра — открытая проповедь Евангелия Христова, широкая деятельность по духовному и культурному просвещению, борьба против мифов и лжей атеизма, борьба за духовную свободу. За неполных два с половиной года, которые ему еще оставалось жить, им были прочитаны множество лекций на разные темы, связанные с Библией, христианством, религией, философией и искусством.

Помню однажды, это было летним днем 1988 года в саду чьей-то дачи в Пушкине, кто-то спросил его, как он относится ко всему происходящему, т.е. к гласности и т.д. Он ответил, что относится к происходящему положительно, потому что пока охотники охотятся друг за другом, зайчик может попрыгать на свободе. Помню, меня немного покорибли эти слова. Видимо, я возлагал тогда больше надежд, чем сейчас, на реформаторские устремления ”перестроечной” части охотников. А он трезво понимал, что наступила короткая уникальная возможность для проповеди Евангелия открыто. Не думаю, что он переоценивал увлеченность охотников борьбой между собой, скорее он, трезво сознавая все, вышел на проповедь, вызывая огонь на себя.

Его открытое служение длилось меньше трех лет. Вот темы лишь малой части лекций, прочитанных им:

1. Символ веры.
2. Вселенские соборы.
3. Отцы церкви.
4. Древнерусский Ренессанс.
5. Литургия.
6. Буддизм.
7. Великий Пост.
8. Ислам.
9. Храмовое действо.
10. Проблемы детской катехизации.
11. Христианство и русская культура.
12. Цикл — Русская философия XIX-XX веков (Хомяков, Соловьев, Булгаков, Флоренский, Бердяев и др.).
13. Цикл — Никео-Царьградский символ (9 лекций).
14. Цикл — Мировые религии и культуры (6 лекций).
15. Цикл — Библия и русская литература X-XX веков (6 лекций)

Он выступал в институтах перед аудиторией, в которой было много людей, которые, конечно, уже давно не относились всерьез к марксистско-ленинскому учению, одновременно считая, однако, что христианство и церковь это нечто устарелое и примитивное. И вот он, его удивительные знания, богатый и блестящий язык. Становилось очевидным, что устарелым и примитивным является представление о христианстве и церкви. После лекций шли ответы на многочисленные записки. В основном это были вопросы заинтересованных и благодарных слушателей. Но были и такие: "Вы — крещеный иудей" или "Ваши коллеги из Загорска считают Вас не очень православным". Он отвечал достойно. Но не думаю, что записки эти доставляли ему радость. Распорядок дня его в эти последние годы стал предельно напряженным: ранний подъем, служба, исполнение треб, беседы с многочисленными духовными детьми, сотрудниками, просто пришедшими за советом. Потом на машине он должен был успеть на лекцию в какой-нибудь институт или дом культуры, потом может быть лекция в другом месте, затем возвращение домой и работа допоздна над книгой. Он инициировал множество добрых дел, направленных на милосердие, просвещение и многое другое. Предполагалось, что он станет телепроповедником на Российском телевидении и ректором Богословского университета. Он мечтал успеть выполнить то, что ему предназначено. Думаю, что в силу своего смирения и желания успеть больше посеять слово Божие он не стремился к мученичеству, но Бог сам удостоил его венца мученика для своих целей. Ему не могли простить многое: и национальности, и таланта, и широты взглядов, и удивительного ума, и популярности, но главное, чего не могли ему простить, это —

проповеди Евангелия, проповеди Света, Правды, Любви и Радости. И сказано об этом в Евангелии от Иоанна: "Суд же состоит в том, что люди более возлюбили тьму, нежели свет. Потому что дела их были злы. Ибо всякий делающий зло ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явно были дела его, потому что они в Боге сделаны".

Его ненавидели современные законники и фарисеи. "Законничество вечно восстает против Царства Небесного", — писал о. Павел Флоренский в статье об Алексее Мечеве — духовном прародителе о. Александра. Там же о. Павел Флоренский продолжает: "большинство ищет пассивной спасенности, приобретения даров духовной жизни без самой жизни. Всегда и везде большинство рассчитывает купить Святого Духа: в одном случае просто деньгами, в другом — теми выполненными делами того или другого закона, или внешним поведением... С этой верой в самодовлеющую ценность дел боролся Христос и на протяжении всей истории борется духовное сознание христианства. Преемственная нить этой борьбы никогда не обрывалась, и нужно верить — не оборвется. Но эта нить всегда проходила через ничтожное меньшинство, точнее сказать, через немногие единицы".

И к этим единицам принадлежит о. Александр и в этом главный смысл его жизни. И потому Бог прославил его венцом мученика. И именно своей кровью мученики непременно утверждают истинность своего исповедания.

Его ненавидели за то же, за что убили Спасителя. А Спасителя убили за то, что Он говорил Истину людям. А Истина эта — та, что главное — это не обряд, не закон, не суббота, а Любовь, любовь к Отцу и к ближнему. И только познание этой истины делает человека свободным. Христос не отрицал ни обряда, ни закона, ни субботы. "Не нарушить закон пришел я, но исполнить", — говорил Он. Он учил и звал нас не потерять за законом и обрядом Смысл, ради которого они установлены. И потому Христос вызывал ненависть фарисеев. Удивительна диалектика фарисейства. Древние фарисеи ненавидели Христа за "дух Его свободы, невыносимый для людей, культивирующих каноны, ритуалы, уставы". Потом это было лживо перефразировано так: евреи распяли Христа. И вот теперь говорящие эту ложь новые фарисеи — поклонники устава и ритуала мстят как бы за это распятие, а на самом деле преследуют снова Дух Христовой Свободы. Вот слова, заключающие книгу о. Александра "Сын Человеческий":

”Как и все, что происходило в священной истории, трагедия, разыгравшаяся две тысячи лет назад по вине церковных вождей Израиля, имеет универсальное значение.

Читая сегодня грозные речи Иисуса, направленные против фарисеев и книжников, многие христиане усыпляют свою совесть, думая, что они относятся лишь к верхушке иудейского общества I века. Но тогда за этими речами остался бы только исторический, преходящий смысл. Между тем, каждое их слово полностью приложимо к недостойным представителям любой религии или церкви, к их самодовольству, ханжеству, консерватизму, обрядоверию. Законники и клерикалы всех мастей легко превращались в гонителей. Вспомним хотя бы участь Афанасия Великого и Златоуста, Саванаролы и Гуса, митрополита Филиппа и многих других, кто прошел свой крестный путь по воле ”лжебра- тий” Извращение веры, гордыня, дух культового формализма, расчеты ”задобрить” Бога исполнением внешних устоев живучи, как и все человеческие грехи. Древних фарисеев нет, но отнюдь не умерло само ”фарисейство”.

Убийство отца Александра — событие чрезвычайно важное для нашей общественной жизни. Это чудовищное преступление знаменует собой, что произошло страшное, то, что и должно было произойти в расплату за нашу пассивность, трусость и внутреннюю несвободу — сложился союз всех самых темных изуверских, шовинистических и бандитских сил в обществе, церкви и государстве. И этот союз отметил свое образование сатанинской мессой с принесением в жертву человека, олицетворяющего собой самое светлое и святое.

Несомненно, Бог посрамит силы зла. Но сделать это можно, лишь пробудив нас от унылой спячки к творческому и жертвенному служению Христовой Правде. И потому была принесена Богом эта великая жертва.

**”ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ
И РАСТОЧАТСЯ ВРАЗИ ЕГО”**

*Александр Белавин.
Черноголовка*

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Когда я в свое время писал предисловие к книге отца Александра Меня, я как будто позабыл и о нем, и даже о самом его труде, чтобы всецело сосредоточиться на проблеме служебного, пропедевтического пересказа Евангелий. Я верил тогда и верю сейчас, что такой характер предисловия отвечал воле автора книги — чтобы читатель думал не о нем, а о Христе.

Но пришло время, когда мы должны подумать об отце Александре. Говорить о нем стало трудно, ответственно — и необходимо.

Его не стало в живых. 9 сентября 1990 г., за день до Усекновения главы Иоанна Предтечи, топор убийцы рассек его голову. Голову священника на пути в храм. Недруги столько корили его нерусской его кровью (кровью ветхозаветных патриархов), и вот теперь кровь его навсегда смешана с русской, с московской землей. С землей края преподобного Сергия. Более нерасторжимой связи и быть не может. Как часто за это столетие земля наша орошалась священной кровью! Настал черед и для его крови.

Было бы неправдой — утверждать, будто уважение к мученической кончине свойственно одним только христианам. Оно, это уважение, отличает живую душу от мертвой, людей — от нелюдей. Но христианин приучен понятиями своей веры видеть в такой кончине высшее подтверждение смысла прожитой жизни, славу, которая дается не всякому и которую нужно заслужить. (Как говорил однажды о. Александр: "Мы поднимаемся на гору, и по пути у нас столько ошибок, столько открытий! Но на самой вершине горы — крест"). Подумаем: день за днем священник по богословскому смыслу литургии участвует в крестной Жертве своего Учителя; и вот собственная его жертва сливается с той Жертвой.

Пролитая кровь — великая сила. Если о ней забывают, это проклятие. Если о ней помнят, как должно, это благословение земле. Нашей, русской земле.

Страшный и славный страстотерпческий удел постиг очень радостного человека. Скажем проще, по-житейски: веселого человека. Одного из тех, что простым своим присутствием гонят вон глухонемого беса уныния, излечивают от черной немочи, очищают воздух, которым стало невозможно дышать. Многочисленные чада отца Феррапонта — помните антагониста отца Зосимы из "Братьев Карамазовых"? — находили, находят и будут находить эту веселость

несовместной с духовным подвигом, со священническим саном. Однако не они, а он был избран для такого конца; поневоле задумаешься. Их серьезность — рукотворная, от человек; а конец — от Бога. Что до обыкновения отца Александра вести себя, мне вспоминаются слова очень злого критика христианства — Фридриха Ницше. Последний говорил, что христиане-де неубедительны для него самым своим видом, потому что больно уж они "unerlöst" — по ним не чувствуется, что Христос их вправду искупил, избавил, вызволил из кабалы зла. Христианам стоит иногда вполуха прислушаться к таким нападкам — может быть, удастся извлечь для себя "от противного" духовную пользу. Но сейчас я веду к тому, что про отца Александра нам Ницше не смог бы повторить своего словечка "unerlöst". Ликующая свобода чад Божиих, твердое знание, что смерть и ад в самом деле бессильны, что от любви Христовой вправду ничто не может отлучить — "ни смерть, ни жизнь" (Рим. 8:38), — в каждом жесте, в каждой интонации, сквозь отчаянную каждодневную усталость. Это могло казаться "живиальностью" — а было едва ли не буквальным исполнением слова апостола Павла: "Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь!" (Фил. 4:4).

Судить о веселости отца Александра следует с тем большей осторожностью, что ведь за ней — опыт верности вере в годы Великого Отступничества, когда верных оставалось очень, очень мало, и каждый из верных непосредственно ощущал на себе отяжелевшую руку князя мира сего. Верность эта была унаследована от матери. Елена Семеновна крестилась вместе со своим семимесячным сыном у катакомбного священника, когда на дворе стоял 1935 год, атеисты без лишней застенчивости официально именовали себя безбожниками, а исчезновение христианства в советском обществе планировалось запросто на общих основаниях с другими подробностями пятилеток. Александр Владимирович Мень был рукоположен в сан диакона и затем священника, когда война на уничтожение против христианства перешла в менее кровавую, но весьма разрушительную стадию хрущевских гонений. И ведь не в одних внешних гонениях было дело. Те участники религиозно-философских кружков, которые позднее, при Брежнев, теряли работу или даже шли в тюрьму, ощущали хотя бы пассивное сочувствие интеллигенции, хотя бы непоследовательные попытки помощи из-за рубежа; о них знали, их уважали. Напротив, в сталинские и даже хрущевские годы имело место единственное в своем роде психологическое давление: общество навязывало верующему роль не то, что бы "инако-

мыслящего” — какое там! — а попросту глупца из глупцов, который по своей вредной дикости все еще не узнал то, что обязан знать каждый грамотный человек. ”Но наука доказала, что души не существует”, — как сказано у Николая Олейникова. Против верующего — все: не только ”органы”, не только ”официоз”, но и общественное мнение снизу доверху, включая либералов ”оттепельной” формации. Трудно не дрогнуть, когда все шагают в ногу и атеизм наслаждается статусом самоочевидной аксиомы. Кому охота быть белой вороной! Когда в свои школьные и студенческие годы Алик Мень неуклонно пополнял свое религиозное образование, — за этим стоял такой подвиг верности, о котором трудно составить себе понятие современному юноше, щеголяющему знанием Отцов Церкви, Владимира Соловьева, отца Павла Флоренского. И хочется спросить: где были тогда нынешние судьи недостаточно строгого православия отца Александра — на комсомольских ли собраниях или еще на пионерских сборах?

Против духовной мнительности верующих раз и навсегда предостерегла вечно актуальная четырнадцатая глава «Послания к Римлянам»; лучше апостола Павла, право, не скажешь. Но я-то помню время, когда и те православные, которые были по типу ментальности резко отличны от отца Александра, отзывались о его деятельности очень уважительно. Уж слишком уникальной была эта деятельность для 60-х годов. Из всех религий христианство менее всего может быть сведено к ”отправлению культа” — но именно так поступали с ним на официальнойшем уровне законодательных и конституционных формулировок, не говоря уже о каждодневной практике. Недаром самая святая часть христианского канона называется Благой вестью; в самом центре христианской веры — весть, которую надо принять и передать дальше. На каждого христианина, тем более на каждого священника долг апостольства и миссионерства возложен евангельскими словами Христа: ”Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа” (Матф. 28:19). Но на языке времени исполнение этого долга называлось ”религиозной пропагандой” и приравнивалось к наказуемым преступлениям. Здравомысленные люди успокаивались на том, что невозможное — невозможно. И когда среди недоброго, враждебного молчания зазвучал одинокий голос в защиту веры, апостольский, миссионерский голос, обращенный прямо к современнику, — как объяснить молодым, что это означало в те годы?

Подчеркнем еще раз, что голос этот с самого начала адресовался точно и конкретно к современнику. Есть искуше-

ние — вывести Церковь из движения истории, ”дабы по-
дальше от людей она была еще святее”, как давно было ска-
зано в эпиграмме поэта-символиста Вяч.Иванова. Оно ко-
нечно, от людей одни неприятности, так что было бы куда
благообразнее устроить Церковь без людей, из одних анге-
лов, — но ничего не поделаешь, это противоречило бы ясно
выраженной воле Христа, основавшего Свою Церковь для
спасения несовершенных, грешных людей: мытарей, блуд-
ниц, разбойников, — и даже, что особенно трудно, книж-
ников. Людей, каковы они есть. ”Фарисеи сказали ученикам
Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и греш-
никами? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые
имеют нужду во враче, но больные” (Матф. 9:11-12).

...И даже книжников. Как все знают, специальным объ-
ектом миссионерских усилий отца Александра стало совсем
особое туземное племя, которое зовется советской интелли-
генцией. Племя со своими понятиями и преданиями, со
своими предрассудками, по степени дикости в вопросах ре-
лигии подчас превосходящее (и уж подавно превосходив-
шее лет тридцать назад) самые дикие народы мира. Племя,
с которым миссионер должен разговаривать на его собст-
венном туземном языке; если нужно — на сленге. Только не
надо с нажимом повторять, до чего же хорошо отец Алек-
сандр владел языком светской культуры, с удивлением кон-
статировать, что он, подумать только, мог наилучшим об-
разом поговорить с людьми науки, искусства и литературы
на темы, близкие для них. Все это — чистая правда, однако
не в меру умиляться этому — несоразмерно с масштабом
его жизненного дела. Поразительна не его разносторонняя
образованность; он был человек очень одаренный, очень
живой, очень сильный, и этим все сказано. Поразительно
другое — как эта образованность без малейшего остатка от-
давалась на служение Богу и людям. О чем думать куда по-
лезнее, чем о его эрудиции, так это о его умной, свободной
и в основе своей смиренной открытости навстречу своим
современникам — сбитым с толку, духовно искаженным
творениям Божиим и носителям образа Божия. Ибо для то-
го, чтобы помочь ближнему, не отпугивая непомерно высо-
кой и непомерно тонкой духовностью, не подавляя строго-
стью вкуса, не сковывая мощью собственной индивидуаль-
ности, смирения нужно больше, чем для самых смиренных
словес и телодвижений. Как сказано в одном стихотворении
Киплинга, ”не выглядеть чересчур хорошим и не говорить
чересчур мудро”, ”don't look too good nor talk too wise”.

Может быть, труднее всего не оказать помощь, а по-
мочь принять помощь.

Мы назвали его очень сильным человеком; это едва ли не самая очевидная из его характеристик. Но бывает сила, которая крушит и глушит все вокруг, — а от его силы все кругом расцветало.

Апостол книжников, просветитель "образованщины", отец Николай Голубцов, его духовник и наставник в молодые годы, предупреждал его: "С интеллигенцией больше всего намучаешься". Вот он и мучился. Не будем перечислять поименно знаменитых на весь мир людей, которым он помог прийти к вере; было бы тяжким заблуждением, вообрази мы хоть на минуту, будто для него (или для Бога) любая знаменитость была важнее, нежели самый безвестный из его прихожан. В Церкви нет привилегированных мест — а если есть, то они принадлежат самым убогим. Интеллигент — не лучше никого другого, может быть, — хуже всех; но он наряду со всеми другими мытарями и разбойниками нуждается в спасении своей бессмертной души, а для того, чтобы его спасти, его необходимо понять именно в его качестве интеллигента. В противном случае духовный руководитель рискует либо оттолкнуть чадо по вере, либо заронить в нем мечтательность, побуждающую вообразить себя совсем даже и не интеллигентом, а чем-то совершенно иным, высшим, не нонешнего века. Словно бы сидит раб Божий не в квартирке своей, а в афонской келье или же в покоях незримого града Китежа и оттуда с безопасной дистанции наблюдает, сколь неосновательна светская культура и сколь неразумна "образованщина". Антиинтеллигентский комплекс интеллигента — проявление гордыни, которой не надо поощрять; вся православная традиция учит нас, что человек может начать свой возврат к Богу единственно от той точки в духовном пространстве, где находится реально, а не мечтательно. Отнюдь не для угождения интеллигенции, но для ее вразумления ей нужен пастырь, который понимал бы ее интеллигентское бытие со всеми его проблемами, искушениями и возможностями — изнутри. Этим определяется значение жизненного дела отца Александра.

То, что он писал книги, было лишь частью его пастырских трудов. Его читатели — непосредственное продолжение его прихода, включая, разумеется, и тех, кто лишь готовится принять крещение. Одно непонятно — как этот человек, до предела отдавший себя своим священническим обязанностям, находил силы, чтобы читать новую научную литературу и неумоимо вносить дополнения в написанное им?

Он писал и говорил на языке века, чтобы его слышали. Он мог бы сказать о себе словами апостола Павла:

”Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести... Для немощных я был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мер некоторых” (1 Кор. 9:19, 22).

Князь мира сего никому еще не прощал такого поведения.

И на вершине горы — крест.

Сергей Аверинцев

НОВОЕ ВРЕМЯ МУЧЕНИКОВ

Убийство о. Александра сперва просто ударило по лбу. Это было почти физическое чувство, поэтому я точно помню место удара. Потом, на похоронах, спокойно и печально заработало сознание, и я вдруг увидел, что мы вступаем в новое время мучеников. Только сейчас, при выходе из Утопии, разделительная линия между мучениками и мучителями другая, чем при входе в Утопию. Она проходит внутри христианства, она рассекает все лагеря. Сталкивается религия любви и воинственное национальное язычество. Сталкивается привычка ненависти, легко меняющая образ врага, и чувство вечности, освобождающее от ненависти.

После смерти Сахарова ни одно событие так не потрясло меня. Недаром приходят мученики и недаром их чтят. Мы прошли какой-то новый поворотный пункт. Поднялась еще одна голова дракона, и каждый, кто остается в России, должен быть готов остаться один на один перед огнедышащей пастью.

Лет 15 тому назад о. Александр, прочитав мое эссе о пене на губах, превращающей змеборца в нового змея, остановился перед иконой из собрания Московской патриархии, и показал мне лик св. Георгия, сохранявшего отрешенный покой в битве с чудовищем. Я согласился, что на хорошей иконе это действительно так и языческий сюжет преображен христианским духом. Но на значках и плакатах никакой отрешенности не осталось. Только упоение ненавистью, только образ противника как воплощение мирового зла.

Такие вещи не первый раз случаются в истории. Свастика в Индии до сих пор остается мирным религиозным символом. Ненависть, ищущая освящения, легко превращает образ духовного движения в фашистский знак.

О. Александр, мне кажется, понимал, на что он идет. Да и как было не понять, получая каждый месяц новые письма, написанные в обычном для "Памяти" стиле. Мы не знаем, кто нанес священнику удар топором в затылок. Это мог быть первый попавшийся, сбитый с толку воплями о спасении России. Но мы хорошо знаем, кто хотел смерти проповедника, кто убивал его в помыслении.

Отец Александр как мыслитель был учеником Г.П.Федотова, убежденным экуменистом. Для многих это почти то же, что масон, а масон — что черт. Вполне порядочный, но ограниченный автор недавно написал: "Я невольно цепенею при мысли, что какого-нибудь малодушного епископа,

”сергианца”, заменит какой-нибудь бодрый, энергичный экуменист-масон, разрушитель основ православия” (“Свободная Россия”, № 3). ”Бодрый, энергичный экуменист” — это почти портрет Александра Меня. Он настойчиво вел диалог с католичеством. Исследуя религии Востока, искал в них не демонические извращения, которые всюду можно найти, а искры Единого Огня. И считал путем евреев признание Христа Спасителем без разрыва с иудаизмом, — так, как учил сам Христос и апостолы до Павла. Для православного фундаментализма, застывшего в гордыне Третьего Рима, все это ужасные ереси. Разрушение барьеров между Россией и Христианским миром кажется ему разрушением основ православия (эту характеристику я встречаю не первый раз). Не решаются поднять руку на Федотова и травят его учеников.

Все, в чем упрекали Александра Владимировича Меня, можно найти у Георгия Петровича Федотова: взгляд на православие как ветвь единой христианской культуры, соединение традиций высокой духовности с борьбой за политическую свободу и права человека. В годы застоя о. Александр таскали за это на допросы, устраивали обыски, поливали грязью в газете ”Труд” (не забывшей упомянуть, что по паспорту отец Александр — Александр Вульфович; это, конечно, сразу должно было уронить его в глазах пролетарских интернационалистов)... Сейчас старые методы травли уже не годятся, но нашлись новые, неформальные.

За какой-нибудь год о. Александр, благодаря телевидению, стал первым проповедником страны. Режиссеры, привлекавшие его, не сознавали, какую бурю зависти, раздражения и ненависти — до скрежета зубовного — они вызвали. Раздражал самый облик о. Александра, благородные черты его библейского лица, открывшегося десяткам миллионов с экрана телевизора. Всем своим обликом Александр Меня разгонял мрачные призраки, созданные черносотенным воображением. И это не могло пройти даром.

”Ненависть к чужому — не любовь к своему — составляет главный пафос национализма — не в одних фашистских странах”, — писал Г.П.Федотов (“Новый град”, 1952, с. 108). Эта ненависть справила свой кровавый праздник. Но он не остановит духовного движения, в центре которого стоял отец Александр.

Хочется еще раз вспомнить призыв Федотова: ”Мы спрашиваем не о том, во что человек верует, а какого он духа. Под этим знаменем соединились мы в борьбе за правду Нового Града” (с. 377).

Григорий Померанц

ПАДШИ В ЗЕМЛЮ, НЕ УМРЕТ

Ушел из жизни протоиерей Александр Мень — человек, составивший эпоху в духовной жизни Москвы. Отец Александр родился в Москве в 1935 году. В 1958 году он оканчивал пушно-меховой институт, но диплома не получил из-за идейных разногласий с преподавателями кафедры философии. В том же году был рукоположен во диакона, а в 1960 году — во священника. С 1968 года и до кончины служил в крошечной церкви поселка Новая Деревня близ г. Пушкина Московской области.

Отец Александр был человеком ярким, талантливым, жизнерадостным, остроумным и одновременно — человеком глубокой веры, чуткости, умевшим в самой сложной и деликатной ситуации найти нужное слово, верный тон. Есть немало великих людей, рядом с которыми и себя чувствуешь достойнее. Таким человеком был о. Александр. Люди получали от него не только моральную и духовную поддержку, мощный заряд энергии, но становились выше своих слабостей и грехов, понимая: этот человек не осуждает тебя, он сочувствует и любит. Как о мудрости Творца, по слову апостола, мы узнаем из рассматривания окружающего нас мира, так и о любви Его мы узнаем, встречая любовь в другом человеке. Именно такую любовь дарил своему ближнему о. Александр.

Вера в Бога предполагает также некое знание, ибо нельзя полюбить то, о чем не знаешь. Своим знанием Бога и путей, которыми Он открывался людям на протяжении известной нам истории цивилизации, о. Александр делился в своих книгах. Книги эти были написаны в расчете на нашего современника, с учетом всех наших проблем и запросов. В его труде "Сын Человеческий" живо и глубоко рассказывается об Иисусе Христе, о евангельских событиях. Книга была задумана как введение к самостоятельному чтению самого Евангелия. Шесть довольно объемных томов объединены в серию под названием "В поисках Пути, Истины и Жизни". В них наряду с изложением исторического аспекта священной библейской истории рассказывается и о духовных исканиях мыслителей Древней Греции, Индии и Китая.

Три небольшие книги — "Как читать Библию", "Небо на земле" и "Таинство, Слово и Образ" — имеют целью помочь читателю войти в две самые важные для христианина сферы — Священное Писание и Священное Предание в форме богослужения, совершаемого в Русской Православной Церкви.

Последние несколько лет о. Александр посвятил фундаментальному труду: "Словарь по библеистике". Это 7 объемных томов (пока машинописных), хорошо иллюстрированных, вобравших в себя сведения не только по всем аспектам науки, изучающей библейские тексты, но и о всех исследователях, оставивших след в этой области.

Более 50 статей в русских и зарубежных богословских журналах, а в недавнее время — и в советской периодике. Последние два года по 4–5 лекций в неделю в до отказа наполненных зрительных залах клубов, домов культуры, заводов, школ.

Слова апостола Павла из «Первого Послания к Коринфянам» приложимы и к о. Александру: "...благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился; не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною".

Тяжесть потери не только в том, что оборвалась жизнь выдающегося человека в расцвете сил и изобилии планов, не только в невосполнимости утраты для всех, кто его знал, любил и жил его постоянной духовной поддержкой... Страшно за общество, за народ, в котором такое возможно. Сколь же высока степень озлобленности и агрессии, если рука убийцы может подняться на священника, служителя Церкви Божией? При чем такого, который у любого нормального человека вызывал лишь чувства уважения и любви?

Тяжело и страшно на сердце от этого жуткого и нелепого преступления.

Каковы были мотивы преступления — уголовные или политические, — предстоит разобраться следствию.

В мире нет ничего случайного. Отца Александра убили в день тезоименитства святейшего Патриарха Пимена, ушедшего из жизни весной этого года. Отпевание и погребение совершались в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, казненного по приказу пьяного царя Ирода. Отпевание совершал митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий в сослужении более 16 священников Московской епархии. Более трех тысяч человек пришли проститься с о. Александром.

Будем помнить слова нашего Господа: "Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода". Вечная память тебе, наш дорогой и любимый отец Александр, вечная память!

Московский
Церковный Вестник № 20
Издание Московской Патриархии

Александр Борисов,
священник

”... ТЫ НЕ УЗНАЛ ВРЕМЕНИ ПОСЕЩЕНИЯ ТВОЕГО”*

”... если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно...”

Ин. 12:24

1986 год запомнился всем нам Чернобыльским взрывом. Но для отца Александра и его духовных детей этот год, и именно апрель, были также временем грязных пасквилей в газетах, угроз, обысков, вызовов на допросы. Тогда казалось, что отцу Александру уже не дадут работать священником. Мы только не знали, кончится это преследование тем, что его запретят в священстве, либо посадят или вышлют за границу. Но вышло по-другому — он прожил еще четыре необыкновенно насыщенных года, в которые не только успел завершить все задуманное им в жизни, но и начал проповедовать в полный голос...

В августе того тяжелого 1986-го года батюшка неожиданно предложил мне поехать с ним погулять в Загорск. Мы поднялись в горку за Лавру, углубились в пыльные переулки и через некоторое время остановились перед глухим забором. На стук открыла совсем древняя старушонка. Батюшка очень тепло, как-то по-родственному с ней расцеловался, стал расспрашивать о ком-то, кого я не знал. Мы прошли сени, захламленную террасу и оказались в двух низких крохотных проходных комнатушках, стены которых были завешаны иконами причудливо сочетающихся стилей. За столом сидели две старые женщины. После очень сердечного, хотя и короткого разговора, все поднялись, повернулись к иконам и вместе с батюшкой отслужили панихиду по каким-то, очевидно, очень близким людям. Потом старушки заторопились нас кормить, и, пока они возились на кухне, отец рассказал мне тайну этого дома. Оказывается, в 30–40 годы тут был подпольный женский монастырь, и все эти старушки были последними монахинями, оставшимися жить здесь и после того, как катакомбная (нелегальная) Православная Церковь в конце войны вышла из подполья. В этом доме, во время войны, сидя под образами рядом с кем-то из монахинь, маленький Александр впервые прочел Библию, в этом доме ему привили любовь к православной традиции, к богослужению.

* ЛК. 19:44

Рядом, в Загорске, находился другой дом, куда до 1942 года приходила для исповедей и бесед с широко известным в церковных кругах того времени батюшкой, отцом Серафимом Батюковым, мать отца Александра Елена Семеновна. Отец Серафим перебрался сюда, "ушел в затвор" в 1927 году, когда после ареста митрополита Петра, законного преемника патриарха Тихона и местоблюстителя Русской Православной Церкви митрополита Петра, другой митрополит — Сергей, узурпировав церковную власть, начал сотрудничать с властью светской (советской).

Именно тогда верная патриарху Тихону и митрополиту Петру паства вынуждена была со своими немногочисленными уцелевшими от репрессий священниками уйти в подполье, создав катакомбную Церковь "непоминающих"*. На нелегальном положении оказались наиболее здоровые в духовном отношении приходы Москвы с Солянки, Маросейки, Ходынки и т.д. Отец Серафим Батюков до 1927 года официально, а с 1927 по 1932 годы негласно возглавлял приход храма Бессребреников Кира и Иоанна на Солянке. Отсюда через десятилетия протянулась нить духовной преемственности в село Новая Деревня близ города Пушкино, в церковь Сретения Господня. И до последнего дня рядом с батюшкой была духовная дочь отца Серафима, а теперь уже отца Александра, прихожанка храма Кира и Иоанна с 1924 года Мария Витальевна Тепнина.

Уже в 40-е годы он ясно осознал свое призвание стать священником и в 15 лет начал помогать петь и читать в храме. Тогда же его заинтересовала биология, и после школы он поступил в пушно-меховой институт (университет в те годы борьбы с космополитами-инородцами был для него закрыт). Изучение биологии помогло ему сформировать ясное видение мирового эволюционного процесса, близкое к взглядам Тейяра де Шардена и Вернадского.

Отец Александр говорил, что Дарвин вслед за Спенсером ошибался в главном, когда заявлял, что эволюция идет по пути выживания наиболее приспособленных, потому что в этом случае она остановилась бы на "простейших" — наиболее приспособленных из всех живых существ. Но эволюция, служа Божественной цели, развивается в направлении индивидуализации: с появлением человека вид оттесняется на задний план, а на первый выступает личность. Поэтому, по мысли батюшки, развитие личности и условий, которые позволяют ей совершенствоваться, является

* Так их называли, потому что они не поминали на службе "за здравие" властителей — Сталина и пр.

делом Христовым. Он подчеркивал, что раз Христос, воплотившись, освятил человеческую личность, значит человек представляет собой особую ценность и не должен быть ничтожным.

И эти его взгляды имели огромное значение при духовном самоопределении той интеллигенции, которая, пересмотрев многие ценности, устав от многолетних унижений и подавления человеческого достоинства, шарахалась от монашеского послушания к богоборческой гордыне.

Как ни странно, именно биология дала ему примеры для формирования ясного взгляда на развитие Церкви. Когда, много позже, отцу Александру пеняли на Церковь как на консервативное начало в обществе, требующее перемен, он отвечал, что одинаково глупо как все непрерывно менять, устраивая хаос, так и держаться только старого, потому что эволюция совершается как раз в балансе консервативной наследственности и перемен, и здоровое развитие цивилизации, культуры, церковной жизни происходит в диалоге между новаторством и традицией.

Но это было потом, а в то время, когда он уже закончил учебу и собирался сдавать государственные экзамены, партийная ячейка вуза решила изгнать его за религиозные убеждения. Действительно, идеологический ущерб был велик — не только множество студентов, среди которых был и известный ныне депутат России отец Глеб Якунин, но и профессора стали захаживать в церковь. Стараниями властей и промыслом Божиим он не стал ученым, биологом — его выгнали — и в том же году он был рукоположен в дьяконы, а через три года в священники.

В те годы его духовным отцом стал известный в среде московской интеллигенции отец Николай Голубцов (ему посвящено несколько страниц в книге дочери Сталина Светланы Аллилуевой, которую он крестил), сын знаменитого археолога, профессора Московской Духовной Академии.

Сам отец Николай в те годы хрущевских гонений на Церковь проповедей почти не говорил, но прославился в Москве замечательными общими исповедями. От него перенимает отец Александр пастырское служение в среде православной интеллигенции, хотя истоки этого служения можно проследить и в приходе на Солянке, и на Маросейке у знаменитого в начале 20-х годов пастыря Алексея Мечева, духовного отца Н.Бердяева.

Алексея Мечева батюшка в силу возраста не знал, но бесконечное уважение к нему воспринял от своего наставника в юности подпольного священника Бориса Васильева —

этнографа, историка Древнего Востока, тонкого пушкиниста.

Большое влияние на отца Александра оказало участие в 50-е годы в семинаре молодых священников, организованном на свой страх и риск тогдашним сотрудником Журнала Московской Патриархии, образованнейшим, духовно чутким Анатолием Васильевичем Ведерниковым.

Священническое служение отца Александра (та сторона его жизни, которую я наблюдал очень близко в течение 9 лет, когда помогал в его храме сначала на клиросе, а потом в алтаре) было для него и источником радости, и постоянной Голгофой. Так это и должно было быть для человека, по-настоящему познавшего Христа и посвятившего Ему всю свою жизнь, отдавшему себя миссионерской работе в полуязыческой стране.

Иногда можно услышать, что таланты отца Александра были таковы, что, выбрав другую деятельность, он бы сумел принести больше пользы. Это не так. В проповедях батюшка часто вспоминал притчу Спасителя о драгоценной жемчужине, которую купец, найдя, покупает, продав для этого все, что имеет. Он сам был тем человеком, который нашел жемчужину Небесного Царства и отдал за Нее все... Он страстно хотел, чтобы и мы — его прихожане, его друзья тоже обрели Эту Жемчужину. И как священник он старался быть таким посредником между нами и Богом, через которого мы могли бы в полной мере ощутить необыкновенную любовь Христа.

Священническое служение раскрывается прежде всего участием священника в таинствах Церкви и в проповеди. О таинствах отец Александр говорил, что они есть одновременно призывание Христа и явления Христа в мире. Он не переставал повторять, что в этих действиях обязательно участвуют и Бог и человек. Но чтобы совершилось единение человека и Бога, чтобы человек приобщился Божией благодати, подаваемой в таинстве, от человека требуются вера, готовность принять волю Божию, понимание смысла таинства, любовь к Богу. В отношениях к таинствам недопустимы языческое корыстное вымогательство или оккультный интерес к высшим силам. Но наибольшее страдание батюшке доставляло повсеместное фарисейское обрядоверие, профанирующее таинства и лишаящее их действенной Божией благодати.

Помню очередное крещение большой группы неподготовленных, первый раз пришедших в храм людей — такую сцену можно сейчас наблюдать повсеместно. Его тяжелый вздох переживания от того, что ему придется опять приоб-

щать к Церкви ничего не понимающих людей, пришедших не к Христу, а совершить традиционный обряд. Он всякий раз как мог пытался исправлять положение. Перед крещением взрослых обязательно проводил хотя бы краткую катехизацию (научение основам христианской веры).

Он старался сказать о Боге Творце и о Боге, присутствующем в мире, о призвании человека и о его несовершенстве, об исцеляющей и преобразующей благодати Божией, о жизни вечной, но прежде всего о Христе и Его духе, который они должны принять в Святом Крещении. Он всей душой старался передать пришедшим хотя бы крупицу своей любви к Богу. Говоря пришедшим о Христе, батюшка преобладал, как будто не было позади исповеди, утрени, литургии, молебна, отпевания — шести часов на ногах. Кажется, ему даже не мешали кричащие над ухом младенцы. Он заряжал уставших от ожидания своей необыкновенной энергией, слово его всегда было "с благодатью, приправлено солью"

Последнее время отец Александр проводил катехизацию широко, в клубах, стараясь, чтобы перед крещением каждый прослушал хотя бы несколько лекций. Так родился его знаменитый курс катехизации по Символу Веры. Не меньшее значение уделял батюшка церковной жизни христианина, прежде всего участию в таинствах исповеди и в Евхаристии. Как и его учитель Николай Голубцов, он часто проводил общие исповеди. Традиция эта пошла от отца Иоанна Кронштадтского и объяснялась нехваткой священников и большим количеством исповедующихся. Исповедальные проповеди были удивительно проникновенны. Многие на моей памяти отмечали, что отец Александр говорил непосредственно к их сердцу, об их грехах. И хотя времени всегда было мало, после общей исповеди на частную выстраивался длинный хвост раздражающей настоятеля очереди, которая по праздникам рассасывалась только к причастию... Но как бы много не было исповедующихся, батюшка всегда прерывал исповедь во время Евхаристического Канона, священного времени, когда, как он всегда говорил, должно прекратиться всякое хождение, всякий шепот, когда все должны сосредоточиться в молитве, потому что в этот момент именно по молитве верующих в алтаре совершается главное таинство — освящение Трапезы Господней, Преложение Даров — Евхаристия, Благодарение.

Евхаристия — это центр христианской жизни, поэтому подготовку к причастию, частое и благоговейное приобщение

* Кол. 4:6.

ние Святых Тайн он считал совершенно необходимыми для всех своих прихожан. Он сам преображался, когда совершал Евхаристию, когда приносил своими руками эту бескровную жертву, вспоминая жертву кровавую. Всем своим сердцем, всегда отец Александр стремился передать нам любовь Христа, явленную человечеству на Тайной Вечери, любовь, в которой он сам жил и хотел, чтобы мы жили, более всего на свете.

Но в стране, в которой из тех, кто крестится, большинство никогда не держало в руках Евангелие, трудно сформировать правильную веру, такую веру, которая открыла бы доступ к богатствам настоящей Жизни, и отец Александр, воспламеняя наши еще теплые сердца своей любовью, говорил потрясающие проповеди, которые захватывали интеллигенцию и были доступны малограмотным, интересные всем, вызывающие любовь и слезы у одних и черную зависть у других. Он проповедовал, когда другие священники боялись проповедовать. Он не упоминал о политике, мало говорил в проповедях о наших грехах (для этого были общие исповеди), никогда не морализировал, но всегда говорил о любви Христа, о Царстве Божием, пришедшем в силе и славе, то есть благовествовал, и такой уклон в его проповедях не случаен. Он был убежден, что только при внутреннем духовном соединении со Христом, в огне Божией благодати смогут по-настоящему сгореть корни наших грехов. И все, кто слушал, понимали, что перед ними свидетель, что батюшка говорит о том, что знает! Отец Александр как-то сказал, что "вера передается от сердца к сердцу, от человека к человеку". Вот от его сердца все мы действительно и приняли веру Христову.

Вообще, отец ценил только настоящее. Отсюда его такое щепетильное отношение к таинству священства, такая ответственность к благословию своих чад на это служение. Он считал, что сначала должен призвать Господь, и что если человек призван, то это призвание проявится. В частности, поэтому так мало было среди его духовных детей священников (конечно, не последнюю роль играло и то, что главной рекомендацией считался отзыв соответствующих работников КГБ, а не духовных наставников).

Нехватка священников, невозможность открыто проповедовать Евангелие, пассивность мирян, неумение молиться, отсутствие религиозной литературы и возможности обучать детей — все это, очевидно, приводило к угасанию христианской жизни в стране, к угасанию христианской культуры. С этим необходимо было как-то бороться. И отец Александр старался найти формы церковной жизни, кото-

рые бы компенсировали это церковное нестроение в условиях большевистской тоталитарной идеологии. Теперь, когда он стал священником, ему в поисках решения несомненно помог опыт катакомбной Православной Церкви, в условиях которой он жил в деревне.

Отец Александр создает в своем приходе небольшие ячейки, молитвенные общины. Сначала, в 60-е годы, это нерегулярные собрания, их совсем мало, это только эксперимент. Но уже в 70-х таких групп в приходе становится несколько и собираются они регулярно на квартирах у прихожан.

Совершенно независимо в это время западная Церковь тоже стала развиваться в этом направлении. И хотя там верующих никто не преследовал, общая секуляризация стиля жизни сказалась и на ее религиозном сознании. Старые формы, связанные с храмовым культом и монастырями, плохо вписывались в современную жизнь, так же остро стоял вопрос об участии мирян в жизни Церкви. Второй Ватиканский Собор даже издал специальный декрет "Об апостольстве мирян". У них аналогичные общины христиан получили название "Малые группы". Сейчас эта форма церковной жизни развивается стремительно не только в приходах последователей отца Александра, но даже среди его оппонентов.

Таким образом, Церковь на Западе и на Востоке сделала один и тот же шаг, и это свидетельствует об определенном действии Духа Божия, о боговдохновенности всего начинания. Более того, я думаю, мы сейчас участвуем при переходе в новую фазу жизни Церкви (возможно, не менее важную, чем в свое время были монастыри). У истоков этого движения в нашей стране стоял отец Александр!

Что же делали эти общины? Одни собирались только для молитвы и взаимопомощи. Другие для совместного изучения редкой тогда, обычно привозной религиозной литературы, в третьих готовили к крещению или изучали Священное Писание. Как правило, все члены такой общины были духовными чадами отца Александра. Община не подменяла, а дополняла участие христианина в жизни прихода, в Таинствах Церкви. Общим правилом для ее участников было регулярное совместное посещение богослужений, прежде всего литургии, совместное Причащение Святых Тайн.

Без всякого политического умысла эта деятельность батюшки служила подрыву правящей большевистской идеологии куда больше, чем официально разрешенный храмовый культ. И хотя в том, что делалось в приходе не было ничего противозаконного, слухи об этих общинах (конкрет-

ных сведений, я думаю, "органы" не имели довольно долго) не давали власти покоя. Когда же в 80-х годах им удалось получить достоверную информацию об их существовании, для их пресечения был пущен в ход весь арсенал дьявольских средств этой организации: фальсификации, подложные показания, запугивания, дискредитация, клевета, психологические и психиатрические воздействия.

За него взялись серьезно: вызовы на допросы следовали почти каждый день (сам он как-то говорил, что ходит туда как на работу), угрожали запретить в служении, в епархиальном управлении постоянно приходилось писать объяснительные записки по клеветническим доносам. Тогда же появились две лживые статьи в газете "Труд" — все понимали: идет подготовка общественного мнения к неминуемой расправе. И много лет бесконечный шантаж: или уезжай, или посадим. Конечно, он не соглашался. Мы, его духовные дети, очень боялись за его жизнь и свободу. Как раз незадолго до этого разделались с некоторыми друзьями и знакомыми отца Александра. Когда, казалось, не оставалось никакого выхода, я сам, помню, стал говорить ему о необходимости отъезда ради спасения от ареста, и батюшка сказал тогда так грустно, грустно: "Ну, если я уже Господу не нужен здесь, пусть будет что будет".

Такова была его вера. Но тогда он еще сделал не все, он был очень нужен, впереди начиналась "перестройка", впереди было два с половиной года широкого апостольского благовестия и в конце пути — не изгнание и не тюрьма, а высшая награда от Господа — мученический венец.

Сейчас, после пережитого ужаса, многие в отчаянии думают уехать, и можно ли осуждать людей, перенесших это горе, столько лет гонимых, а сейчас оставшихся без пастыря. Ведь сказано: "Поражу пастыря и рассеются овцы"*. Но не того ли желают и убийцы? К отцу Александру время от времени обращались за благословением те, кто хотел уехать, кто уже не мог выдерживать, но он всегда уговаривал остаться. Он часто повторял, что настоящие христиане едут в такие страны, как наша, где можно служить и благовествовать и свидетельствовать о Господе, и в нашу страну приехали бы, если бы их здесь не рассматривали как агентов ЦРУ со всеми вытекающими из этого последствиями, и что поэтому те, кто призван Господом, должны здесь работать, потому что иначе работать будет некому. Каждый отъезд был для него большим горем. Только в редких случаях, как с Галичем, когда изгоняли, он соглашался.

* Матф. 26:31.

Но, как всегда было в истории Церкви, на все настоящее страх не действует. Те, кто жил Церковной жизнью в совместной молитве и взаимном служении, кто почувствовал Дух Любви, касание Божией благодати, не могли и не собирались от этого отказываться. Их жизнь просто стала еще более конспиративной.

Близкий друг и духовный сын отца Александра поэт Александр Зорин, сформировавшийся как христианин и поэт именно в такой общине, так говорит в стихах о нашей жизни в период гонений:

В клубке оголенных проблем
любой намагниченно-взвинчен.
Стал до осязания привычен
шуршащий, свистящий Мальстрем.

Но есть же преграда ему!
Мир светлому дому сему...
Чуть брезжит окошко в тумане.
Уж за полночь. Христиане
расходятся по одному.

В общинах выкристаллизовывалась настоящая христианская вера, завязывалась прочная многолетняя дружба, открывались призвания. Так почти все чада отца Александра, ставшие священниками, перед этим долгое время были лидерами таких общин. Ненамеренно получилось так, что их в согласии с традицией ранней Церкви сначала выбирали члены Церкви, и только потом рукополагал Епископ.

Все это беглый очерк деятельности отца Александра как священника и пастыря, но ведь он был также замечательный ученый, библиист, историк религии, энциклопедист и знаток мировой культуры. И говоря об этих сторонах его жизни, мне кажется, нельзя забывать, что все его таланты, все его служения были органично соединены в нем и подчинены одной цели — апостольскому благовестию в нашей стране.

То, что он был христианин и священник, сказывалось на его работе ученого, освещало ее, а научный и литературный труд углублял веру и сообщал новые измерения его пастырской деятельности.

О нем как об историке религии будет написано еще много и людьми более в том компетентными, я же хотел бы подчеркнуть, что его искренний интерес к другим религиям можно понять, только почувствовав глубину его христианского мироощущения. Отец Александр часто говорил, что

все религии есть попытки человека понять Бога, а "христианство не религия, а ответ самого Бога на вопрос человечества о Нем, поставленный в других религиях". И мне кажется, что, изучая "вопросы", он хотел еще и как можно больше узнать об "ответе".

Много сделал отец Александр для того, чтобы научить наших современников читать Библию. Для предполагаемого массового читателя Священного Писания он написал "Руководство к чтению книг Ветхого Завета" (1981 "Жизнь с Богом"), много лет работал над библейскими комментариями и над вспомогательным научным и литературным аппаратом, все это вошло в "Ключ к пониманию Священного Писания" (1982 "Жизнь с Богом").

Поражает богатство используемого материала (что характерно для всех трудов отца Александра), тут книги по истории, географии, археологии, труды Отцов Церкви и изыскания современных экзегетов. И никакой эклектики! Все подчинено единой цели и выражает преемственность богословской и библейской мысли, глубинное, внутреннее единство Вселенской Церкви.

Результат — последние комментированные Библии издательства "Жизнь с Богом" (несмотря на весьма устаревший перевод) многие считают лучшей комментированной Библией в мире.

После окончания своего шеститомника "В поисках Пути, Истины и Жизни", который уже сам по себе помогает разобраться в Священном Писании, да к тому же написан замечательным литературным языком, батюшка в короткий срок создал двухтомный учебник по изучению Библии для наших православных академий (переданный им в дар, этот учебник по сути так до сих пор и не используется).

Уникальной книгой для изучения как самой Библии, так и истории ее создания является его семитомный "Словарь по библиологии" — сборник статей о людях, посвятивших свою жизнь изучению и объяснению Библии, написанный таким образом, чтобы читатель увидел действие Духа Божия, объединяющего богословов разных стран и конфессий в единую Вселенскую Церковь.

1979 г. Мы собрались у одной прихожанки по поводу освящения ее квартиры. Молебен закончился, и вот мы все за столом. Отец, как всегда в таких случаях, возглавляет застолье. Он более обычного весел, оживлен.

— Отец, как Ваши дела? — спрашивает кто-то.

— Очень хорошо! Я наконец полностью закончил шестой том. Таким образом закончил всю серию... И теперь смогу перейти к главной книге своей жизни!

— Батюшка, но вы же столько уже написали! Какой же труд может быть важнее того, что Вы сделали?

— Ну что вы... все, что я написал, — это только подготовка читателя к главному.

— Так что же главное?

— "История Церкви".

Проходили годы. Мне казалось, что батюшка так и не брался за эту работу. Иногда я любопытствовал, как обстоят дела, но он уходил от ответа, ссылаясь на огромные церковно-политические трудности, возникающие на пути раскрытия столь деликатной темы, особенно для священника РПЦ. Кроме того для отца Александра органически было неприемлемо писать о расхождениях тех, кого он считал онтологически едиными и всем сердцем хотел видеть едиными. Его духу всегда было свойственно объединять, а не разъединять, находить лучшее, существенное и общее... (Но только в том, что по сути едино. Так он всегда ясно и точно разграничивал толстовство и христианство, буддизм и христианство и пресекал попытки объединять мировые религии в духе Вивекананды или Кришнамурти.)

...Отец уже давно писал свой семитомный словарь по библиологии, когда я увидел в порядке его статей, духе изложения материала претензию не столько на скрупулезное изучение всех библеистов, сколько на изображение общих тенденций в работе различных библейских школ (а они, естественно, связаны с Церквями и Общинами), а также живое, динамичное развитие богословской мысли.

Я поделился с ним своим предположением, что словарь и есть задуманная история Церкви, в том виде, в котором ее можно, не погрешая истиной и не сея дополнительных раздоров, опубликовать сегодня, и он подтвердил это... На одной из лекций в прошлом году его спросили, все ли ему удалось сделать в жизни, что было задумано. Он ответил: "Все! ...Ну вот только если в кино еще я не воплотил то, что хотел, а так — все".

Действительно, отец Александр сделал все, что должен был сделать. Научил и исполнил...

Уже в последние два года, получив возможность выступать с лекциями в клубах, отец Александр использовал каждую возможность для того, чтобы помочь нашим современникам полюбить Библию и понять ее место в истории нашей культуры, ведь Священное Писание и Вера Христова были самым средоточием творчества многих наших замечательных соотечественников. Отец Александр, заполняя духовную пропасть шириной в 70 лет, стал читать лекции о них еще до того, как их книги робко пробрались на прилав-

ки. И какое это было для него счастье наконец открыто говорить о Соловьеве, Бердяеве, Федотове, Франке, Булгакове — о всех, кого он так любил!

Энциклопедичность его знаний позволяла ему с легкостью читать интереснейший курс лекций о месте Библии в литературе и искусстве. Главной же целью его лекций всегда было одно — познакомить как можно большее число людей со Словом Божиим, которого они были так долго лишены.

И неудивительно, что первостепенное значение отец Александр придавал чтению Священного Писания своими прихожанами. Он считал, что христианин должен читать Св. Писание ежедневно, молитвенно размышляя над прочитанным. Пренебрежение Евангелием считал большим грехом. Тем более что последнее время возможность достать Библию появилась у всех, а разобраться в ней нам помогали его книги, лекции, проповеди. Самая последняя его работа тоже была посвящена Библии — теперь уже для детей. Рука убийцы оборвала его жизнь, когда он только что поставил последнюю точку...

Проходит время с этого страшного дня, но не зарубцовывается рана. Написано много статей об отце Александре, в большей или меньшей степени обнародована его биография, но не знавшим его лично непросто понять, почему так трудно примириться тем, кто его знал и любил, со смертью человека, который и сам не боялся смерти и других учил верить в вечную жизнь.

Мы все, кто моложе его, легко могли себе представить, как нас будет отпевать наш батюшка и не могли вообразить — никто! — что будем отпевать его. С этой смертью его ученики пережили евангельский опыт встречи со смертью, узнали весь ее ужас. И недостаточно сказать, что он ушел в расцвете сил и полный творческих замыслов. Трагедия не в этом, вернее не только в этом. Отец Александр был для нас самой Жизнью. Он имел доступ к Источнику Жизни, как никто из ныне живущих, и он щедро раздавал этот дар своим духовным детям.

Сейчас, когда я пишу, следствие не закончено, возможно, когда напечатают статью, оно уже и закончится, но я уверен, что истинных виновников так быстро не обнаружат; возможно найдут "солдат, прибывавших к кресту", но вряд ли укажут "Пилата", и тем более не найдут "Каиафу"! (Того, кто руководствовался соображением, что лучше, чтобы один погиб, а не многие.)

Чьих же это рук дело, и каковы мотивы, можно было бы понять, если разобраться, когда убили отца Александра.

Недавно один журналист в пылу полемики сказал: "Ну что вы сравниваете отца Александра с Ежи Попелюшко! Выйдите на улицу, спросите кого угодно — из ста человек в лучшем случае один знает, кто такой протоиерей Александр Мень. А в Польше! У них убийство Попелюшко сотруди-ками польской охраны просто привело к уничтожению этой организации — такова была популярность Попелюшко и их ГБ".

Но сравнивать политического деятеля отца Попелюшко с единственным на сегодня апостолом земли Российской было бы неправильно. Действительно, не тот ранг и не тот смысл злодеяния!

А популярность... что же — отец Александр за ней не гнался, да и средства массовой информации подбирались к нему уж очень осторожно. Все-таки персона нон грата даже в своей Церкви. Но вот становилось все свободнее и свободнее. О вере не только стали говорить по радио и ТВ, но и спекулировать на этих разговорах. И оказалось, что настоящих апостолов нет (ведь не зря старалась правящая партия через своих опричников!), разве что один отец Александр. И вот осторожные приглашения на радио и десять религиозных передач для детей (спасибо сподвижнице Надежде Дмитриевой. Ей-таки пришлось их как следует отстаивать в наши перестроечные годы. Ведь четыре года назад за такой труд на благо общества могли посадить на пять лет!)

Вот уж и воскресная проповедь по ТВ, вот и беседа об образовании, в которой отцу удалось высказать свои заветные мысли по педагогике. Мы так мечтали о серии его телевизионных выступлений, о цикле передач на всесоюзную аудиторию, чтобы немного снял он с себя бремя безумного количества лекций в Московских клубах (тоже предмет зависти "коллег" — а что было делать, если мог он один, если шли только на Меня). И вот уже в августе сделали 4 записи для московской программы (которые пропали!), а дальше обещали каждую неделю 1 час по российскому каналу в качестве телепроповедника...

Но не дали отцу Александру стать российским телепроповедником. И не трудно догадаться теперь, чьим жизненным интересам это мешало. Однако, меня не оставляет чувство, что у такого события должны быть не только внешние, политические, но и глубокие мистические причины. В самом деле, разве Бог, который чудом сохранил его в 80-х, не мог сохранить и сейчас, в годы пусть страшной, но "перестройки"? Разве могло произойти это убийство, если бы мы все, кто его знал, отвечали этому необыкновенно щедро-му человеку так же щедро своей любовью, своим понима-

нием, своей заботой, своими трудами и своей молитвой? Короче говоря, разве допустил бы Бог такую потерю, если бы мы по-настоящему ценили Его дар, явленный нам в батюшке?

Вспомним, например, как жилось отцу Александру в его приходе, вообще в Церкви? Как относились к нему другие священники, иерархи? Ответы на эти вопросы были бы весьма деликатного свойства, ведь многие, кто ненавидел батюшку из-за своей фарисейской зависти или по животному антисемитизму, живы и здравствуют. Может быть, они теперь поймут, что были неправы, покаются?

А прихожане? И тут все непросто... Вспоминаю воскресный день в октябре, осиротелый без батюшки храм после службы. Вот старая женщина, старая прихожанка. Она перебралась в Подмоскowie после войны с Западной Украины, где "воины-освободители" убили двух ее сыновей. Плачет, уткнувшись мне в плечо:

— Ой сынку, да як же мы будэм тэперь без нашего отца Александра! Двадцать рокив я к нему ходила, он за меня молился, утешал меня, як же я тэперь без него?

Простые люди из села, постоянные прихожане нашего храма безусловно и особенно верили в силу молитвы отца Александра. Он бывал практически в каждом доме, в каждой семье — тут причащал больных, там соборовал умирающих или освящал квартиру. Его приход почти всегда был праздником в доме. Действительно, от батюшки исходила такая сила душевного тепла, мира, любви, радости, которую мог не ощутить только крайне бесчувственный человек.

Помню летний день в конце 70-х и отца, выходящего из храма. Солнечные лучи освещают крыльцо нашей церкви, и отец Александр такой красивый, еще молодой, в белой рясе, щурится под солнцем после полутемного храма и сам весь светится от радости. И детишки, несколько человек, подошли и обнимают его колени, согреваясь вдвойне — от солнца и от отца. Ну как его можно было не любить?

Однако были и другие, которым не давала покоя национальность батюшки. Вот одна из уборщиц в храме, она бывает и на службе, усердно трет шваброй пол, хотя народу в храме еще много — не закончилась панихида, многие еще ставят свечи, но ей все мешают. К ней, как к представительнице теперь уже известного на всю страну храма, подходит заезжая из далеких краев богомолка.

"Бедные вы, бедные, — выражает она через представительницу свое сочувствие храму. — Осиротели, поди, без отца Александра". А ей в ответ: "Свято место пусто не бывает".

Она из тех, кто проклинал приезжающих в ее храм (к отцу Александру) евреев...

Можно вспомнить также, как "Двадцатка храма" (кучка неверующих, приставленных гэбэшным уполномоченным наблюдать за верующими) много лет травила батюшку клеветническими письмами и антисемитскими оскорблениями. Или то, что всю свою жизнь этот не только образованнейший, но и необыкновенно деятельный священник в смиреннии работал в своем храме "вторым", и как "первые" помыкали им, завидовали ему, писали на него бесконечные доносы — на моей памяти так вели себя все! (Это пособничество церковнослужителей доказавшей свою богоборческую природу власти доставляло ему больше горечи, чем все происки КГБ, про которые он говорил, что "они делают просто свою работу").

В близлежащем храме настоятель показывал пример: с амвона призывал своих прихожан опасаться, обходить стороной приход этого жидомасона и, естественно, еретика.

Последняя "идея" в виде фразы о разномыслии непостижимо прокралась и в послание патриарха. Когда, кто, где официально указал отцу Александру на какую-то неканоничность его взглядов? Этого не было никогда, потому что быть не могло. Значит опять уступка мракобесам и озлобившимся большевикам?

А в Духовной Академии советские богословы так и не смогли принять к защите диссертации ни его уникальный семитомный библейский словарь, ни двухтомный учебник по Исагогике. (Пражская Академия наук собиралась в конце сентября за совокупность работ присвоить батюшке звание своего почетного доктора! Даже в доперестроечных соцстранах меченого в КГБ Александра Меня печатали в православных журналах ГДР и Болгарии.) А в "Богословских трудах", единственном богословском журнале Советского Союза, всемирно известного богослова и библиста никогда не печатали, и ведь теперь придется тем, кто за этот журнал отвечает, объяснять (здесь, если язык повернется, или уж только на Страшном Суде), какие же "разномыслия" им мешали это делать.

Может сложиться впечатление, что отца Александра более всего уважали и любили в кругах радикальной верующей и околоцерковной интеллигенции. Однако такое утверждение нуждалось бы в значительных оговорках.

Были такие, которые не понимали и не признавали его, как мне кажется, из-за тривиального бесчувствия, гордыни — "их уши не слышали", он был для них слишком прост, а на

самом деле мешали амбиции — узкие специалисты той или другой сферы культуры (или религии), они не могли примириться с тем, что он вторгнулся в область их профессиональной компетенции, на приобретение которой ими были затрачены годы, да еще рассказывал обо всем простым языком, открывая долины эзотерических знаний для непосвященных. Но таких, кстати, всегда было немного, глубокое смирение батюшки, открытость к чужому мнению, искреннее уважение к проделанной кем-то работе вербовали ему друзей, сторонников и помощников в самых разных областях культуры.

Другим казалась недостаточно радикальной его политическая позиция. Отец Александр всегда видел призвание верующей интеллигенции в духовном, а не политическом служении. Игнорируя эту точку зрения и, по-видимому, не считая его священническую работу наиболее важной, некоторые друзья не замечали, как провоцировали его на конфликты с светскими и церковными властями, затрудняя его и так нелегкую жизнь.

Церковные радикалы требовали, чтобы он более решительно влиял на перемены в Церкви, не желая видеть, что Церковь к ним не готова, что сейчас время не критиковать, а делать то, что возможно, и что простор для созидательной деятельности в Церкви после стольких лет разрушений и запрещений огромен, несмотря на давление властей. По этому поводу отец Александр, кстати, постоянно говорил, что самое трудное время для Церкви настанет, когда Ей все разрешат, и тогда нам всем будет стыдно, потому что Она не готова свидетельствовать и, к сожалению, готовится плохо, но что когда мы будем знать, что говорить, Бог нам предоставит все возможности для этого, и Он их дал даже раньше (способными же проповедовать оказались единицы, и одного из них уже не стало...). Но кому, кроме батюшки, действительно стало стыдно за Церковь?

Притчей во языцех были экуменические взгляды отца Александра. Они не удовлетворяли ни радикалов (которые, видимо, успокоились бы только, если бы отец Александр перешел в их конфессию), ни консерваторов, которые усматривали в его открытости, любви, вселенскости — измену Православию.

Так что в среде социально определившейся интеллигенции больше было знакомых, чем настоящих последователей. Помощников отец Александр растил и обучал сам из людей потерянных, не нашедших себе места в Системе. Именно в них он вкладывал свое время и свои способности как личную жертву — целиком, без остатка.

Но может быть, вот эти, выращенные, и были главными последователями, преданными отцу Александру?

На моих глазах батюшка несколько раз резко старел, как бы седел на глазах, и это всегда было связано не с гонениями властей, а с духовными бедами (грехами) или предательством близких ему людей, а самыми близкими для него были его духовные дети. Когда уходили, предавали свои — это были самые тяжелые дни в его жизни, самая большая боль. Но почему же не просто оставляли (чтобы делать свое дело), но и обращались против, предавали? Такова евангельская диалектика, а причина была тривиальна и всегда одна и та же — жажда самоутверждения, самость. Этот грех произрастал иногда совершенно неожиданно, казалось бы, в преданнейших душах. Чаще всего это происходило после того, как с помощью батюшки становились на ноги, обретали смысл жизни, авторитет среди друзей. Может быть, были и другие причины "падений" — я сказать затрудняюсь.

Но не это важно. А важно, что в нашей стране очень многие, а не только представители отдельных социальных групп, "не узнали времени посещения своего".

Поэтому для всех, в ком есть "Страх Божий" (т.е. христиан) и кто имел счастье знать отца Александра, но по каким-то из названных причин не признавал его, таким тревожным набатом прозвучал последний аргумент, последний знак его особой миссии в нашей стране в наше время — высший венец от Господа самым верным из учеников — мученическая смерть.

Можем ли мы еще надеяться после того, что произошло, на благие перемены, на то, что жизнь изменится к лучшему, на наше духовное и культурное возрождение? Несомненно, можем — если покаемся... Несомненно, можем, потому что необходимо надеяться не на Правду, Правосудие Божие, а на Божественное милосердие к кающимся.

А что касается правды Божией, то... Мы ведь многое унаследовали: отец Александр оставил после себя книги, которые будут читать и изучать еще десятки лет, остались видеоматериалы, остались пленки с его потрясающими проповедями и исповедями. И наши внуки или внуки наших внуков увидят прекрасного нашего батюшку и услышат его голос, ощутят силу его веры. Но, главное, остались его ученики, и Бог по молитвам отца Александра даст им силу продолжить начатое им дело евангелизации в нашей несчастной стране.

Отец Александр, из скромности не помышляя о себе, говорил: "Вера Христова торжествует в мучениках...", а его

тезка, поэт А.Зорин, заканчивал свое стихотворение следующими строками:

Здесь мирного не было дня.
Здесь гибнет и гибнет живое,
Здесь самое жало огня.
Здесь самое месиво боя.
Но весть, как стрела с тетивы
слетает под блочные своды.
Чтоб встали сквозь камни, сквозь годы,
сквозь темное поле Москвы
ее оперенные всходы.

Со смертью Иисуса Христа всем казалось, что все кончено. Но результат известен. Потому что нет силы, способной победить Церковь Божию! И все мы надеемся увидеть и в этой стране исполнение слов апостола Павла*: "Смерть, где твое жало; ад, где твоя победа!"

А.Еремин

* Посл. к Коринф. 15.55.

ДЛЯ ХРИСТИАНИНА ОНА ИСКУПИТЕЛЬНА

...Так бывало неоднократно в нашей христианской истории: апокалипсические, критические ее моменты целительно и обнадеживающе обагрят кровь христианских мучеников. Ибо мученичество это — искупало нас, грешных и слабосильных чад Божьих, свидетельствуя о иных, высших жертвенных возможностях человека.

Пять лет назад в глухую пору коммунистической реакции в Польше был зверски замучен и убит проповедник слова Божия священник Ежи Попелюшко. Его мученическая гибель встряхнула Польшу и способствовала динамике процесса освобождения, заторможенного, было, введением тоталитарными силами военного положения. В глазах миллионов — и не только польских католиков — Попелюшко стал символом жизнедеятельного жертвенного христианства, достойным канонизации.

...Пока мы еще не знаем — КТО убил отца Александра Меня. Но в любом случае его кончина чудовищна: удар топора по челу, по черепной кости, под которой было столько мысли, интеллекта, знаний, добросовестности и трудолюбия, преображенных православной духовностью — этот удар сравним разве что с послереволюционным зверством атеистов-марксистов, поработивших наше Отечество.

Не надо, напрасно и даже спекулятивно раньше времени выискивать за этим преступлением конкретные политические или расистские мотивации: разве — если согласно бытующим ныне слухам следственной версии — отца Александра зарубил просто алкаш, это менее страшно и умалительно для жертвенной крови нашего любимого пастыря? И если он впрямь существует — элемент внешней бессмысленности и случайности этого невероятного преступления, — то случайность эта вдвойне символична, ибо кровавый хаос, все ярче и явственнее проступающий за трагикомичной перестроечной говорильней, проявился тут в полной мере. Ежели наше общество не одумается, не окажется достойным свалившейся вдруг на него свободы, то вот-вот из подполья вырвутся такие inferнальные, такие уголовные силы, обуздывать которые будет некому.

Увы, то, что мы неспособны внять призыву великого Солженицына и приняться за осмысленную духовную, гражданскую и политическую работу, то, что даже жертвенной и потому как бы и неотмирной гибели отца Александра

стремятся скорей придать тот или иной устраивающий нас идейный оттенок, — все это не может не повергать в уныние...

Но уныние — вот грех, которого изначально и цельно был лишен убиенный пастырь! Его энергии, эманации, столько лет согревавшие столь многих — они и посейчас с нами! Жертвенная крестная смерть не только невыносима: для христианина она искупительна, а значит и празднична. Эта антикомичность жертвы — одна из высших тайн христианства, глубоко — судя по его трудам — прочувствованная отцом Александром.

...В мае этого года мы бродили с отцом Александром вдоль Штайнбергзее — прекрасного баварского озера в благополучных холеных предгорьях Альп, после восьмилетней разлуки, обусловленной моей эмиграцией. Отец Александр убежденно говорил, что следует возвращаться, мы столько лет чаяли, ждали, когда рухнет тоталитарный режим и вот историческое чудо свершается на наших глазах — теперь бессмысленно сидеть на чужбине. Я слушал и любовался обликом отца Александра, сильно за эти годы поседевшего; и, быть может, именно благодаря седине во внешности его проступило какое-то высшее и новое качество. И вот ныне я представляю этот лик окровавленным, это могучее чело надколотым — страшно.

Но будем верить, что мученическая гибель отца Александра Меня деятельно искупительна, вернее, верить в то что мы — изначально недостойные — все же в критический для России момент окажемся достойны этой искупительной крови и не изменим Слову Христову ни на путях распада, ни на путях безбожной цивилизации.

25 октября 1990

Юрий Кублановский

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

*"Бодрствуйте, потому что не знаете,
в который час господь ваш придет"*

Во многих московских (и не одних только московских квартирах) в ту недалнюю еще от нас ночь, ночь с 9 на 10 сентября никто не ложился.

Жгли лампадки перед иконами, плакали, молились.

Ужасное известие, верить в которое отказывались сердце и разум, известие об убийстве о. Александра Меня, громыхнувшее сходом лавины, не давало сомкнуть глаз и забыться.

Еще одним хорошим человеком меньше стало на Руси.

Еще одним новомучеником (рука сама чуть не вывела: святым) — больше у Русской Православной Церкви, столь обильной ими в веке нынешнем.

Смертный грех русского большевизма был дополнен еще и этою Жертвой.

Пиршество разума и таланта оборвано было в самом своем расцвете ударом топора наемного убийцы.

Взойдя над Россией — "как беззаконная комета среди расчисленных светил", — звезда пастырского служения о. Александра закатилась навеки...

В чем же состоит корневое, главное значение этой подвижнической жизни на русских просторах, среди впавших в язычество и сатанизм людей, в отпавшей от Бога России — только ли в писательском даре о. Александра Меня, в его всесторонней образованности и эрудиции?..

Но в России существуют и другие духовные писатели, полиглоты и эрудиты.

В том ли, что о. Александр был одним из выдающихся, талантливейших священников?..

Но у Русской Православной Церкви тысячи священников, среди которых есть немало талантов.

Это важно, но не это главное. Главным же было его миссионерское призвание, направленное к вящей славе Творца, вспомогательными подпорками которому служило и все остальное: книги, статьи, выступления и т.д.

Христианское делание — вот что было конечной целью и главным содержанием всей жизни о. Александра.

Бесконечно много начинаний и инициатив связано с его именем: это и создание широкой сети христианского обучения по всей стране, и первые воскресные школы, и журнал "Мир Библии", и курсы лекций по самым разным

проблемам практики и истории христианства, и "Воскресный Православный Университет", и многое другое.

Медленное, трудное возвращение России ко Христу, напоминающее выздоровление после тяжелой болезни, неотделимо ныне от его имени.

Тысячи и тысячи людей пришли и, не сомневаемся, еще придут благодаря о. Александру к Богу.

Огромно количество окормляемых им верующих, среди которых были Галич и Мария Юдина, Н.Мандельштам и Н.Каретников, многие другие выдающиеся представители нашей культуры.

Людей влекла к нему его личность, цельная и праведная, личность человека, всего себя посвятившего служению Христу и жизни во Христе.

Что-то страшное чаялось окружающими уже давно, грозвыми предощущениями был напоен воздух вокруг о. Александра, но — пока гром не грянет, мужик креститься не начнет.

Сатана ударил в самое сердце русской духовности, и страшную болью отозвался этот удар в сердцах многих и многих.

Ясно, что смерть пастыря была выгодна прежде всего тем силам, которые боялись происходящего сегодня в России духовного возрождения, ибо сила и мощь России напрямую связана с этим возрождением.

Поэтому все тайные и явные враги России ненавидели о. Александра, ибо вся его подвижническая жизнь была служением ее возрождению.

И в этом крестном борении проступало в нем что-то от библейских пророков, страстность и огненность духовная.

То же самое, кстати, ощущалось и во многих его книгах.

Безусловно, поднявшие руку на светлого Пастыря движимы были наряду с далеко идущими политическими мотивами (быть может, тайным стремлением еще более этим убийством расколоть и без того уже донельзя расколотое наше общество) и самую обычную завистью — той завистью, которую одолевается бывает бездарность по отношению к таланту, трусость — к смелости, заблуждение — к знанию, ложь — к Истине, ненависть — к Любви, тьма — к Свету, той завистью, которая одна лишь и породила бред Октября 70 лет тому назад.

Метагазеты этой социальной зависти, рождающей бесконечную ненависть одних к другим, приведшие к миллионам убийств и мученических смертей, привели в конечном счете и к смерти о. Александра.

И когда я стоял на автобусной остановке в Пушкино, чтобы ехать на панихиду по о. Александру в Новую Деревню и видел лица окружающих, многие из которых были отмечены теми или иными пороками, лица людей, потерявших образ божий и человеческий, то подумалось невольно: а ведь здесь чуть ли не каждому второму можно было сунуть в руки топор и он бы пошел убивать — за блок сигарет, за бутылку водки, да так просто — за бесплатно.

Ибо грех большевизма еще и в том, что были уничтожены те нравственные скрепы, создаваемые религией, без которых человек превращается в дикого зверя и с легкостью становится послушным исполнителем самых подлых приказов: стреляет в афганских женщин и детей или же пускает в ход саперную лопатку против мирной демонстрации в Тбилиси...

Удивительно, как его хватало на все. Видимо, давала спасительную помощь молитва.

Вспоминается одна его проповедь, в которой о. Александр говорил о кратковременности нашей жизни, малых сроках, отпущенных нам для духовного делания.

"Бодрствуйте, ибо время близко."

Знал ли он, что ему отпущено так мало времени?..

Не знал, но, видимо, догадывался.

И вся его жизнь была исполнена этого духовного бодрствования, подчиненности тому, о чем лучше всего сказано в молитве иеросхимонаха Парфения Киевского, воззавшего: "Научи меня, Господи, располагать дела свои так, чтобы они спешествовали к прославлению Имени твоего Святого".

Об этих словах должно помнить и нам.

На организаторов этого мерзкого убийства, слуг сатаны, которые рано или поздно будут изобличены в совершенном ими злодеянии, на них и детей их до седьмого колена падут проклятие и позор, вечная анафема на земле и на небе. Ибо смерть праведника не может быть неотмщенной.

О. Александр жил во Христе и умер, как христианский святой. Слава о нем и делах его не пройдет, но будет возрастать. Залогом тому — любовь к нему церковного народа.

Смерть святого Франциска Ассизского и святого Бенедикта привели, в конечном счете, к созданию монашеских орденов "францисканцев" и "бенедиктинцев", немало потрудившихся на благо творца.

Мученическая смерть о. Александра Меня, мы верим в это, послужит еще на благо Русской Церкви и России, неизбежно дав новый взлет духовного возрождения на просторах нашей распятой Родины.

Сатана же в очередной раз будет посрамлен в своих дьявольских планах.

15-20 сентября 1990

Евгений Данилов

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Существует древняя и очень поэтичная версия: когда с неба падает звезда, — то чья-то душа покинула наш мир и вознеслась к Господу. И, следуя ее логике, мы должны сказать, что в тот день, когда от нас ушел отец Александр, с неба должно было сорваться, по крайней мере, созвездие, ибо в лице этого человека соединилось столько даров и сил, столько звездного блеска и энергии, что все это немислимо представить заключенным в одной личности. Это был первый намек, который явственно говорил нам, что этот человек превосходил свою земную форму и свои земные пределы, что он как бы втекал своим существом в те края, о которых мы имеем лишь слабое и умозрительное представление, туда, где пространство и время уже отступают перед сиянием любви и огнем веры. Это было действительно созвездие: необыкновенный человек, богослов, священник, исповедник, писатель, историк, выдающийся лектор, поэт, учитель в старинном, сокровенном смысле этого слова, философ... И все же я перечислил только отдельные, мало что говорящие названия. Весь смысл в том, что из них действительно складывается созвездие с новым именем, новым светом, новой формой и новым сиянием, которое я бы определил, как незнакомый еще миру тип святости, явленный нам у рубежа третьего тысячелетия.

Господь некогда обещал Аврааму произвести от него народ многочисленный, как звезды в небе. И он сдержал свое слово. Звезды эти поистине сияют среди нас. Мы называем их братьями и сестрами во Христе. Мне хочется вспомнить эпизод из земной жизни Спасителя, эпизод, который поверхностному читателю столь часто казался свидетельством если не черствости, то по крайней мере непоследовательности Иисуса, эпизод, по поводу которого прозвучало столь много иронии, рожденной как в устах домопощенных остряков, так и под пером выдающихся писателей, например в "Портрете художника в юности" у Джойса. Мы все прекрасно помним ответ Христа на известие о том, что к нему пришли Мать и братья и хотят говорить с ним. Господь отвечает: "Кто будет исполнять волю Отца Моего небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать". Совершенно ясно, что здесь говорится о том, что духовная связь христиан, в принципе, должна благодатно преодолевать кровные узы. Но, как многие фразы Спасителя, этот ответ имеет, как кажется, еще и другой, тайный, едва уловимый смысл. Сво-

им ответом он не только не умаляет своих братьев и свою Матерь, но учеников своих он как бы возносит на высоту той Единственной и, поистине, Лестницы Небесной, на поразительную высь уникальности Девы и Матери, той, которая раскрыла свою душу навстречу небесному Слову так широко и доверчиво, так смиренно, что в ней Слово сделалось плотью.

Сравнив учеников с Матерью, не предугадывает ли Он слова будущего апостола язычников: "Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос" (Гал. 4-19). "Здесь мы сталкиваемся с неким эзотерическим принципом: учитель рождается в ученике. Сам же он рожден от Христа. Снова и снова учитель должен рождать ученика, покуда не изобразится в нем Христос" (Об этом подробнее у С.Аверинцева в ст. "Западно-восточные размышления", сб. "Восток-Запад", Наука, Москва, 1988.) Все это я говорю вдогонку своему ощущению, тому, которое свидетельствовало, что от отца Александра, особенно во время исповеди, исходила не только мужественная твердость, но и каким-то таинственным образом — женское, материнское тепло. Он был удивительно грациозен. И он был удивительно силен. Непостижимое сочетание женской мягкости и мужества было его загадкой. Повторяю, оно было совершенно органично и... недосыгаемо для нас. Это его тайна. Это тайна нового человека.

Здесь же хочется только еще раз вспомнить, что Дух Святой, носясь над творящейся Землей, как бы сравнивается с птицей, теплом своим вращивающей птенцов, и вспомнить, что Руах в древнееврейском — женского рода.

И еще хочется вспомнить, что образ птицы, крыла, полета — один из самых любимых образов отца Александра. Его полет был непостижим. Это был полет Моцарта среди священников, богословов, среди всех нас. Все эти годы он летел, или, как говорит Мейстер Экхарт, "бежал" к Господу. Но у Моцарта-священника — иная музыка, нежели у Моцарта-музыканта, хотя и та и другая восходят к одному Источнику. Он был проникнут музыкой, струны которой натянуты между Верой и Поступком, Созерцанием и Деянием, словом, тем, что прикровенно слышится в таких метафорах, как песнь Любви и Музыка сфер.

Мне хочется вспомнить фильм Милоша Формана "Амадеус". Его герой, Сальери, человек трудолюбивый и благочестивый, в том смысле, как он это благочестие понимает, в один прекрасный миг осознает, что Господь совершил ошибку, вложив столь высокий гений в душу того, кто парит, не замечая земли, а не пашет в поте, стоя к тому же

на страже Закона. Закона музыкальной гармонии и, отныне, на страже закона нравственности. И вот из этой-то позиции Сальери и разглядел ошибку Бога. И, как мы помним, задался целью исправить эту ошибку. Мысль универсальная. Дело исправления Бога и его Промысла пронизывает всю историю человечества, а в последние ее века и десятилетия оно дает результаты поистине чудовищные. Не исправляйте Бога! Уважайте Закон, но не делайте из буквы идола. Исправляющий Бога (чаще всего традиционалист и просто националист) вытесняет полет, чтобы поставить на это место свою ничтожную концепцию о том, как Богу должно вести в отношении Моцарта, он ставит на это место свою форму, догму. Но Полет не имеет формы, кроме формы движущегося крыла. Но зато он имеет сердце. И его удары не кончаются никогда.

Добавлю, что Сальери это не просто зависть. Это еще и оглядка на правило, на закрытую, музейную, охранительную систему, и потому Сальери волей-неволей хранит не справедливость, а самого себя, а это худшее из одиночеств в мире. И воистину имя ему — ад. И этот выбор стоит перед всеми нами: либо ад Богоисправления, либо покаяние и обращение всего существа к Источнику жизни, любви, полета. И здесь твердые формы искать не надо, опасно. У полета они зависят от полета. Не надо фиксировать крыла — птица рухнет, будь ей имя Творчество, Любовь или Церковь. Школа полета — вот что главное для того, чтобы траектория лежала через Небо. Отец Александр был и остается для всех нас учителем полета.

Одному моему университетскому знакомому, который ныне примкнул к той группе людей, которая, мягко говоря, находится в оппозиции к отцу Александру, а знакомый этот — поэт и служитель церкви, принадлежит удивительная концепция мифа о Дон Жуане. У него Дон Жуан с каждой новой любовной победой покрывается тончайшим слоем золотой пыльцы, какой-то золотой пудрой, а поскольку побед было много, а золотой закон продолжал действовать — к мигу, когда он встречает истинную и небесную свою любовь Донну Анну, он превращается в золотого истукана, который не в состоянии встать и пойти ей навстречу. Отец Александр помогал нам проделывать путь в обратном направлении. Напластование за напластованием, тяжесть за тяжестью снимал он с нас раз за разом — для того, чтобы из кумиров самим себе и своему эгоизму мы вырвались бы к живой жизни и в тот миг, когда небесная Любовь приблизится к нам вплотную, мы смогли бы не только встать, но и пойти, полететь на ее божественный зов. Моцарт Церкви

был убит ремесленником, бездарностью. Тот, кто охраняет Бога от человека, навязывает Ему свои "дары". А мы знаем, чего хотел Господь от человека: Милости и Истины.

И еще и еще я хочу сказать, обращаясь в пространство, и ловлю себя на том, что обращение в пространство это всегда немножко молитва, я хочу повторить: не охраняйте Бога от людей, Он умер за них, не исправляйте волю Божью во имя той или иной политики, не сторожите Бога от избранных его, Птиц Божиих, принявших форму любви, чтобы взлететь в Небо и, исчезая в нем навсегда — еще раз, еще и еще раз, — хоть немного поднять всех нас к небесной своей Отчизне. Ибо взгляд этих поистине легчайших из птиц — навсегда прикован к земле, к каждому из нас. Молите Бога о нас грешных, батюшка Александр...

Андрей Суздальцев

НЕ РЫДАЙТЕ ОБО МНЕ...

Убит священник. Убит отец Александр. Газеты, радио, телевидение сообщили: трагически погиб. Это неправда. У свежей могилы неприлично спорить. Всего лишь из-за слов. Но задумаемся. "В начале было Слово." Словом началась Вселенная. Вся жизнь "лишь" слово было оружием отца Александра. Другого он не касался. Словом он завоевывал души людей для Бога. В этой битве был непобедим. Ибо Божие Слово непобедимо. Избрали другое оружие.

Отец Александр убит. Зачем обманывать себя? Зачем говорить: "трагически погиб" — разве он заснул за рулем? Разве он погиб в авиакатастрофе? Разве раздавлен рухнувшим домом во время землетрясения? Трагически погиб — значит, погиб случайно, нелепо, погиб от слепой, бездушной смерти, которая не выбирает.

Эта смерть не была случайной. Эта смерть была зрячая. У этой смерти была черная душа. А в руках — топор. И выбрала она безошибочно.

Кто, какая газета осмелится сказать об Иисусе Христе: трагически погиб? Это ложь. Спаситель не погиб. Он казнен. Его убили. Закон империи, сговор иерархов и бешеная толпа — они вынесли приговор. А исполнила армия. Армия империи, расквартированная в Иудее.

Почему же в некрологах, подписанных достойными именами, сказано: погиб? Потому что страх, может быть, неосознанный, заставляет лукавить.

Трагически погиб — значит, судьба, значит, никто не виноват, значит мы не виноваты.

Убит — значит, есть виновник, и в руках его — топор, и искать его — опасно.

Это грабитель, говорят нам. Пусть ищет милиция, говорят нам. Согласимся. Ведь согласие так безопасно.

Священника убили в воскресенье утром. В понедельник вечером тело привезли в Сретенский храм — маленькую церковь близ Пушкино, где 20 лет служил отец Александр Мень.

В Сретенском храме шла панихида. А в церковном дворе я спрашивал заместителя начальника отдела ГУВД Мособлисполкома С.Асташкина:

— Убийца найден?

— Нет.

— Орудие убийства найдено?

— Нет.

— Вы допускаете, что это — политическое убийство?

— Нет, мы думаем, это убийство с целью ограбления.

Ничего не найдено, кроме крови на земле, а версия избрана. Профессионалы ищут грабителя.

А дилетанты задумываются.

В воскресенье, в седьмом часу утра, о. Александр вышел из дому. В пятнадцати минутах ходьбы станция Семхоз, под Загорском. Отсюда он ездил в Пушкино, в Сретенский храм.

Ограбление? Цель ограбления — добыча. Вломиться в дом богатого кооператора, академика — убить и ограбить на многие тысячи. Можно и на улице — высмотреть женщину с брильянтами в ушах, хорошо одетого мужчину с толстым бумажником...

Богатые не спешат на работу в 6.30 утра. Богатые спят в это время (как и грабители). Богатые не ездят на электричках, не живут в Семхозе. Что вообще делать грабителю в рощице возле нищего полустанка? Ради какой корысти брать грех на душу? Да, времена такие, что и за десятку зарежут. Но это вечером, когда магазин еще открыт, когда отчаянное желание "добавить" одурманивает тормоза.

Убийство по пьянке? В два часа дня — поверю. В девять вечера — да, в полночь — конечно. Но в 6.30 утра пьяных в России нет. Или они спят мертвым сном, или протрезвели.

Дикая хулиганская жестокость? Но время хулиганов — вечер, место — подворотня, оружие — велосипедная цепь. А тут — утро, рощица, топор.

Из ревности? Но о. Александр был человек безупречной нравственности. Из мести? От обиды? Но о. Александр никому никогда не сделал зла.

Почему же милиция сразу хватается за "бытовую" версию? Да потому, что это ей привычно. Грабеж, пьянка, ревность, рэкет — такие убийства каждодневны. К убийствам другого рода наша милиция еще не привыкла. А пора.

Уже приходилось писать, что гуманизация и демократизация нашей системы — одна сторона медали. Другая — убийство.

Мы едва-едва начали освобождаться от власти страха. Топор — очень хорошее средство, чтобы привести в чувство всех, глотнувших свободы. Отрезвить и напомнить.

Нам напомнили, что мы незащитны.

Убийство невинных — это и есть террор. Нам показали, как без всякой вины можно подвергнуться наказанию.

Именно поэтому, именно для этого был избран отец Александр. Убит не просто священник — и среди них встречаются грешные и, увы, даже преступные. Убит человек, вся жизнь которого абсолютно исключала возможность "бытовой" вражды.

Убит по дороге в церковь. Убит топором по голове. Убит в канун Усекновения главы Иоанна Крестителя.

Убивают за что-то. Убивают за дело. Что делал о. Александр? Он верил в Спасителя и нес эту веру другим. Вот было его дело.

Отец Александр всю жизнь был свободен. Он не ждал свободы от властей. В отличие от нас, грешных, он при всех генсеках говорил только правду и говорил ее громко. Он был духовным отцом сотен обращенных, был примером для тысяч верующих. И, конечно, он был укором для слабых духом иерархов. Для всех, кто запятнал свои ризы бесконечными компромиссами с воинствующим атеизмом. Для всех священнослужителей, соглашавшихся "подавать сведения", нарушавших тайну исповеди, сотрудничающих с КГБ и партвластями.

Увы, этот безупречный христианин слишком у многих вызывал ненависть. Его нелицемерное благочестие, его мировая слава одного из крупнейших современных богословов, его книги, печатавшиеся "там" до всяких перестроек, чистая, восторженная любовь прихожан — все это и само по себе лишало покоя черные души. И совсем нестерпимо было для них, что этот великий пастырь Русской православной церкви — еврей по крови.

В последнее время то там, то сям появлялись в печати оскорбительные, лживые выпады против отца Александра Меня. Книги же его не появились до сих пор.

Мы все, погрязшие в болоте лжи и бесчестия, не понимаем, кого потеряли. Когда умер Толстой, слава его была всенародна. Его книги были в каждой грамотной семье. Народу России не надо было объяснять, кого потеряла Россия. "Умер Толстой" — этих слов было довольно, чтобы страна погрузилась в скорбь.

Слово о. Александра Меня в его родной стране слышали немногие тысячи из трехсот миллионов. Но даже если книги его будут теперь изданы, многие ли и скоро ли поймут их и оценят потерю? Нашему народу, насильно, на десятки лет отлученному от церкви, лишь предстоит прочесть Евангелие. Прочесть, уж не говорю: понять. Понимание — даст Бог — придет к детям.

Прочесть Евангелие на бегу, в метро, в трамвае, между номером "Огонька" и макулатурным детективом... В духов-

ном смысле все мы дикари: и левые, и правые, и межрегионалы, и пролетарии, и генералы, и кричащая о духовности "Память".

Президент отдал соответствующим органам приказ провести тщательное расследование. Кто ищет? не тот ли, кто спрятал? И что будет, когда тот, кто ищет, найдет то, что ищет, найдет "грабителя"? Будет ли он наркоманом, признающимся вяло, как "поджигатель" рейхстага? Окажется ли он фанатиком, признающимся с энтузиазмом, как трагические марионетки московских процессов? Вот уж что нам не в новинку. Не так давно в Белоруссии свыше десятка признавшихся в зверских изнасилованиях и убийствах успели получить "вышку" прежде, чем случайно попался истинный убийца. Не будет ли наоборот: признается один, а истинные — на долгие годы? навсегда? — останутся в тени?

Но так устроено Богом, что самые черные злодеяния в конце концов вопреки своей цели служат Добру. Мученическая смерть апостолов, казни первых христиан были неизбежны на пути к Церкви, к Христианской цивилизации.

Убийство Кеннеди всколыхнуло и очистило души американцев. Убийство ксендза Попелюшко офицерами польской госбезопасности взорвало Польшу, навсегда и окончательно отбросив поляков от "народной" власти. Наша страна не содрогнулась. Тем хуже для страны. Граждане в очередях говорили о другом. Тем хуже для граждан. Мы завязли куда глубже братьев по соцлагерю. Мы будем раскачиваться гораздо дольше и страшнее. Мы не восстали, не возмутились, не потребовали немедленной отставки властей за гибель женщин, убитых саперными лопатками. И никто, даже преступный генерал, не наказан.

И вот теперь — топором по голове.

Это поворотный момент нашей истории.

Мы еще не осознали этого. А когда осознаем...

Что нам делать, Господи? Мы не знаем Тебя.

Александр Минкин

Он был человек мира...

Не будучи в состоянии быть с Вами сегодня, в день памяти Отца Александра, хочу, однако, сказать Вам несколько слов веры и надежды.

Много лет тому назад умер чтимый мной и любимый человек. Его смерть казалась мне непоправимой утратой: Церковь лишилась, как мне казалось, Светоча, Эмиграция смелого, умного бойца за Правду, и многие из нас наставника и друга. Я вылил свое горе и безнадежность перед своим Духовником. "Не сетуй напрасно, — сказал мне он. — Церковь — Войско неубывающее: каждый воин, падающий в земной битве, восстает в Вечности бессмертным молитвенником, печальником и непобедимым борцом бессмертного воинства Христова. Положи и ты душу свою за Христа и за Правду Его, отдай и ты свою жизнь за спасение ближнего твоего, и ты вступишь в ряды бессмертных воинов Христовых." Не это ли мы, и те, кто собрался здесь, и мы — далекие, отделенные от вас расстоянием, бессильным разобщить тех, кто един духом, можем пережить сегодня? Отец Александр жив, такой полнотой жизни, какой и он не знал на земле, и, освободившись от всех ограничений времени, пространства, стоя перед Богом, Которому он всей душой, всем умом и сердцем, всей силой своей посвятил себя, творя дело Божие Божией же силой — не сказал ли Христос Апостолу Павлу: "Довлеет тебе Благодать Моя: Сила Моя в немощи совершается?". Теперь отец Александр уже не через тусклое стекло, а лицом к Лицу созерцает Спасителя, и не одной своей любовью, как бы она ни была пронизана Божиим Светом, а Любовью Божией обращен к миру, к родной Церкви, ко всем своим духовным чадам, к каждому из них неповторимым образом! Мы не смеем говорить о своей оставленности, об одиночестве, о сиротстве! Отец Александр не умер, а приобщился к Жизни Божественной, остался для своих — знаемых и незнаемых, Пастырем добрым, молитвенником, ходатаем, заступником! И зовет он каждого, кто его любил, кто в нем видел образ истинного христианина на Путь Крестный и к славе Воскресения! "Будьте мне последователями, как и я последователь Христов!"

Лондон

АНТОНИЙ,
Митрополит Сурожский

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ КАРДИНАЛА ЛЮСТИЖЕ ПО ПОВОДУ УБИЙСТВА ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Узнав о гибели протоиерея Александра Меня, архиепископ Парижский кардинал Жан-Мари Люстиже сделал следующее официальное заявление:

Я потрясен известием об убийстве отца Александра Меня.

Я познакомился с ним в мае 1989 года в его приходе недалеко от Москвы. Он излучал необыкновенное духовное и интеллектуальное сияние. Он был Человеком Мира. Я встречался со многими людьми, которых он крестил.

Это варварское убийство — трагедия для всей страны, которая более чем когда-либо за всю свою историю нуждается в Благой Вести и Евангелии.

Убийство человека, отдавшего жизнь Богу, — это бунт против Бога и рана, нанесенная собственному народу.

Я молюсь за отца Александра Меня, за его близких, за его приход и за всю Православную Церковь, которой нанесен страшный удар.

Русская мысль. 14 сентября 1990

ПОГИБ ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

В воскресенье 9 сентября был убит рано утром по дороге в церковь неподалеку от Загорска протоиерей Александр Мень, настоятель церкви Сретения Господня в Новой Деревне. Он был поистине Добрым Пастырем не только для своих прихожан, но и для всех, кто встречался на его жизненном пути, для тех, кто слушал его проповеди и доклады или читал его книги.

Вот его краткая биография: "Протоиерей Александр Мень родился 22 января 1935 г. в Москве. С 1953 г. изучал биологию в институтах Москвы и Сибири. Рукоположен 1 июня 1958 г. С тех пор служит в подмосковных храмах. Параллельно с приходской работой окончил Ленинградскую семинарию и Московскую Духовную Академию. Кандидат богословия. Печататься начал с 1959 г. Публиковал статьи в "Журнале Московской Патриархии" и церковных журналах Болгарии и ГДР. Основные работы вышли в издательстве "Жизнь с Богом" под псевдонимами А.Боголюбов и Э.Светлов. Женат, имеет двоих детей". Добавим, что он был еврейского происхождения, мать его крестилась в зрелом возрасте и крестила его. Семена благодати рано запали в душу набожного мальчика.

Переписка с нашим издательством началась в тяжелые для церкви 60-е годы. В то время пересылка рукописей за границу была связана с большим риском, но таково было его желание — нести благовест о Христе, что он отправил нам свое юношеское произведение "Сын Человеческий", с риском, но и с надеждой, что эта книга не будет написана в стол. По плану она должна была стать заключительным томом серии "В поисках Пути, Истины и Жизни". Однако автор не был уверен в том, что его проект осуществится, и решил начать с самого главного. Позже он основательно переработал 3-е издание этого труда, который оказался дуновением свежего воздуха для многих тысяч читателей на их пути ко Христу. Успех этой книги был также замечен соответствующими органами, и с автора взяли подписку, что он больше не будет выступать под псевдонимом "Боголюбов". С тех пор писать стал "Э.Светлов", и, несмотря ни на какие препятствия, шеститомник вышел в свет. В 80-е годы о. Александр раскрыл свой псевдоним, и его последние книги "Таинство, слово и образ" и "Как читать Библию" носят имя автора. Все это обошлось не без затруднений. Он мог бы продолжить научную карьеру на Западе, где приобрел

уже широкую известность благодаря своим книгам. Однако на все предложения он всегда отвечал без колебаний, что предпочел бы тюрьму в России, ибо его пастырский долг не позволяет ему покидать все разрастающуюся духовную семью, особенно молодежь, которая тоже подвергалась угрозам. Но напряженное положение имело благополучный исход. Начало 80-х годов он провел под покровом св. Сергия, составляя в Лавре монументальный труд "Словарь современных богословов" по заказу Московской Патриархии. Работа уже близилась к концу, когда перестройка открыла ему неожиданные пастырские возможности: он получил разрешение беседовать о Боге в московских школах, институтах, наконец, в Университете Ломоносова, в церквях и залах, где собиралось до 900 слушателей. В 1990 г. он проводил беседы по радио, читал по 22 лекции в месяц, окормлял детскую больницу, выезжал на научные конференции в Германию, посещал Италию, был проездом в Бельгии и... продолжал писать. Когда ему задавали вопрос: "Как Вы успеете со всем справиться", он отвечал: "Я отдаю Богу все свое время, и мне по мере сил дается успевать".

Подобный ответ он давал и тем, кто говорил ему о реальности получаемых им угроз недоброжелателей: "Я все предал в руки Божии и не боюсь ничего".

Отец Александр обладал энциклопедическим умом, что позволило ему переработать колоссальный материал при написании своих книг. Он умел находить главное, как в научных трудах, так и при решении жизненных проблем. Как прекрасный педагог, он выражал свои мысли ясно и доступно для слушателей всех возрастов и самого различного интеллектуального уровня. У каждого он умел находить положительные стороны и согревал всех своей сердечностью и жизнерадостностью.

Вклад, который он внес за последние 30 лет в религиозную и культурную жизнь нашей страны, действительно огромен. Во многом он был последователем Вл.Соловьева, портрет которого висел у его письменного стола. В предисловии к "Истокам религии" он писал, что "Соловьев одним из первых обратился к христианскому осмыслению религиозной истории. Он задумал посвятить ей обширное исследование". "Цель этого труда, — говорил Соловьев, — объяснение древних религий, необходимое потому, что без этого невозможно полное понимание всемирной истории вообще, и христианства в частности". По разным причинам план не был осуществлен.... В какой-то мере пробел был заполнен... А в 1927 году в программной статье Н.Бердяева "Наука о религии и христианская апологетика" были наме-

чены дальнейшие пути изучения дохристианских верований в свете православия.

В предлагаемых шести книгах ставилась задача выполнить то, что завещал Вл. Соловьев нашему времени. Но по методу изложения цикл "В поисках Пути, Истины и Жизни" отличается от предыдущих опытов. Главная цель работы — по возможности доступно изобразить драматическую картину духовной истории. Воссоздавая ее в свете целостного христианского мирозерцания, автор исходил из богатого наследия богословской и научной мысли. Поэтому весь цикл можно рассматривать как своего рода попытку религиозно-философского и исторического синтеза.

Из западных историков религии автор более всего обязан идеям Христора Даусона (Christofer Dawson).

Отец Александр осуществил проект Соловьева, но не в умозрительном плане, а преследуя практическую пастырскую цель — сделать христианство доступным всем своим читателям.

В то время, как для многих его современников религиозная идея представлялась обреченной на жалкое умирание, он утверждал с оптимизмом, что развитие религиозного знания параллельно развитию науки и что религия связана с лучшим, что есть в человеке.

Экуменические взгляды отца Александра определились при нашем первом обмене письмами. Получив его первую рукопись, мы не были уверены, что она предназначалась для нас, и запросили его о его намерениях. При этом сообщили ему, что наше издательство — католическое, совмещающее, по примеру Владимира Соловьева, верность Риму с верностью традициям Восточной Церкви и с братским сотрудничеством с православными. Последовал ответ: "Мы знаем, что Вы — католики, но это нас нисколько не смущает, а наоборот, радует, ибо пришло время освободиться от конфессиональных перегородок, препятствующих исполнению воли Христовой об единстве христиан". В дальнейшем наши отношения всегда носили самый дружеский характер.

Многие его читатели задают теперь вопрос: "Почему такой трагический конец жизни такого нужного человека? Почему Бог его как будто оставил, а зло восторжествовало?" На это мы можем только ответить словами Евангелия: "Ученик не больше учителя". Паскаль писал, что в мире нет ничего более великого, чем Христос, а во Христе нет ничего более великого, чем Его жертва. Эта мысль применима также к жизни о. Александра. Христос был его жизнью, и он не мог отказаться от проповеди о Нем, несмотря на все угрозы недоброжелателей. И Бог даровал ему муче-

нический венец, т.к. "ценна перед Господом смерть преподобных Его". Самые драгоценные минуты его жизни были, вероятно, последние. После раны, нанесенной топором в голову, он имел еще силы вернуться к своему дому, позвать жену, в то время как кровотечение все усиливалось, и он упал без чувств у калитки. Мы верим, что за это время он вполне сознательно простил своему убийце, отказался от исполнения всех задуманных им во славу Божию и для блага душ проектов и, как распятый Христос, предал себя в руки Отца.

Похоронили его в день Усекновения главы св. Иоанна Крестителя, также возвещавшего пришествие Христа и погибшего подобной ему смертью, пожертвовав всем тем, что он еще мог бы совершить. Прихожане и духовные чада о. Александра, собравшиеся в большом числе на его похороны, свидетельствовали о том, что его жизнь составляет целую эпоху в деле духовного возрождения России.

Вечная Память этому праведнику и религиозному просветителю наших дней!

И.Поснова

ОН НЕС БЛАГУЮ ВЕСТЬ

Когда мой муж Димитрий Панин после 16-летнего заточения вернулся в Москву, в одном из подмосковных храмов он встретился с отцом Александром Менем. С тех пор всегда, пока Панин жил в России, он ходил только в его церковь, ибо тот, кто хоть раз слышал проповедь отца Александра, забыть ее не сможет никогда. Большая дружба связывала этих двух людей.

Передо мной письмо, переданное мне только что в августе от отца Александра. "Мне бесконечно дорога мысль и душа Димитрия Панина, — пишет он. — Я буду рад написать предисловие, если его у нас издадут. Он всегда у меня перед глазами. Вам же спасибо за него. Спасибо и за Библии."

Последний раз я видела его в его церкви, в феврале этого года (я приезжала в Москву на вечер памяти Панина). Отец Александр Мень был пастырем, добрым пастырем и замечательным религиозным писателем. Он всегда находил живые нужные слова, на которые открывались для благодати живые сердца. Он придавал огромное значение молитве и посвятил ей замечательную книгу "Таинство, Слово и Образ", изданную в 1980 году.

Сейтель слова Христова, человек красивой души, в последнее время отец Александр слышал много угроз. Хулителям своим он отвечал: "Придите и услышьте, придите и посмотрите".

Как и наш Спаситель, он принял мученическую кончину. Я верю, я знаю, что его прихожане в ответ на это варварское злодеяние еще больше сплотятся и защитят Церковь Христову, помня его заветы. Я всей душой разделяю горечь их утраты.

Мое глубокое соболезнование вдове, близким, друзьям покойного.

Вечная ему память.

Русская мысль. 14 сентября 1990

Исса Панина

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ В ЭТОЙ СТРАНЕ?

В то воскресное раннее утро в Москве мы сели на тряскую и грязную электричку, идущую в один из отдаленных пригородов, полуиндустриальных, полупатриархальных, часто непривлекательных по виду, все чаще окруженных громадными лесами центральной России, уже отступающими, но величественными до сих пор.

От деревянного вокзала с дощатым перроном на бетонных опорах проехали немного на разбитом автобусе, потом еще шли пешком. Приблизились к очень простенькой деревянной церкви, построенной в конце прошлого столетия. Во дворе, кроме самой церкви, был деревянный же домик священника и небольшое помещение для прихожан, а также кладбище. Это была церковь Сретения Господня в Новой Деревне, недалеко от города Пушкино. На часах половина девятого. Церковь уже полна народом, который находится в постоянном движении (одни входят, другие выходят), очень характерном для православных храмов. В правом приделе священник готовится к принятию исповеди. Он кратко объясняет смысл этого обряда и, самое главное, говорит о грехах, делающих нашу сегодняшнюю жизнь такой трудной, особенно общественную жизнь — со злоречием, изнуряющим раздражением, злобой и эгоизмом нашего бытия. Священник принимает исповедь стоя, покрывая голову кающегося епитрахилью для отпущения грехов. За его спиной ждет своей очереди множество народа. Кающихся уже около сотни, но к концу службы их количество по крайней мере удвоится.

В центре стоял открытый, по православному обычаю, гроб. В нем лежал морщинистый старик в потертом костюме. Вокруг него происходило движение и, казалось, не было никого из его близких... Литургия тем временем продолжалась. Вот внесли второй гроб — еще одного старика, и поставили рядом с первым на другую скамью. Вскоре принесли еще троих: молодого человека с измученным лицом, сопровождаемого многочисленной родней, женщину в окружении людей, одетых получше, почти роскошно, и наконец — благородного вида старца, о котором сказали, что он из здешних прихожан, единственный среди всех.

Пять гробов заполнили собой середину переполненно-го народом храма. Мне беспрестанно трогают руку, прося передать клочок бумаги, с поминанием за упокой или за здоровье, или тонкую свечку, чтобы передать через множест-

во рук к той или иной иконе, о чем сообщается шепотом на ухо. Становится все теснее. Священник то останавливается надолго, возлагая по-отечески руку на плечо прихожанина, то быстро дает отпущение. К нему подходят дети, и его лицо начинает светиться. Он беседует с ними совершенно по-другому. Около половины одиннадцатого исповедь заканчивается, и все присутствующие остаются до конца службы, которая тоже вот уже подходит к концу. Происходит какое-то движение, более сильное, чем имевшее место при литургии, и мы понимаем, что теперь должно совершиться отпевание. Семьи усопших, смешавшись между собой, ждут. Отец Александр становится перед пятью гробами и говорит этим людям о смерти, о Страшном Суде, о его значении в нашей повседневной жизни. Время протекает незаметно, но душа унесет с собой все то благое, что в ней воцарилось.

Гробы выносят, но церковь все еще не пустеет и теперь уже полна детей. Готовятся к крещению — коллективному крещению человек десяти взрослых и примерно двадцати детей разного возраста. Батюшка снова начинает говорить и в очень простых словах объясняет, что означает это таинство, эта вода в купели и нательный крестик, который им предстоит носить всю оставшуюся жизнь на груди. Все шествуют по кругу за священником и певчим. Крещение закончено, но народ не собирается расходиться. Священник удаляется к себе, где и принимает нас, поскольку я приехал от имени одного из его друзей, живущего в Женеве.

В крошечной комнате тесно. Там находилось несколько молодых людей, очень преданных, как мне показалось, священнику. На маленьком столике я с удивлением вижу только что вышедшую тогда книгу Ролана Барта, которую батюшка читал. Я говорил с ним о его теологических работах (под псевдонимом "Эммануил Светлов" отец Александр Мень опубликовал целый ряд работ для новообращенных, в которых объяснял главное, начиная буквально с нуля). "Все надо начинать сначала, — сетует он. — У нас много людей доброй воли, но долгие десятилетия преследований создали брешь в религиозной культуре"

Его уже зовут из этой комнатки: предстоит совершить три венчания. Я вижу, как он приближается к первой паре, берет жениха и невесту за руки и бодрым шагом ведет в церковь, смеясь с ними по дороге. И снова, прежде чем приступить к таинству обряда, он доступным каждому языком объясняет его значение, увязывая сказанное с бытовыми условиями жизни в Советском Союзе. Я снова удивляюсь жизненной силе этого человека, его простоте. Отцу Александру была свойственна основательная и восхитительная

радость жизни, радость окормления своей паствы. Ведь есть священники, относящиеся к своему делу гораздо более формально. Это — от внутреннего дара. В этом стечении народа, почти в сутолоке внутри церкви в то воскресенье, в участии стольких людей в православных обрядах — во всем этом не было ничего необычного: сегодня это привычное явление почти в каждом приходе.

В Иркутске в одном еженедельнике только что опубликовано в качестве "сенсации" первое послание к Коринфянам. Без комментариев. Просто так. Я держу этот номер в руках в оцепенении. Что же происходит в этой стране?

Русская мысль, 21 сентября 1990

Жорж Нива
(пер. с фр.)

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

Пишу, оглушенный внезапной вестью о дикой и мученической кончине отца Александра Меня, первыми словами, которые приходят на сердце, не задумываясь, по слову Евангелия, как и что говорить.

Должно быть, сотни людей считали себя его духовными детьми. Тысячи людей считали его своим другом. Я отношу себя к одному из этих тысяч.

Это был самый счастливый человек, встреченный мною в жизни. Удивительно много было ему дано, и все, что было ему дано — глубокая вера, "сердце милующее", о котором говорил святой Исаак Сирий, ум, воля, мужество, такт, многие таланты, необъятные знания, неиссякающее чувство юмора, Господи, и сколько всего еще! — все это находилось между собой в гармонии. И все это — вместе с красотой его духовного и физического облика — служило одному призванию — пастырскому. Казалось, он родился пастырем, был им с первого своего дня и до последнего часа.

В этом призвании всегда есть крест и всегда есть радость. О том, что в его жизни есть свой крест, можно было догадаться только в какие-то минуты встречи с ним с глазу на глаз, на исповеди, но радость он источал постоянно. Четверть часа общения с ним (он редко имел больше) были для каждого радостью. Вы могли быть иных богословских убеждений или даже вовсе иных убеждений, но вы не могли ускользнуть от обаяния его личности. Обаяния дружелюбности, внутренней силы, мягкой шутки, умения в нужный момент сказать нужное слово... Как-то, еще в семидесятые годы, я спросил его, не тяжело ли ему, когда приходится разговаривать по многу часов с компетентными органами на допросах. "Поймите, В., — ответил он мне, — ведь я же священник. Я могу разговаривать с кем угодно. Мне это никогда не тяжело." Мне кажется даже, что и этот некто, его убийца, если бы, прежде чем ударить, поговорил бы с ним пять минут, то мог бы и передумать. Но он ударил в спину, не поговорив.

Смерть его напоминает смерть отца Ежи Попелюшко. И даже не только смерть, но и в каком-то смысле и жизнь. Почти совершенно в иных условиях, в иной церковной традиции он тоже стал фигурой-символом.

Когда в 1958 году, 23 лет от роду, он принял сан диакона, это было нерядовое событие. В то время, когда, по мне-

нию власти, и самым ветхим старушкам пора было забыть дорогу к Церкви, ей на служение отдает себя молодой человек, полный знаний и сил, биолог по образованию (в то время биология считалась чуть ли не самой атеистической наукой), да к тому же еще и еврей. Отец Александр, как всегда с улыбкой, рассказывал, что было тогда в комсомольско-атеистических кругах какое-то по этому поводу волнение. Да и священником он сразу стал особым, совсем не по принятым властью стандартам: пришел, отслужил литургию, справил требы и его нет. В первые же годы своего служения отец Александр сразу же создал то, что имело всегда эфемерное существование в Русской Церкви, гонимой и живущей под прессом: живой приход. Это был приход новообращенных, вернувшихся в Церковь или скорее открывших ее в той среде, где исключенным считался даже самый вопрос о Боге. Конечно же, такое открытие всегда посылается милостью Божией, но она, эта милость или благодать, все же чаще всего находит для себя человеческие уста, слова, руки. Невозможно сосчитать, скольких людей привели к Церкви, ко встрече с Христом, руки, слова или книги отца Александра.

Но сейчас, когда за тысячи километров отсюда, в Новой Деревне, звучат слова погребальной службы, мне хотелось бы обратиться к самой сути его облика, но не говорить об известном и очевидном. Или сказать о том очень кратко: о том, что отец Александр сделал за свою жизнь больше, чем может сделать человек. Создать самый крупный и, как бы к нему ни относиться, самый активный приход в Москве, а может, и во всей России. Возродить движение малых братств или групп, собирающихся вместе для совместной молитвы и размышлений над Евангелием. Крестить тысячи человек ("Вы знаете, — сказал он мне однажды, — всякий раз, когда я крещу, со мной случается маленькая неприятность. Враг-то, он противится..."), переговаривать, должно быть, с десятками тысяч. Написать столько статей, прочесть столько лекций, озвучить столько фильмов для катехизации. И потом его книги: "Сын Человеческий", "Таинство, слово и образ", шеститомная история религий, своего рода катехизаторское и историческое введение в христианство, комментарии к библии, труды по Ветхому Завету, семитомная энциклопедия по библеистике, еще ждущая своего издателя...

Это лишь то, что мы знаем.

Помню слова одного замечательного священника: "Я тоже пастырь, и у меня полно работы, с утра до вечера. И каждый раз, когда мне попадается какая-нибудь книга о

Александра, я одного не могу понять: как, когда ему удастся делать все это?”

”А у меня договор, — ответил о. Александр с улыбкой и показал глазами на икону. — Я отдаю все, что имею и все свое время, и мне тоже по мере сил дается все успевать.”

Он был, вероятно, самым большим в России знатоком Библии. Помимо латыни, древнегреческого и древнееврейского, трудно было бы назвать какой-нибудь живой европейский язык, на котором бы он не читал. В истории религии, философии, литературы трудно назвать такую книгу, о которой бы он не слышал и содержание которой было бы ему незнакомо. И не было, наверное, такой богословской или иной человеческой премудрости, которую бы он не сумел самым доступным образом разъяснить.

Но суть его облика была не в этом. Суть была в том, что он был рыцарь Христов и вол Христов. Десятилетиями легко, словно играючи, он тянул своей невероятной силищей всю эту громаду прихода, громаду дел, встреч, контактов, книг, знаний, наконец, и семейных обязанностей. Покой, гармония и порядок начинались с его души, с его дома и распространялись на всех, с кем он встречался, на все, что он делал.

Но подлинное его существование было ”сокрыто со Христом в Боге” — в церковной и тайной молитве, в ”памяти смертной”, в постоянном сознании, что жизнь наша — миг перед вечностью... ”Впереди у нас вечность, успеем договорить”, — говорил он иногда своим собеседникам, которые никак не хотели с ним расстаться... Успеем, может быть, если только и нам откроется когда-нибудь та блаженная вечность, которая сегодня открыта ему.

Он был счастливейший человек и, казалось, несчастья обходили его стороной. Разумеется, такая жизнь в такую эпоху не могла оставить его совсем уж без неприятностей, но разве полдюжины обысков или где-то три десятка допросов могли мутить его дух, в чем-то заставить изменить своему служению? Но вот с новыми временами, за последний год или два, все это как будто ушло в прошлое. Не знаю, мог ли он еще писать, но выступать он успевал повсюду. В Университете, в школах, институтах, в рабочих клубах, по телевидению, по радио... Помню, я вошел в какой-то магазин — и услышал его голос: он проповедовал, и все продавцы, мужчины, были у радиоприемника. У него было ясное сознание, что эта открывавшаяся возможность уникальна, и нельзя терять ни дня, ни часа. Ни у кого, пожалуй, не было такого ощущения обреченности всего происходящего. Было ли это каким-то предчувствием или пророчеством, кто знает?..

И вот этому человеку Бог послал мученическую и внезапную кончину, послал тогда, когда все главные беды остались как будто в прошлом, и только бы работать и проповедовать... Такая смерть и в такое время говорит нам, помимо прочего, и о том, что храмы могут открываться и более справедливые законы могут быть приняты, но дьявол все еще существует и будет существовать и, следовательно, искать для себя человеческих исполнителей. Я говорю не о безликом, повсюду разлитом зле, подстерегающем и поражающем извне тех, кого оно неспособно погубить изнутри.

Когда я изредка бывал у него дома и шел от станции по асфальтированной тропинке, такой уютной и такой... ненадежной, окруженной с обеих сторон лесом, почти никогда никого не встречая, я думал невольно о хрупкости его существования. Представлял себе, как он возвращается по ней поздним вечером и спешит к поезду ранним, еще не расцветшим утром, всегда один, и так чуть ли не каждый день, год за годом. Но от радушия, энергии, жизнелюбия хозяина дома всегда тотчас таяли, пустыми казались эти мысли. Однако, едва расставшись с ним, на той же пустынной, темной дорожке, я вновь неизменно ощущал какую-то смутную тревогу о нем.

Он не любил уезжать из страны, экономя время, но думаю, что ему всегда хотелось увидеть Иерусалим. Этот город, который исходили ноги Христа и Его апостолов, ноги царей и пророков, и о котором он знал, кажется, все. Ныне он — так верится и подсказывает сердце — уже в Иерусалиме Небесном, у престола Славы, где совершается та последняя литургия, которую он не успел отслужить на земле.

Русская мысль,
14 сентября 1990

Владимир Зелинский

ПАСТЫРЬ, ИСПОВЕДНИК, МУЧЕНИК

ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ — ПРОПОВЕДЬ ЛЮБВИ И НЕУСТАННОЕ ИСКАНИЕ ПРАВДЫ

За неполный год Россия потерпела два тяжелых удара: смерть А.Д.Сахарова в конце 1989 года и сейчас — убийство отца Александра Меня. В то время как поверхностная общественность, увлеченная и обманутая собственными мечтами и планами, ликует по поводу якобы уже установившейся свободы и демократии на территории той искусственной формации, которую принято еще называть СССР (хотя идут разговоры, на официальном уровне, об изменении названия, которое уже ничего не значит), происходят такие страшные и трагические события, как исчезновение уникальных людей, способных вести по-настоящему к свободе, демократии, уважению к человеку, правде.

Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, как и отчего неожиданно скончался А.Д.Сахаров в момент, когда ему открывались все возможности для преобразования и спасения его страны. Мы знаем, как умер отец Александр Мень: зверски убит неизвестными. Уже широко идет молва о том, что его убили фашисты из "Памяти". Нет сомнения в ненависти к нему, среди прочих, и чудовищно невежественных, примитивных, грубых и злобных людей, которые стекаются под знамена "Памяти" и других подобных организаций. Однако сегодня уже совершенно ясно, кто поддерживает эти группировки, покрывает и направляет их и неизменно ими манипулирует, одновременно прилагая все усилия к тому, чтобы преувеличить их значение и запугать весь мир "русским бунтом, бессмысленным и беспощадным". Принято лепить ярлык "КГБ" на силы, занимающиеся такой деятельностью; можно, однако, предположить, что это не только КГБ, но и, гораздо шире, все те, кто старается сохранить власть за царствующим все еще пока строем, используя для этой цели всевозможные темные дела и в первую очередь — ложь.

С точки зрения этих сил, убийство отца Александра Меня — большая удача. Его можно использовать для того, чтобы увеличить страх перед "русским бунтом" и воцарением фашизма, являющимся якобы единственной альтернативой правлению Горбачева; в связи с ним можно как бы обоснованно говорить о страшном росте преступности, а следовательно, о необходимости "сильной руки", "жесткой

власти”, играя на давно уже взрощенных советским строем инстинктах мести, кровожадности, на убеждении в том, что всегда есть козел отпущения, надо только поискать. ”Русская мысль” уже неоднократно писала о том, что разговоры о внезапном страшном росте преступности муссируются целенаправленно: преступность была всегда, только о ней запрещалось говорить и писать; главным же и первым преступником было государство — что делало бессмысленным вообще любой помысел о законности, — у людей мог быть только страх. И сейчас делаются попытки возродить именно страх.

Отец Александр Мень умер мучеником; мученичество увенчало его служение Господу Иисусу Христу, призыв которого — ”оставь все и иди за Мной” — он принял и осуществил всей своей жизнью. Талантливейший молодой ученый-биолог пошел по пути, на котором не могли не ждать его тяжкие испытания; их и было много, но он продолжал приумножать данные ему таланты и давать, дарить пригоршнями богатство своих знаний, своего духа, своей сияющей веры. Скольким людям он открыл свет и радость христианства, скольких спас от отчаяния безбожия и открыл вход в жизнь, скольким помог выйти из клетки навязанного режимом духовного и исторического невежества и слепоты! В последние два, вероятно, года, с тех пор, как борьба с христианством в России была преобразована по западному образцу ”бархатной перчатки” и соответственно открылись возможности широко учить и проповедовать слово Божие, отец Александр со свойственной ему энергией (в отличие от правящих иерархов Московской Патриархии) весь ушел в миссионерскую и катехизаторскую работу; наконец он мог во всей полноте исполнять то задание, для которого был рожден. Великие христиане Запада, такие как Папа Иоанн-Павел II, архиепископ парижский кардинал Люстиже, неустанно твердят о необходимости евангелизации России, подчеркивая, что этот миссионерский труд жизненно нужен всему человечеству, если ему дальше быть и жить. Ясно, что не выйти народам СССР из пустыни ненависти, разъедающего сомнения во всем, бездушного эгоизма и отказа от понятий добра и зла, если не удастся им схватиться за крепкую и живую руку правды. Правду нес людям отец Александр Мень одновременно (и это естественно) с добротой, терпимостью, пониманием и уважением.

Люди стекались к нему со всех сторон; все больше, все шире искали его. Он становился выдающейся фигурой, духовным лидером уже не для ограниченного числа тех, кому посчастливилось с ним повстречаться, а на общенацио-

нальном и уже международном уровне. Слово, которое он нес, не имело — никогда — никакого отношения к политике, но оно охватывало, вглубь, корни всякого действия и всякого проявления человека в жизни, а следовательно, среди прочего, и политику. Христианство, которое проповедовал отец Александр Мень, ничего общего не имело с пассивным участием в обрядах и отвлеченными теоретическими рассуждениями. Он проповедовал христианство как суть, правило и реальность жизни. Такое христианство всегда мешало всем тем, кто выше всего ставит свою волю, свой интерес или каприз. "И будете как боги" — библейское искушение змея проходит через всю историю человечества; с особо грубой беспощадностью оно воплотилось в коммунизме. Такие люди, как отец Александр Мень, — трудно преодолимое препятствие на пути искусителя к успеху. Предлоги для нападения и алиби могут быть самые разные — после того, как препятствие удалось силой устранить; теперь можно говорить — и это будут делать усиленно — о том, что отец Александр Мень обращал евреев в христианство, о том, что он защищал евреев, призывал к веротерпимости, был почтительно и любовно открыт к христианским вероисповеданиям, в частности, к католичеству. Во всем этом будут искать повод для убийства и улики для поиска убийцы. Однако истинная причина его убийства — все более яркое сияние его личности в тумане и мраке, в которые так легко может провалиться Россия, все более громкое звучание Слова Христова из его уст.

Отец Александр Мень — пастырь, миссионер, исповедник и мученик — созерцает отныне улыбку своего Господа, ради которого пожертвовал всем. Его молитва поддержит нас в борьбе с туманом и мраком. Его завещание — евангелизаторский труд, проповедь любви и мира Христовых и неустанное искание правды — все больше становится домом тех, кто хочет быть достойным имени христианина.

Русская мысль,
14 сентября 1990

Ирина Иловайская

ПОСЛЕДНИЙ ЛИ ИЗ НОВОМУЧЕНИКОВ РОССИЙСКИХ?

...Всю свою сознательную жизнь протоиерей Александр Мень служил Иисусу Христу и Его Церкви. Он родился 22 января 1935 года в Москве, в старомосковской интеллигентной еврейской семье, оплодотворенной лучшими плодами русской культуры, российского духа. Мы знаем многих православных русских евреев, послуживших России блеском и возвышенной силой своего таланта: св. старца Паисия Величковского, поэтов А.Фета, Б.Пастернака, О.Мандельштама, православного богослова С.Франка, религиозных философов Л.Шестова и М.Гершензона, художников И.Левитана и М.Шагала, исторического писателя М.Алданова и многих других. И все же хочется в который раз сказать: воистину сбываются слова св. Апостолов Павла и Иоанна Богослова о том, что "не все те Израильтяне, которые от Израйля" (Рим. 9.6), но благодаря "подлинным Израильтянам" (Ин. 1:47) "весь Израиль спасется" (Рим. 11:26).

Будущий священник родился и вырос в так называемой "катакомбной церкви" — одной из скрывавшихся от кровавых коммунистических гонений церковной группировке, возглавляемой епископом Афанасием (Сахаровым) и восходившей к традиции славного московского батюшки 10-20-х годов о. Алексея Мечева. С детства будущий светильник русского православия воспитывался тонким духовидцем о. Серафимом (Батюковым). В 1958 году Александр Мень был рукоположен во диаконы, в 1960 году стал священником. Его духовным наставником был замечательный московский священник Николай Голубцов. В Московской Духовной Академии ему преподавали не менее известные батюшки Андрей Сергеенко (друг о. Сергия Булгакова) и Николай Педашенко, лично знавший В.Розанова, Н.Бердяева, о. Павла Флоренского.

В 60-е годы о. Александр — в плеяде ярких молодых священников, благодаря которым стало возможным последующее церковное возрождение нашей страны. Это о. Глеб Якунин, о. Николай Эшлиман, о. Николай Ведерников, о. Дмитрий Дудко, о. Алексей Злобин, о. Владимир Тимаков, о. Сергей Желудков и некоторые другие. Духовным центром этого святого братства был архиепископ Калужский Гермоген (Голубев), поднявший некогда голос против хрущевских гонений на Церковь.

Протоиерей А.Мень как церковный и научный деятель неотделим от батюшки Александра Менья — подмосковного приходского служителя Церкви. Он служил в поселках Алабино и Тарасовка, 20 лет прослужил в Сретенской церкви Новой Деревни, пригорода г. Пушкина. За свою жизнь он крестил много человек. В его приходе — около 2 тыс. человек — были московские поэты и окрестные крестьяне, современная молодежь и пожилые православные-миряне, помнившие сталинские лагеря не по книжкам... Он умел принять каждого и каждую, он знал всех по имени, он утешал, возвращал волю к жизни, наставлял и воспитывал духовно. Как ему удавалось все успевать? Только за последний год о. Александр читал по 22 лекции в месяц, основал религиозно-просветительское общество "Культурное возрождение", был одним из организаторов Библейского общества и главным редактором готовящегося журнала "Мир Библии", еженедельно посещал две детские больницы, добившись постоянной помощи (одноразовых шприцев и лекарств для детей) из Канады и Италии... Не переставая окормлять своих прихожан, он писал статьи, книги, закончил уникальный многотомный "Словарь по библиологии", подобного которому еще не было нигде в мире. Много помогал солдатам из Афганистана, преданным и государством периода застоя и отчасти всем нашим обществом. Его друзьями были А.Солженицын и С.Фудель, сын прославленного русского священника дореволюционных лет.

Но мало кто знает о том, что о. А.Мень — единственный из наших пастырей послевоенных лет, который сознательно строил православно-христианскую общину верных. Даже в самые тяжелые и черные годы застоя при приходе функционировали десятки групп и кружков по изучению Библии и св. Отцов, молитвенные собрания, центры еженедельного обучения религии для всех желающих, детские воскресные школы. И это во времена, когда всякая деятельность такого рода каралась законом.

Власти постоянно преследовали отца Александра. Слежка, контроль, подслушивание — все пускалось в ход. Особо тяжело стало после ареста священников Глеба Якунина и Дмитрия Дудко: стало ясно, что о. А.Мень — следующий. Начали подвергаться обыскам и запугиваниям его духовные дети и соратники. Затем пошли допросы в КГБ и прокуратуре; сам пастырь вызывался на такие "беседы" еженедельно в течение 1984-1985 годов. Что это были за времена — еще опишут другие...

И вот началась демократизация, перестройка. Казалось бы, свобода. Но свобода может употребляться и во зло.

Нравственное состояние нашей страны, едва вышедшей из-под глыб тоталитаризма, — крайне низкое. Все заражено духом мелочной ненависти, серенького бескультурья, крайней нетерпимости. И тем ярче горят на этом фоне светильники добра, благочестия и духа. Кто конкретно убил о. Александра, мы не знаем. Кем бы ни был убийца, высший суд в руках Божиих. А нравственную ответственность за это злодеяние, за этот страшный удар по Русской Православной Церкви, по всему мировому христианству, по русской культуре несут одержимые бесами зла разжигатели ненависти, нетерпимости, варварства и национальной розни. Кто именно — не знаю. Но среда вдохновителей злодеяния очевидна.

Александр Галич, принявший крещение от о. А.Меня, написал о его Сретенской церкви прекрасные строки:

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный
дом,
Где с куполом синим
не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах
приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется
в сердце моем.

Пастыря, служащего в этом единственном доме, больше нет среди нас. Он на небесах — с нашим Господом. Мир тебе, пастырь добрый!

Вестник
христианских демократов
сентябрь 1990

А. Бессмертный-Анзимиров

РАЗМАТЫВАЯ НИТЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Я вспоминаю о первой встрече с отцом Александром. Это было в августе 1970 года. Он только что был назначен вторым священником церкви Сретения Господня в Новой Деревне. Будучи студентом, я сопровождал туристскую молодежную группу, а потом прожил еще некоторое время в Москве, в доме у Аси Дуровой.

Ася Дурова, которая живет теперь под Парижем, родилась в России и эмигрировала во Францию вместе с родителями. Она работала лет пятнадцать в посольстве Франции в СССР. Она играла роль как бы связной между Францией и Россией, между двумя ипостасями христианства. Часто встречаясь с молодежью, обращавшейся к Вере, она помогала ей чем могла. Именно этой женщине я обязан моим знакомством с отцом Александром.

Итак, я жил у нее. Однажды она доверила мне пакет для передачи одному священнику. Я поехал на Ярославский вокзал и сел на поезд, идущий в Загорск. Вышел в Пушкине и доехал на автобусе до шоссе. Затем пошел вдоль шоссе налево, пока не увидел сквозь листву маленький голубой купол. В конце службы я, стараясь не привлекать к себе внимания, подошел к отцу Александру, и он провел меня к себе, в небольшой кабинет. В пакете была его вторая книга, вышедшая на русском языке в Брюсселе. Я не знаю, каким образом рукопись попала на Запад, но отец Александр тогда первый раз держал в руках свою книгу. Нужно было видеть его радость! Он от души смеялся, видя иллюстрации, взятые им из атеистического издания.

Он был от природы веселого нрава, любил пошутить, отпустить острое словцо. Это было у него, конечно, в характере, но, кроме того, помогало молодым людям, которые его окружали, обрести уверенность в себе.

Намного позже я узнал, где он живет. Нужно было на поезде доехать до предпоследней перед Загорском станции, называемой Семхоз. Тропинка через лес вела к деревянному дому, окруженному палисадом. На этой тропинке он и был убит. Я был поражен той аккуратностью и порядком, которые царили в его доме. Он был мастером на все руки, в доме делал всю тяжелую работу, занимался огородом. Это, без сомнения, способствовало его внутреннему равновесию, но я не понимаю, как у него на все хватало времени.

Из сада был виден Свято-Троицкий монастырь. Большая часть его жизни прошла под сенью этой русской свя-

тыни. Это немаловажная деталь, если вспомнить, что многие выдающиеся религиозные мыслители жили или оставались до революции в этом монастыре.

Дома он писал свои книги, но это составляло лишь одну сторону его деятельности. Отец Александр понимал всю необходимость предоставления тянущейся к Церкви молодежи богатой духовной пищи. Уже в пятнадцать лет он наметил для себя план всех будущих своих работ. Он начал с описания земной жизни Христа, затем написал несколько книг по истории религии. Путь, пройденный мировыми религиями, казался ему прежде всего дорогой, ведущей к Откровению.

Отец Александр придавал большое значение библеистике. Он написал две работы, подготовляющие к чтению Библии, предисловие к Ветхому Завету и комментарии к Новому Завету. До последнего дня он работал над уникальным словарем по библиологии.

Сначала у него не было никакой надежды на то, что его работы когда-нибудь увидят свет. Но начиная с 1968 года они были опубликованы одна за другой в издательстве "Жизнь с Богом" в Брюсселе. Это издательство было создано в 1945 году русской католичкой Ириной Посновой, отдававшей все свои силы на духовную поддержку бывшим военнопленным и депортированным, оказавшимся на западе в связи со второй мировой войной.

Когда, в хрущевские времена, железный занавес слегка приподнялся, это издательство с неиссякаемой энергией принялось за публикацию религиозной литературы на русском языке и тайную переправку этих изданий в СССР. Эти книги значительно способствовали духовному пробуждению страны. Среди них работы отца Александра занимали самое заметное место.

Одни из этих книг были посвящены вопросам общего характера. Другие отвечали более насущным нуждам, выявленным им на ниве его пастырской деятельности. В подобных случаях он оставлял начатый труд и безотлагательно брался за новую работу, которая казалась ему более срочной.

Он понимал важность аудиовизуальных средств информации и осуществил несколько проектов в этом роде. В условиях Советского Союза это занятие требовало невероятной настойчивости и изобретательности. Он сделал, например, замечательный слайд-фильм по знаменитому фильму Франко Дзефирелли "Иисус Назаретский". Придавал очень большое значение этой работе и очень любил ее.

Постоянной заботой отца Александра было обеспечить каждого человека, пришедшего к Церкви, хотя бы одной

книгой, хотя бы одним сочинением на религиозную тему. Это и была настойчивая и неизменная просьба, с которой он обращался к своим зарубежным друзьям: "Найдите способ переправить мне книги, книги и еще раз книги". Но наши чемоданы никогда не оказывались достаточно вместительными, наши руки — достаточно сильными, наше воображение — достаточно изобретательным, чтобы всеми правдами и неправдами доставить ему необходимое количество книг. Он был так благодарен всякий раз, когда до него доходило посланное, и так несчастен всякий раз, когда не мог подарить новокрещенному хотя бы маленькую брошюрку.

Этим летом он показал мне лист, на котором с обеих сторон были напечатаны главные молитвы, и сказал: "При всех крещениях, что я теперь совершаю, это все, что у меня есть, да и таких листов осталось не больше десятка, а этого не хватит на ближайшие воскресенья"

Если бы его маленький кабинет мог поведать обо всем, что в нем происходило, была бы заполнена драгоценная страница истории духовной жизни России.

Сколько раз повторялась такая сцена. Двое молодых людей терпеливо ждут выхода священника из храма. Тот, что посмелей, подходит и шепчет что-то батюшке на ухо. Второй, оставаясь в стороне, молча опускает глаза. Священник говорит, что ждать придется долго, потому что и двор и дом полны посетителей. В конце концов подходит их очередь. Их представляют. Неловкой и напряженной рукой второй молодой человек осеняет себя крестным знамением. Будто физически надо было вырвать этот жест у небытия. Немного позднее молодой человек выходит из дома. Выражение его лица торжественно и серьезно, но голова высоко поднята. Он не произносит ни слова. Это уже новый христианин, только что вошедший в лоно Церкви.

К отцу Александру приезжали не только из Москвы, но буквально отовсюду, порой из самых отдаленных уголков страны.

Это происходило благодаря его дару общения с людьми и особому качеству его интеллекта. У него было слово для каждого. В молодости он увлекался биологией, историей, искусством. Он был, кстати, биологом с высшим образованием, посещал занятия по рисунку и живописи, научился писать иконы. Именно поэтому интеллектуалы, ученые, деятели культуры находили в нем собеседника, способного говорить с ними их языком и на их уровне.

После таинства Святого Крещения отец Александр старался найти для каждого хотя бы одну книгу, толкующую

об азах Веры, старался познакомить его с небольшим кругом верующих — для взаимной поддержки и помощи, для укрепления их еще такой молодой и хрупкой Веры. Поначалу это были импровизированные собрания, проходившие то в одном, то в другом доме, чтобы не привлекать к себе внимания властей. Затем это все понемногу организовалось и разрослось. Об этом рассказал Андрей Бессмертный: "Уже с конца 60-х годов и до наших дней, без перерыва, при новодеревенской общине действует несколько десятков молитвенных, богословских кружков и семинаров, принципы работы которых были выработаны самим пастырем. Люди собираются не реже раза в неделю, вместе молятся, затем изучают Библию, Святых Отцов или церковную историю. ...Люди стараются помогать друг другу, служить ближним так, как могут, соответственно призванию каждого"

В течение всего своего священства в Новой Деревне отец Александр прилагал все усилия, чтобы организовать приходскую жизнь, уничтоженную преследованиями и практически запрещенную советскими законами.

Но нужно было соблюдать осторожность, поскольку те объединения граждан, деятельность которых не контролируется партией, ненавистны ей всего более.

Отец Александр всегда умел с особой гибкостью и интуицией уравнивать политические весы. Когда на горизонте появлялась опасность, кружки собирались реже, иногда совсем исчезая из поля зрения на некоторое время. Ему приходилось даже советовать своим духовным детям не приезжать в Новую Деревню с тем, чтобы присутствие молодежи в храме не слишком раздражало местные власти. Он предчувствовал, например, волну арестов, которая коснулась, в частности, отца Глеба Якунина и Дмитрия Дудко в 1979–80 годах. В мае 1979 года ЦК партии посвятил свой очередной пленум идеологической работе. Батюшка сказал мне тогда: "Это не кончится добром для нас" Тогда, мне кажется, никто на этот пленум не обратил внимания...

Власти всегда хотели избавиться от отца Александра. Но трудно было подыскать предлог, поскольку его деятельность не имела политической окраски. В 1984 году они, казалось, были готовы его арестовать. В апреле 1986 года на него обрушились с нападка в прессе. Приходили анонимные письма, из которых становилось ясно, что информация в них почерпнута из источников, доступных далеко не каждому смертному...

Пытались его дискредитировать в глазах церковных властей. Правда, к нему не очень благоволили в церковных кругах. Происходило это от того, что он был открыт по от-

ношению к обществу и другим конфессиям, а также из-за его способности к диалогу. И из-за его еврейского происхождения. Его обвиняли в модернизме, в миссионерстве на католический лад, в симпатиях к униатству, иудаизму и т.д.

Этим летом Новая Деревня напоминала улей. Только несколько месяцев назад отец Александр — наконец-то — назначен настоятелем Сретенского храма.

В церкви даже установили микрофон!

Было воскресенье. Литургия закончилась в половине одиннадцатого, затем было несколько крещений, два отпевания, три венчания. Около трех батюшка, наконец, вернулся к себе. Дома были посетители, дожидавшиеся его с утра для частной беседы. Ему пришлось принять участие в нескольких собраниях: одно — об организации воскресной школы, другое — о создании новой общеобразовательной школы, третье — по поводу постройки нового приходского дома, и так далее. Приход в то же время организовал группу милосердия, которая занимается в больницах брошенными на произвол судьбы младенцами, во-первых, и, во-вторых, — детьми с тяжкими заболеваниями почек. Стояло лето. Но в начале учебного года снова должны были начаться выступления и конференции в школах, клубах, институтах. Кроме того, предстояло принять участие в ряде телевизионных передач.

И вдруг...

Отца Александра никто не заменит. Но, в этом нет сомнения, дело евангелизации, которому он отдавал всего себя в течение всех этих лет священнической жизни, будет продолжаться, хотя в других формах, о которых мы, может быть, сейчас и не догадываемся. Труд его жизни и его мученичество еще явят нам многие плоды.

Ив Аман
(Пер. с фр. Александра Радашкевича)

ТАЙНА СМЕРТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

С отцом Александром я познакомился в 1980 году в его доме. Я запомнил тропинку через покрытый снегом лес и атмосферу дома, обаяние хозяина и его необыкновенную эрудицию. С того времени мы вели переписку, при каждом удобном случае я передавал отцу Александру книги и материалы для библейского словаря, преимущественно касающиеся польских библеистов. В 1987 году я пригласил отца Александра в Польшу. В 1988 году поездка осуществилась — это было первое заграничное путешествие отца Александра. Не обошлось без маленького приключения. Мы поехали на вокзал Варшава Центральная, тем временем отец Александр спокойно покинул поезд на вокзале Варшава Восточная. Мы были весьма обеспокоены — что же случилось? Вернулись домой, а через несколько минут появился улыбающийся гость: "Это я, почему у Вас такие удивленные лица?" Мы надеялись, что отец Александр приехал к нам на месяц, но он запланировал только 4 дня на свое пребывание в Варшаве, которое лишь из-за трудностей с билетами продлилось 8 дней. Как он сам говорил, приезжал прежде всего "поглядеть", как в Польше работают воскресные школы, дома говения, издательства. Предугадывал, что через несколько лет можно будет организовать подобные начинания в России. Очень спешил. Это было заметно, так как неоднократно повторял что надо очень много сделать, а времени очень мало. Рассказывал о своих "приключениях" с КГБ и о позиции митрополита Ювеналия, который его защищал. Однако считал, что "приключения" являются мало важными, и даже пытался найти во всех трудностях какой-то смысл. Уехал, оставляя чувство неудовлетворенности. И неожиданно, как гром среди ясного неба, обрушилась эта весть. Мы знали, что он получал разные анонимные письма с угрозами, но никак на них не реагировал. Его оптимизм был заразительным, связанным с необыкновенным чувством юмора. На фоне всеобщего пессимизма в его отечестве оптимизм был чем-то необычным и, главное, дающим надежду.

А теперь нам остается задуматься над тайной его смерти. Депутат Моссовета о. Александр Борисов сказал на панихиде, что гибель Александра Меня несет в себе огромную духовную загадку: "Бог словно бы хотел сказать нам что-то очень важное — каждому сердцу: что началась битва за Россию, за народ, и в этой битве всегда есть те, кто падают первыми, те, кто идут впереди".

Особенно заставляют задуматься два обстоятельства — похороны, как и сороковой день, служили торжественно в белых ризах. А во время литургии, в сороковой день после смерти отца Александра, митрополит Ювеналий рукоположил диакона и священника. Сама церковь придала этой смерти другое измерение. Белые похоронные ризы и рукоположения в сороковой день... Духовное рождение новых пастырей, его учеников.

В шестой главе Откровения св. Иоанна Богослова читаем: "Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святы́й и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число" (6: 9-11). Развитие этой мысли находим в седьмой главе: "После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих [...] И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. За это они пребывают перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них; Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной; ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их" (7: 9, 13-17).

Белый цвет литургических риз символизирует, следовательно, мученичество. В день похорон Церковь нарочито подчеркнула факт мученической кончины своего священника, что повторила в службе в сороковой день после смерти отца Александра.

В описании мученической кончины св. Поликарпа автор сообщает: "Он не только был превосходным учителем, но также совершенным мучеником, мучению которого все желают подражать, потому что происходило оно согласно Евангелию Христа. Так своею стойкостью он победил неправедного губернатора и приобрел венец бессмертия. Соединенный в радости с апостолами и со всеми праведными, он славит Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя всех душ, Наставника наших телес и Пастыря католической Церкви на всей вселенной" (гл. 19).

Как еще далеко то время, когда мы будем праздновать полную победу добра над злом. Происходящее скорее уверяет нас в том, что мы отдаляемся от этого момента, вместо того чтобы приближаться к нему. Мы видим ненависть среди людей и народов, гражданские войны, голод, нищету и красивые лозунги, под которыми таится лицемерие. Вспоминаем слова Христа: "но Сын Человеческий придет найдет ли веру на земле?" (Лк. 18: 8). Победа Христа совершилась через муку и смерть на кресте. Даже сын Божий должен был идти тернистой дорогою, испить горькую чашу. Дорога к победе всегда ведет через крест. Церковь призвана к борьбе и победе, но к цели может прийти только через страдания, Голгофу и крест. Другой путь является прозябанием, помехой для развития основ Евангелия, которые требуют для этой борьбы всего человека. Другой путь помогает только злу и ведет людей к катастрофе и провалу. И по нему идут не только единицы, но и целые общества и народы. Забываем, что победу можно осуществить только через крест: "И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе" (Ин. 12: 32). Только побежденный может быть победителем. Таков смысл мученичества с христианской точки зрения. Кровь мучеников всегда является семенем новых христиан. Господь Иисус Христос сам сказал: "Если Меня гнали, будут гнать и вас" (Ин. 15: 20), потому что "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15: 13). Смерть отца Александра подтверждает слова: "Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел... ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего" (Ин. 15: 18, 23). Но напоминает также, что "если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" (Ин. 12: 24).

Зловеще звучат слова, записанные в евангелии от св. Луки: "но теперь — ваше время и власть тьмы" (22: 53). "Князь мира сего" не прекращает своих усилий, чтобы сделать мир глухим на голос Христа. Деятельность сил, враждебных Христу, заключается в постоянном вхождении в роль Христа — Спасителя и благодетеля человека, что соответствует пророчеству Христа о восстании лжехристов и лжепророков (Мк. 13: 22). Примером такой деятельности враждебных Христу сил является в наследии Ф. Достоевского доктрина Шигалева. Вот как характеризует эту доктрину Верховенский-сын: "Шигалев гениальный человек! Он выдумал равенство! У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы, и в рабстве равны. В крайних лучах клевета и убийство, а главное — равенство" (ПСС, т. X, стр. 322).

Не конфликт между духом и материей поляризует мир, но конфликт между духами разной природы (*Откр. 12: 17*). Тринадцатая глава Откровения св. Иоанна Богослова говорит о двух демонических свойствах, имеющих огромную силу уничтожения: о безграничной власти над живыми, напоминающей тоталитарное государство, и о лжепророках. Противоречие двух царств, взаимно исключаящих друг друга, объясняет катастрофический конец. Можно сказать, что одно из этих течений будет увенчано Христом в парусии, второе же закончится пришествием Антихриста.

Это сошествие во ад, но надо помнить, что в православии сошествие во ад обозначает воскресение. В ад человеческого существования пришел Христос, чтобы сохранить все, что только можно вытащить из ада. Дьявольскую силу можно уничтожить только постом, молитвами и благодатью. Церковь является связующим звеном душ, ибо именно в Церкви встречаются грешные и праведники. Трагедия истории состоит в борьбе противоречивых сил, исключаящих друг друга, которые в конечном счете признают, однако, победу Христа, единственного господина истории, Который покорит сатану и смерть, и Сам предаст царство Богу и отцу, когда низложит всех врагов под ноги Свои.

Тайна смерти заключается в самой материи. В концепции Н.О.Лосского, которую разделял отец Александр, "реальная действительность слагается из энергетических центров (субстанциональных деятелей), природа которых нематериальна. Лосский считает, что эти трансфизические единицы обладают неким подобием свободной воли и от ее направления зависит тот или иной строй природы. Таким образом, к субстанциональным деятелям восходит то царство необходимости и детерминированности, которое является падшим миром. Его несовершенство коренится в самых началах как мироздания, так и твари. Царство необходимости есть царство вражды и непроницаемости" (*Дело Церкви — дело Божие, "Московский комсомолец", 1990*).

Это есть, однако, тайна смерти как результат натурального процесса. Иначе в случае смерти насильственной, мученической. Смерть всегда нечто большее, чем только смерть. Тем более смерть священника, который все отдавал другим, а в конце отдал самого себя. Его ученики должны то, что получили, понести дальше и не падать духом. Должны быть достойными этой смерти. Отец Александр был истинным миссионером. Когда умирает человек, который был подлинным христианином, его смерть несет людям истинный мир. Смерть отца Александра вдобавок показала, кем Он был, явилась доказательством его правды. Его

смерть является для нас вызовом. Мученик любви всегда есть победитель.

Многokrатно спрашивали отца Александра, не хотел бы он эмигрировать. Отвечал, что если бы Бог хотел, чтобы он работал где-то в другом месте, наверное, он бы родился вне России. Часто повторял, что надо всегда помнить о смерти, осознать кратковременность жизни, и тогда можно более спокойно смотреть на все и жить легко.

Мы говорим о трагедии, о потере. Так мало слышно слов надежды. Мы не пробуем осознать, что означает эта смерть. А она есть, наверное, знак времени. Александр Мень никого не боялся и исполнял свой подвиг служения Богу и людям, чуждый показной героике, но зато с огромным чувством юмора: "Нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем" (2 Кор. 6: 10). Отец Александр погиб не случайно. В мире нет ничего случайного. Смерть также не есть случай. И потому надо быть всегда готовым к смерти. Отец Александр сам говорил об этом в одной из своих проповедей: "Мы знаем, как важно человеку быть всегда наготове ... Будьте всегда в таком душевном состоянии, как будто сегодня или завтра может пробить ваш последний час и вы предстанете перед Богом". В этих словах содержится идея "предстания перед Богом". Смысл смерти отца Александра состоит в том, что его мученическая кончина явилась увенчанием его жизни. Человек, который всю свою жизнь посвятил борьбе с силами тьмы, не мог иначе скончаться. Силы тьмы всегда так готовят свою победу. Победу, которая всегда есть их самое большое поражение. Как будто "Кот напыщенно произнес: — Храм, который строим мы с Вами, Мастер, разрушить никому не удастся". Но "внезапный грохот и дребезжание стекол прервали мысль писавшего и он с выражением испуга на лице обратился с вопросом к Коту: — Неужели... неужели они... все-таки посмели? Вяло зевнув, Кот почему-то взглянул на наручные часы и равнодушно отвечал: — Конечно, посмели... жалкие подражатели... Воюют с камнями — и НИЧЕГО НЕ ПОСТРОЯТ". Даже если воюют с живыми камнями.

В евангелии от св. Матфея Господь резко осуждает книжников и фарисеев: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры... Дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови

Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником” (23: 29, 32-35). Каждое слово Христа имеет вечную ценность и касается всех времен: ”Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете...” (Матф. 23: 34). Трагедия космоса, лишённого духовного центра, состоит в отклонении самых высших ценностей, за что приходит наказание. Это на убийцу падает невинная кровь. Его дом остается пустым. Тайна любви и тайна ненависти. На любовь можно ответить ненавистью: ”И вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга ... И, по причине УМНОЖЕНИЯ БЕЗЗАКОНИЯ, во многих охладает любовь. Претерпевший же до конца спасется” (Матф. 24: 9-13). Ненависть призывает стрелять в противника и убивать топорами тех, которые не соответствуют нашим взглядам, — ”всякий делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы” (Ин. 3: 20). Ненависть, как одно из проявлений зла, имеет свой конец во аде. Но зло не побеждает, потому что каждая его победа является безнадежным поражением. Единственный победитель есть только Христос: ”Я победил мир” (Ин. 16: 33). Через все кошмары истории, через каждую мученическую смерть Христос говорит к нам в тишине и молчании, потому что на наших глазах исполняются пророчества Нового Завета. Убийца должен убивать из-за угла, ибо иначе нельзя нанести удар человеку храброму в Христе: ”Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла” (Пс 22: 4). Мы должны осознать, что ”Царствие Божие внутри вас есть” (Лк. 17: 21). Существует в нашей взаимной любви. Только благодаря тому все узнают, что мы ученики Христа. Отец Александр показал нам пример такой любви: ”Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным” (Матф. 10: 32). Жертвенная любовь всегда предполагает крест и любовь врагов: ”Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего” (Лк. 6: 35). Свет всегда светит во тьме, и мрак никогда не обымет света. Когда гаснет один источник света, зажигается следующий. Свет человека всегда есть отражение единственного света Христа: ”Я свет миру, кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни” (Ин. 8: 12). Каждый христианин в сущности исполняет служение св. Иоанна Крестителя: ”Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия” (Ин. 1: 23). Мир, также и Церковь, уходит в себя и не хочет услышать голос Христа. Предпочитает быть

глухим и слепым. Потому только особая смерть, смерть мученическая, может заговорить для их глухих ушей. Эта смерть открывает вдруг человеку новый кругозор, кругозор другой жизни, и приближает Евангелие даже к тем, которые никогда о нем не слышали. Принуждает к принятию и реализации в жизни идеала — Евангелия: "Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (*Матф. 5: 44-48*). Парадокс христианства относится к реляции слабости и силы: "Сила Моя совершается в немощи. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо, когда я немощен, тогда силен" (*2 Кор. 12, 9-10*). То, что нам кажется немощью, является силой Бога. Это из своего креста, из смерти, Христос сотворил источник силы Божией. В смерти Христа, включающей каждую человеческую смерть, находим жизнь, которая сильнее могилы. В этом заключается тайна общения святых, которые ходатайствуют за нас, пока не исполнится чаша зла и Христос придет во славе. Обратим внимание на два последних блаженства из Нагорной проповеди: "Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас" (*Матф. 5: 10-12*). Парадокс преследования и радости, потому что всякое преследование направлено против Христа. Это Он есть знак, которому будут противиться, пытаясь строить мир без Христа. Уже в Вифлееме Младенец бросил вызов силам мира. Ужас Ирода распространяется на всех властителей, от римских императоров до палачей XX века. Провозглашая любовь, Христос сокрушает основания их престолов. Его учение противоречит взглядам тех, которые, как правило, строят свои империи и свои идеологии на совершенно других основаниях. Здесь даже не важно, разделяют эти взгляды миллионы или единицы. Христос и Его учение мешают им так же, как мешали великому инквизитору из "Леген-

ды” Ф.М.Достоевского. Тогда в руках встревоженного человека появляется оружие, нож или топор. В конце концов это всегда удар, направленный на Христа. Однако Христос по-прежнему всегда будет пробуждать человеческую совесть.

Казалось, что список новомучеников уже окончательно закрыт. Наша надежда оказалась далекой от мысли Бога. Эта смерть показывает, что список этот еще не закрыт. Не будет никогда закрытым, если мы мыслим категориями вселенского христианства. Отец Александр всегда будет для нас недостижимым идеалом и одновременно небесным покровителем. И именно это пробуждает нашу надежду на будущее, хотя “духовное состояние страны, где оказывается возможным такое, есть состояние невероятного нравственного падения, ставшего явным именно в момент казующейся свободы” (А.Бессмертный).

Потому мне очень трудно согласиться с теми мнениями, которые в смерти отца Александра видят только катастрофу. Я позволю себе здесь процитировать выдержки из писем, которые я получил из России:

”Для меня потеря о. Александра — это просто катастрофа... Единственный почти здесь человек, способный так много сделать, обратить лучшие умы, обладающий удивительной логикой мышления, образным языком, живым словом, энциклопедическими познаниями, большим сердцем... Можно видеть в этом только единственный знак, что в России не будет религиозного возрождения, или оно будет правым, черносотенным, в лучшем случае дореволюционным. Открывают церкви, воскресные школы — но кто в них будет преподавать, представить трудно и страшно. Чему они будут учить? Извините, что я пустилась в такие бессмысленные рассуждения — это от невозможности примирения со смертью отца Александра”.

Во втором письме можно найти немножко больше надежды:

”Вокруг мрак и безнадежность, в которых мы живем. Поляки питают такие прекрасные надежды на наше будущее, но я пока все вижу в другом свете, когда мы оказались свидетелями непостижимой смерти. Наверно, для молодых или в будущем это будет много значить для веры, для борьбы, но для нас пока в земной жизни — крах такого высокого и необъяснимого чуда, которым был в нашей кромешной тьме отец Александр. Просто такого духовного отца и священника нет (у нас в стране не было давно и сейчас нет). А дальше — что Бог даст”

Эти письма, безусловно, отражают настроения, преобладающие в данный момент в России. Свидетельствуют о

невиданной пассивности общества. Может быть, хотя я в этом не уверен, "восточное православие всегда было склонно к фатализму, пассивности, историософскому монофизитству, православное сознание часто поддавалось искусительной склонности: все происходящее в мире и в истории, как доброе, так и злое, воспринимать совершающимся по воле Божией, по Божьему всеблагому желанию, подменяя при этом понятие Божьего пощущения понятием божьего соизволения" (На пути к свободе совести, Москва, 1989, стр. 189-190). Но возрождение не может быть результатом какого-то нажима снаружи, а произойдет только от внутренних импульсов, "от внутренних процессов в русском народе". В основе такого возрождения (идея Н.А.Бердяева) должно лежать восстановление прерванных культурных и религиозных традиций, духовной свободы, принципа самоценности и суверенности личности.

Были мученики первых веков христианства; были также мученики во время введения утопии. Видно, мученики нужны и во время выхода из периода утопии. Похороны отца Александра состоялись в праздник Усекновения главы св. Иоанна Крестителя, который возвещал пришествие Христа. К чему готовит нас своей смертью отец Александр? Я верю, что к духовному возрождению, и не только России. Когда-нибудь, полагаю, в недалеком будущем, Россия осознает, кого потеряла 9 сентября 1990 года. Это к нам сегодня относятся слова Апостола Павла: "Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа, да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, производя в вас благоугодное Ему чрез Иисуса Христа" (*Евр. 13: 20-21*).

Поскольку к нам не доходили слова правды, слова Евангелия, поскольку мы замкнули уши на голос Бога, Бог заговорил с нами через смерть своего священника. Оставил нас сиротами, но духовное сиротство всегда кратковременное, потому что новые служители Правды пойдут по следам отца Александра.

"Думаю, что в силу своего смирения он не стремился к мученичеству, но Бог сам удостоил его венца мученика.

А.Меню не могли простить многое: и национальности, и таланта, и широты взглядов, и удивительного ума, и популярности.

Убийство отца Александра — это чудовищное преступление. Это расплата за наши пассивность, трусость и внутреннюю несвободу, ибо благодаря им и сложился союз всех самых темных, изуверских, шовинистических и бандит-

ских сил в обществе, церкви и государстве. И этот союз отметил свое образование сатанинской мессой с принесением в жертву человека, олицетворяющего собой все светлое и святое.

Несомненно, Бог посрамил силы зла. Но сделать это можно, лишь пробудив нас от унылой спячки к творчеству и жертвенному служению Христовой Правде" (*А.Белавин, Памяти Александра Меня, "Демократическая Россия" 1:1990, нр. 4, стр. 15*).

Пример такого именно отношения к жизни дал нам

Пушкинский священник Мень,
с мудрейшими устами
(*Ю.Заславский*).

Как и его соименник, Александр Пушкин, воздвигнул он себе памятник прочнее бронзы и гранита. Прочность того памятника укореняется в словах Священного Писания: "Праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане" (*Пс. 91: 13*), цветет после своей смерти, ибо смерть христианина всегда является победой. Александр Галич написал о церкви в Новой Деревне:

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим
Не властно соперничать небо.

Сегодня именно эта церковь, и особенно находящаяся рядом с ней могила отца Александра, это знак и завещание. "За свободу и творчество в религиозной жизни, за достоинство человека нужно вести героическую борьбу. Истина не есть вещь, предмет, не есть падающая с неба система понятий, она творчески раскрывается и завоевывается в пути и в жизни. Истина дана не для сохранения в каком-то месте, а для осуществления в полноте и для развития" (*Н.А.Бердяев, Дух Великого Инквизитора, "Путь" 11:1935, нр. 49, стр. 81*). Но это может сделать лишь христианство возрожденное, творческое, верное своему пророческому духу, обращенное к царству Божьему: "Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мер некоторых" (*1 Кор. 9: 22*) А нам остается только одно: будем продолжать дело отца Александра. И поблагодарим Господа, что среди нас был отец Александр.

Ваш крест очень тяжелый. И ваша ситуация сложная. Не нам судить. Но в смерти отца Александра есть тайна домостроительства Бога. Покрова над миром и над Вашей страной. Будем Вам помогать молитвенно, а Господь, кото-

рый всегда помогает, поможет преодолеть все соблазны и трагедии. Поможет возрождению Вашей страны.

Варшава

Прот. Генрих Папроцки.

”ЖИЗНЬ СВОЮ ЗА ДРУГИ СВОЯ”

11 сентября, 29 августа по старому стилю, когда РПЦ отмечает Усекновение главы Иоанна Крестителя, отпевали и погребали о. Александра Меня. Он был убит за два дня до этого, 9 сентября, когда Церковь по новому стилю празднует Рождество Богородицы и память правв. Иоакима и Анны, а по- старому — восточного подвижника преп. Пимена Великого и двух западных святых: испанского епископа св. Осии Кордувийского и св. Ливерия, Папы Римского.

Отец Александр принял мученический венец 55-ти лет от роду, на тридцать третьем году своего священства, и так уподобленный Христу и был провожден Церковью к Господу, между праздниками Богородицы и Предтечи, за день до своих именин — памяти его небесного покровителя, святого благоверного князя Александра Невского.

Символичным мне представляется созвездие этих праздников, в дни которых совершилось это отшествие от нас о. Александра. Все они как бы протянули ему руки — признали своим. И не случайно, ибо жизнь и служение о. Александра были духовным мостом, соединяющим разные эпохи, разные миры в православии, разные конфессии в христианстве, да и отделенные половины Церкви: Восточную и Западную — между собой.

Богородица, Свв. Иоаким и Анна и Предтеча были не только иконами, перед которыми он молился и служил, Они были историческими реалиями его книг о жизни Иисуса и начале Церкви, деятелями той иудео-христианской среды, принадлежность к которой и связь с которой он так остро переживал и давал сопережить своим духовным детям.

Не случайна эта связь и с западными святыми. О. Александр, как мало кто в православной Церкви, болезненно переживал разделенность Церкви на две половины: Восточную и Западную, ясно сознавая, что наши перегородки до неба не доходят. Не случайно его погребение в преддверии дамяти его покровителя — благоверного Александра Невского. И сам о. Александр был благодарным рыцарем света, защитником ”новгородских” свобод своей паствы от духовного татарского ига — очень часто путем тонкой дипломатии, смиренных челобитий, уничтожения не страха ради, а ради Церкви, общины, православного народа, которому он служил.

Человек вселенского сознания и универсальных горизонтов, о. Александр был до мозга костей сыном Русской

Церкви, крещен и воспитан в детстве в катакомбах замечательным иеромонахом Серафимом Батюковым, и после его смерти благословенным тем, что застал еще лучших ее слушателей из числа ее исповедников.

Русская церковная история, православие были его средой, воздухом, которым он дышал, русские святые — собеседниками. Пропитанный православным преданием, нося в себе его традиции, о. Александр стал мостом, по которому к этому преданию, к этой традиции вернулись десятки тысяч его современников, советских людей. Через него это предание, ничуть себя не обедняя и не упрощая, заговорило на языке сегодняшнего дня, языке, понятном комсомольцу.

Православие часто упрекают, что его богословы и иерархи все еще борются с ересями 4-го и 5-го веков, не делая усилий ответить на вопрошания, на заблуждения, на неверие нашего времени. О. Александра в этом обвинить было нельзя. В конце 50-х годов, молодым священником, в самый пик господства атеистического и материалистического мирозерцания, он выступил один. Это была даже не защита веры, а фронтальная интеллектуальная атака на неверие и материализм. Памятником этой битвы и ее солдатами стоят его книги — целая серия, охватывающая весь религиозный опыт человечества. О. Александр Мень написал много книг и статей. Он был самым крупным в России ученым-библеистом, специалистом по Ветхому Завету. Он написал многотомный библейский словарь, писал он и популярные книги: "Введение в православное богослужение", "Как читать Библию"

Но главный его труд — это серия книг по истории религии. Первая книга — как бы вводная ко всей серии — это книга о Христе, "Сын Человеческий" Это яркий, живой рассказ о евангельских событиях, написанный для современного читателя, в котором уже даются ответы на возражения неверующего сознания и на господствовавшие тогда атеистические теории, вплоть до мифологической школы, которая просто отрицала существование Иисуса из Назарета. Написанная более двадцати лет назад, эта небольшая книга и сегодня остается одной из лучших исторических книг о Христе. Если "Сын Человеческий" можно назвать введением ко всей серии, то сама серия начинается с тома под названием "Истоки религии". Этот том, да и вся серия посвящается Владимиру Соловьеву и предваряется портретом философа. Посвящение совсем не случайное. Творчество о. Александра Менья нельзя понять вне мысли Владимира Соловьева, которого о. Александр почитал своим учителем.

Владимир Соловьев, с которого по-настоящему началась русская философия, загорелся философской задачей, поставленной Гегелем, который эту задачу провозгласил, но сам на нее философски не ответил. В своих лекциях по философии религии Гегель определил христианство как высшую религию. В чем же увидел он превосходство христианства над другими верами? В его всеобъемлемости, синтетичности. В христианстве достигнут синтез всех религий, которые оно все содержит в себе, сняв их отдельные противоречия. Религиозное христианство, разделенное к тому же на конфессии, стоит наряду с другими религиями, но философски оно — всерелигия, если сумеет показать, как оно содержит в себе все их постулаты, — считал Гегель.

Эту задачу, однако, сам Гегель не исполнил, его доводы слабы, неубедительны, да в них он и отходит от основных верований христианства как такового. Но эту задачу унаследовал от него и философски выполнил Владимир Соловьев. Для Соловьева весь процесс эволюции мира вел к появлению человека, а вся религиозно-культурная история человечества увенчана в появлении Богочеловека Иисуса Христа, в котором божественное и тварное соединились. На философском уровне Соловьев показал, как сущность всех религий, каждую из которых он воспринимал как часть истины, находит свое исполнение и восполнение в христианстве, выразившем синтетическую полноту истины. То, что Соловьев сделал на уровне философии, о. Александр Мень показавший на уровне культурно-историческом, как историк религий. Том за томом его серия раскрывает перед читателем одиссею религиозных исканий человечества как единый процесс движения человеческого духа в поисках истины. Первый том "Истоки религии" показывает на основе огромного антропологического материала, как прамонотеизм, лежащая в глубине подсознания человечества вера в единого Бога-Отца, на примитивной стадии истории выродилась в многобожество и анимизм. Следующий том "Магизм и единобожие" рисует возникновение древней израильской религии Завета одного народа с Одним Богом среди языческих культов и магических представлений. Здесь зажигается освобождающий огонь света и истины, который постепенно разгорается в ходе развития древнееврейской религии. Следующие два тома рисуют параллельное религиозное развитие человечества, к Западу и к Востоку от Ханаана. Это религия индуизма и буддизма, которым посвящен третий том "У врат молчания", и развитие греческих религий и философии — культурной вершины антропоцентризма, — описанных в четвертом томе серии "Дионис, Ло-

гос, Судьба”. Пятый том “Вестники Царства Божия” возвращает нас к религии Израиля, к периоду деятельности великих пророков. Наконец, последний том “На пороге Нового Завета” рассказывает о религиозных исканиях эпохи эллинизма в огромной империи Александра Македонского, частью которой стала и земля Израилева. Здесь мы читаем и о маккавейском восстании за веру против иноземного владычества, и об эпохе, непосредственно предшествующей рождению Иисуса, о многообразных течениях иудаизма в первом веке, о той среде, в которой впервые прозвучала весть Спасения — “Мессия, Христос воскрес”.

Эта серия, совершенно уникальная, отличается от разных серий по истории религии своим синтетическим философским взглядом. Она вся пронизана соловьевским духом, где вся религиозная жизнь человечества, описанная в больших подробностях, с замечательным профессиональным знанием дела, поставлена в контекст общего духовного движения человечества. Последнее, как некий Адам, изгнанный из рая и забывший путь к нему, ищет дорогу назад. И все религиозные искания человечества показаны здесь как единый порыв человеческого духа, который Дух Божий ведет к встрече с Богом лицом к лицу. Христианство является как полнота этой встречи, в которой сам Бог встречается и соединяется с человеком в Богочеловеке Иисусе Христе. Это — полнота, исполняющая все, но для человеческой ограниченности воспринимаемая тоже, увы, лишь частично.

Отец Александр Мень не был только кабинетным ученым, он был великим пастырем душ, который в своем служении осуществлял это вселенское видение христианства и православия. Для него православная Церковь была поистине соборной — кафолической, вселенской, объемлющей все, и так он учил видеть православие свою паству, выводя ее за пределы провинциализма, сектанства, темноты, ограниченности, к свету, показывающему присутствие Божие везде. Эта пастырская деятельность, которой окормлялись десятки тысяч людей, была одухотворена его мистическим видением всеприсутствия Христа, всеприсутствия Духа Святого.

Увы, далеко не всем, даже из его духовных детей, это видение было по плечу. Его широта и необъятные горизонты света, который он открывал, многих пугали. Потому о. Александру приходилось терпеть тесноту не только от властей, но и от единоверцев, и даже бывших своих духовных детей, которых он, как и меня, автора этих строк, привел и воспитал в вере. И он мог бы сказать о себе словами апосто-

ла Павла, во Втором Послании к Коринфянам: "Безмерно бывал я в опасностях, в опасностях от язычников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях между лжебратьями; в труде и в изнурении, часто в бдении, часто в посте. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазнется, за кого бы я не воспламенялся?"

Отец Александр Мень был "пастырем добрым", положившим, по словам Господа, свою жизнь за свою паству. Почти двадцать лет его как еврея пытались вытолкнуть из России. Вначале это делал КГБ. Трудно перечислить, сколько раз его вызывали на допросы и собеседования, сколько уговоров, заманчивых предложений, угроз он там выслушал. В последние годы "застоя" это давление органов стало почти невыносимым. Многие не вынесли и гораздо меньшего, уехали. О. Александр категорически отказывался эмигрировать.

С перестройкой органы отступились, но приступили черносотенцы. В последнее время о. Александр стал получать анонимные угрозы и запугивания. Он чувствовал, что жить ему осталось недолго, о чём говорил очень близким людям. Однако на все давление врагов и уговоры друзей, чтобы он эмигрировал, о. Александр твердо заявлял, что свою паству он покинуть не может, и что жизнь свою полагает в руки Божии.

Отец Александр Мень был великим служителем Света, из мрака поднялась рука, которая разбила эту уникальную, светлую голову топором. Ибо как сказал евангелист Иоанн: "Всякий делающий злое, ненавидит Свет и не идет к Свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы"

Русская мысль,
21 сентября 1990

о. Михаил Аксенов-Меерсон

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Наша эпоха окрашена в цвет крови. XX век стал веком духовной и социальной мутации, и для России это обернулось национальной катастрофой. Точнее, цепью катастроф, каждая из которых была следствием и продолжением предыдущих. Реализация утопии, порожденной кризисом христианства, потребовала геноцида, неслыханного по числу жертв и по протяженности во времени и пространстве.

Раньше ставились храмы "на крови" — крови мучеников, святых, невинно убиенных. Но теперь уже больше не храмы — вся Россия стоит на крови.

Жертвами, по сути, стали все — и победители, и побежденные, и наши отцы, и мы, и наши дети. Болезнь поразила и социум, и человеческие души, и причины этой болезни — в сфере духа.

Понятно, что и лечение здесь должно быть прежде всего духовным. Только воскрешение, только возрождение духа может преобразить и страну, и сердца людей.

Но это невозможно без Промысла Божиего. И это невозможно без новой жертвы.

Для великой миссии Господь посылает на Землю апостолов ("апостол" и есть "посланник").

Таким апостолом и был отец Александр.

Он жил и работал в условиях тупиковой цивилизации, в расхристанном, расхристианенном обществе, где расчеловечивание в течение десятков лет было государственной политикой. И потому главной для него была задача собирания духовных сил, задача обновления христианства, придания ему нового облика и новой динамики. Но это обновление — одновременно возвращение к истокам, к первоначальной новизне, освобождение христианства от ржавчины, коррозии, языческих наслоений.

Если не бояться громких слов, то надо сказать: миссия отца Александра состояла в том, чтобы евангелизировать полуязыческую Россию и тем самым повернуть ось мировой истории.

Россия — это роковая, заклятая страна, и судьбы мира, быть может, в решающей степени зависят от того, что с нею происходит. Корнем ее бед и страданий стало извращение христианства, то, что Н.А.Бердяев определял как двоеверие, т.е. соединение православной веры с язычеством. Оно имело своим следствием идеализацию темных начал русской стихии и архаического уклада народной жизни, мракобесие

и бескультуре не только масс, но и официальной церковности.

Увлечение темным вином русского бунта и воинствующее безбожие не в последнюю очередь обязаны своим возникновением и своим разгулом недолжному состоянию православной Церкви. Приятие (и освящение) государственного диктата, пренебрежение, если не презрение, к свободе человека не были случайными для Церкви: язычество проникло в самую ткань православия, породив обрядоверие и оскудение духа. Духовная деградация в конце концов привела к гигантской социальной судороге — Октябрьскому перевороту.

Бердяев справедливо писал об "исторических грехах православия": "...Лжерелигия коммунизма образовалась потому, что христианство не исполняло своего долга и было искажено. Официальная церковь заняла консервативную позицию по отношению к государству и социальной жизни и была рабски подчинена старому режиму".

После революции эта позиция в целом осталась неизменной и даже усугубилась. За отступничество Церкви от своего духовного призвания страна заплатила жизнями миллионов верующих (как и неверующих). Однако иерархия (особенно после смерти патриарха Тихона) в своем большинстве безоговорочно подчинилась атеистической власти и пошла на постыдное сотрудничество с тоталитарным режимом. Коллаборационизм епископата морально подтачивал Церковь. Так продолжалось десятилетиями.

Выбор оказывался трагическим: либо языческая и богоборческая квазирелигия коммунизма, либо полуязыческое и ущербное православие, искусственно консервировавшее лишь внешнюю, обрядовую сторону христианства. В результате религиозная жажда утолялась из мутных источников, что привело к духовному растрелению народа и укоренению нравственного релятивизма.

Все это полностью противоречило духу христианства. На руинах, на пепелище надо было воздвигать новый храм. Надо было заново христианизировать тяжело больную страну.

Этот крест и взял на себя отец Александр. У него были предшественники и сподвижники, но условия катакомбной церкви и гонения на религиозных диссидентов не позволяли выполнять миссию преображения жизни: сил хватало лишь на то, чтобы не угас огонек свечи. Требовались экстраординарные, невероятные усилия и мощная поддержка Святого Духа: только так можно было поколебать косную стихию, только так можно было пробудить людей от духовного сна.

Христос воплотился ради исцеления человечества, павшего, греховного. Отец Александр продолжил дело Христа: он исцелял Россию и тем самым — все человечество.

Он не раз говорил, что христианство — религия будущего и нам еще предстоит дорасти до него, а на это могут потребоваться тысячелетия.

Он — дорос. Только он дорос.

Христос был целью и смыслом его жизни, ее стержнем, ее путеводной звездой. Его понимание христианства было удивительно ясным, глубинным и современным. Если воспользоваться выражением Гоголя, можно сказать: отец Александр смотрел на христианство "свежими, нынешними глазами". И вместе с тем он воспринимал его в первоначальной чистоте, в новозаветной первоизданности.

В книге "Сын Человеческий" отец Александр рассказал о Христе, и это было новое прочтение Евангелий, приближавшее их к людям XX века, раскрывавшее неисчерпаемость личности Спасителя.

В статье "Основные черты христианского мировоззрения" (*Журн. "Символ", № 21, июль 1989*) он дал сжатое изложение своего кредо. Здесь затронуты все аспекты отношения христианина к богу, Церкви, миру и человеку, к жизни и смерти, Добру и Злу, свободе и разуму, к вере, надежде и любви.

Этот очерк, почти конспект, опирающийся на учение Слова Божия и опыт Церкви, был дополнен и развит в необычайно вдохновенной и поэтичной лекции под названием "Христианство", последней лекции отца Александра, прочитанной вечером 8 сентября, накануне его гибели.

По его убеждению, христианство соединяет ограниченный человеческий дух с бесконечным Божественным, исповедует свободу как один из важнейших законов Духа, утверждает ценность жизни и творчества, высочайшее достоинство человеческой личности. Христианство — это победа над злом, над тьмой, над грехом. Христианство — это новая жизнь, это вера, действующая любовью.

Христианство — религия живых, а не мертвых и, чтобы оставаться живым, оно должно изменяться с каждой новой эпохой. Оно формирует каждую эпоху и взаимодействует с ней. Живое христианство говорит с каждым новым поколением и каждым человеком на понятном ему языке, оно непременно должно углубляться, открывать новые горизонты. А для этого необходимо обновление христианства, более глубокое понимание Христа, Слова Божия, запечатленного в Писаниях. Христианство имеет непреходящую новизну, но для того, чтобы она была явлена людям, необходимо как

бы снимать патину с него, не давать ему окаменеть, застыть, превратиться в догму, в мертвую схему.

Отец Александр понимал это лучше всех и потому подчинил свою жизнь проповеди Бога Живого. Для него Христос был не просто ипостасью троицы, Логосом, Который воплотился в Иудее во дни императора Августа и царя Ирода, жил при Тиберии и прокураторе Понтии Пилате, нес людям спасительную Истину, был распят, потом воскрес и вознесся на небеса. Все это, конечно, непреложно, но главным для отца Александра было не это. Главным было присутствие Христа в мире после Воскресения — и не в туманные исторические времена, а в наше время, здесь и теперь.

‘Он не устал повторять нам, что Христос присутствует в мире постоянно, что Он с нами, что “Воскресение не просто событие, локализованное во времени и пространстве, а это таинственная, глубочайшая, реальная, потрясшая мир метаморфоза”. С тем Христом, Который идет из Вифании в Иерусалим, мы можем встретиться в книге или в воображении, но с тем Христом, Который восстал из мертвых, мы встречаемся внутренне, потому что в нашей душе есть голос Бога, очи Бога, облик Бога, соотнесенность вечного с временным, конечного с бесконечным, Божественного с человеческим”.

Таким образом, смысл Воскресения — актуальный, сегодняшний — в том, что оно взрывает пространственно-временную локализацию, и поэтому Господь всегда с нами, нет дня, когда бы он не стучал в двери нашего сердца. И от нас зависит, откликнемся ли мы на Зов, хотим ли мы диалога, хотим ли Встречи.

Так он учил нас. Это были и вера, и знание — слитно, потому что вера это особый вид знания — целостного, схватывающего истину без логических опосредований. И знание это достоверно и неопровержимо.

Вся жизнь отца Александра прошла со Христом, с Которым он внутренне соединился и постоянно взаимодействовал. Который был для него и Богом, и собеседником. Живым, реальным, реальнее, чем все живые мертвецы. Христос отобразился в нем с необычайной полнотой, и это делало его слово неотразимым: он говорил как власть имущий.

Отец Александр впитал в себя мудрость веков и в то же время был в полном смысле слова современным человеком. Это была ренессансная личность, но совсем непохожая на представителей европейского гуманистического Возрождения. Если что и роднит его с ними, так это универсализм, эрудиция, глубокие познания, а человекобожество, вырос-

шее на почве этого Возрождения, было для него чуждым и неприемлемым.

Нет, отец Александр был человеком нового, религиозного Ренессанса, великим продолжателем отцов Церкви, христианских мыслителей, и прежде всего Владимира Соловьева, Николая Бердяева и Георгия Федотова. Он пошел по их стопам, но во многом превзошел этих титанов духа. Его блистательная эпопея "В поисках Пути, Истины и Жизни", другие книги, проповеди, статьи — это философская и богословская классика. И это пример подлинного историзма.

Он овладел мировой культурой в ее полноте и целостности. Он не создавал какой-то новой философской или теологической системы, но углубил и развил мировую религиозную мысль. Отличительная черта его философии — христоцентризм. Правильнее было бы говорить здесь не о философии в традиционном смысле слова, а о богопознании. К нему самому применимы те слова, которые он сказал о пророке Осии: "Богопознание — это не отвлеченное богословие, а живое, реальное приближение к Богу через веру и любовь".

Как я относился к отцу Александру? Думаю, как и многие, кто знал и любил его: с благоговением. Я видел перед собой идеального человека, наделенного всеми дарами земными и небесными. И это был не герой романа, а живой человек, из плоти и крови. Это был самый живой человек из всех, кого я когда-либо встречал. Гениальная интуиция, могучий интеллект, тончайшее чувство юмора — все было при нем. Священник и богослов, писатель и философ, пламенный проповедник, мыслитель вселенского масштаба — это лишь некоторые грани его удивительной личности.

Я всегда восхищался им, этим поразительным сочетанием силы и нежности, глубочайших знаний и простоты, духовного величия и целомудренной скромности. Он никогда не выказывал своего превосходства. Он был чужд всякого эффекта, позы. Он всегда оставался самим собой.

Несравненный знаток человеческого сердца, он находил для каждого единственно верные слова. Он не снисходил к страждущему, будь это полуграмотная старушка, подросток или рафинированный интеллигент, а обнимал его как друг и отец, исцелял его словом сочувствия и любви.

Он отказывался выстраивать какую-либо дистанцию между собой и другим. Это зависело от вас — чувствовали вы эту дистанцию или нет. А она была громадна, неизмерима.

Как и апостол Павел, он говорил с каждым на его языке. Никогда ни с кем мне не было так легко, так покойно,

так надежно. Одно его присутствие вселяло уверенность и спокойствие. Не любить его было невозможно. Только очень дурной человек мог противиться его обаянию. От него явно исходила благодать, веяние Духа было постоянным и сильным. Если еще раз обратиться к Гоголю, то, перефразируя его, надо признать: отец Александр — это вселенский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через тысячи лет. То, что мерцало и брезжило в далеких пределах, в нем было явлено со всей полнотой.

Почитайте его книги, статьи, послушайте его проповеди. Они необыкновенно поэтичны. Он видел красоту сотворенного Богом мира в шуме волн, полете птицы, в каждой цветке, заходе солнца, в глазах человека, в улыбке ребенка — во всем, во всем. Только наша духовная слепота не позволяет нам видеть эту красоту, радоваться миру и благодарить Творца.

Отец Александр — мученик, и погиб он за проповедь Христа. Он дополнил число святых, "убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели" (*Откр 9,6*). Вся его жизнь — свидетельство о Христе, Его присутствии в мире, о воплощении Духа Христова в человеческом роде.

Жизнь и смерть отца Александра составляют единое целое. Такую жизнь, очевидно, должна была увенчать такая смерть. Да и могло ли быть иначе при столкновении кристально чистой души с миром зла и насилия?.. В этой жизни не было ничего случайного. Начиная с духовного призыва, услышанного в детстве, и до самого конца она развертывалась как мистерия. Его путь подобен стреле, летящей точно в цель.

Его жизнь была непрестанно длящимся чудом, и мы тому свидетели. Это было прежде всего чудо веры, чудо любви, потому что вера отца Александра горела любовью. Любовь — это то, чем он жил и дышал, что изливалось из его сердца. Он выполнил обе главные заповеди — о любви к Богу и любви к человеку. Он положил жизнь свою за други своя и принес себя в жертву. Это была вольная жертва — ради спасения людей, и он пошел на нее не колеблясь.

Мученическая гибель отца Александра завершает его духовное восхождение к престолу Творца. Эта гибель тоже совсем не случайна. Сводить все к уголовщине — значит низводить трагедию святого и пророка на уровень криминальной хроники. Борьба добра и зла — это не только метафора. Это реальное противоборство полярных духовных сил. Отец Александр противостоял злу как, может быть, никто в этом мире и потому притягивал к себе зло. Он был центром кристаллизации восходящих духовных сил, и это

было осознано противной стороной в полной мере. Расправа над ним есть признание его выдающейся роли. И это не просто убийство, а казнь по приговору тайного трибунала.

Кто стоял за убийцами? Конечно, враги Христа, враги христианства. Именно для них проповедь отца Александра была наиболее страшна. Именно для них его общественное служение, его обращение к массовой аудитории было нестерпимо. Конгломерат темных сил объединился, чтобы пресечь это служение, чтобы преградить путь Богу Живому. Отец Александр был слишком опасен, а победить его в открытом бою было невозможно. Единственным выходом для заговорщиков оставалась "акция".

Это убийство есть конец одной эпохи и начало другой. Оно открывает новую полосу политического террора. Оно знаменует вступление в новое Смутное время.

И оно обличает ужасающее духовное состояние не только мира, но и Церкви. Без экспансии язычества в современное православие это преступление было бы невысказано. Фактически мы имеем дело с рецидивом язычества как вне, так и внутри церковной ограды. А это означает, что вся страна стала зоной бедствия.

Смерть отца Александра — это духовная катастрофа. Она отозвалась эхом во всех мирах. Она способна отбросить восхождение России к христианству на десятки лет. Гибель того, кто своей духовной мощью ограждал нас от хаоса и распада, разнуздала подземные страсти. Но означает ли это, что расчет сил зла оказался верным, что они могут торжествовать победу?

Нет, замысел негодяев будет сорван, князь тьмы потерпит поражение. Вдохновители убийства замахнулись на то, что им не подвластно, что превышает их разумение. Отец Александр, стяжавший Духа Божия, вошел в Небесную Церковь. Тысячи вокруг него спаслись еще при его жизни, сотни тысяч он привлечет ко Христу самой своей мученической кончиной. Свет, который горел в нем, зажжется в миллионах душ.

Отец Александр прошел тесными вратами и узким путем. Его воля была устремлена ко Христу, а сердце открыто небу. Его жизнь, отданная Богу и людям, исполнена глубокого смысла. Это жизнь-творчество, жизнь-служение, жизнь-литургия. Неустанный труд души, подвиг жертвенной любви принесли чудесные плоды.

В жизни отца Александра все символично. Он родился 22 января, в день памяти одного из любимых своих святых — Филиппа, митрополита Московского, убитого за правду, за верность Христу. Хоронили настоятеля Новодеревенской

церкви 11 сентября, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, Предтечи Христа, великого пророка, тоже убитого за правду, за свидетельство, которое он имел. На 40-й день по смерти отца праздновалась память пяти Московских и Всея России чудотворцев, и среди них опять-таки был святой Филипп.

Символично само имя отца Александра: ведь Мень — это Мап, Человек. Таким образом, Александр Мень — Защитник людей, Человек. Здесь, в этимологии, нечаянно проговаривается скрытая истина. Отец Александр принадлежит не только России — он принадлежит всему человечеству. Он был дан России и миру ввиду нашей духовной немощи как защита, опора и упование.

Величайшие в мире события происходят буднично, неприметным образом. Рядом с нами жил Сын человечества, апостол XX века отец Александр Мень. Он жил для нас и погиб ради нас. Быть может, потомки поймут и оценят его глубже, полнее и лучше нас. Но будущее, в котором все уже совершилось, бросает свет на прошлое и настоящее. Нам тоже кое-что открыто. И у нас есть одно преимущество: мы видели, слышали, знали его, мы общались с ним, и этого ничто не заменит.

Стоит закрыть глаза, и я слышу его голос, его слова:

— "Христос живет на Земле непрерывно и тайно. Он помогает тем, кто идет по Его пути. Он живет в мире, и в этом основание нашей надежды..."

Отдать себя до конца — это и есть евангельский подвиг...

Наш мир и страна спасутся потому, что праведники есть. Они и спасут наш мир и всю нашу Землю от гибели..."

Кровь мучеников скрепляет времена. Распятый Христос победил мир. Обагранный кровью отец Александр вслед за Христом войдет в историю как победитель.

Владимир Илюшенко

ПАМЯТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

К сожалению, мне не пришлось лично знать о. Александра. В его единственную недавнюю поездку на Запад, в Италию, он спешил домой, и, вопреки первоначальным планам, в Париж не заехал.

В связи с выставкой YMCA-PRESS и моим приездом в Москву у нас уже была назначена встреча на субботу 15-го сентября у него в Новой Деревне, как пришло в Париж страшное известие о том, что в воскресенье 9-го о. Александр был зверски убит ранним утром, когда шел из дому на электричку — служить в своем приходе литургию. Так в дни, когда, казалось, жертв уже не должно быть, погиб насильственной, мученической смертью на 56-м году жизни священник, который войдет в историю русской Церкви XX в. как один из ее крупнейших апостолов-просветителей*.

О своем пути и служении о. Александр подробно рассказал в форме интервью, предназначавшегося западной печати на случай ареста и присланного им мне в середине 70-х годов.

В трудные годы брежневщины о. Александр сочетал в себе редкую смелость с разумной осторожностью. Он был слишком ревностным пастырем, чтобы пассивно выжидать лучших времен, но и слишком заботился о благе Церкви в целом, чтобы лезть на рожон.

Историк религии, библиеист и апологет, он печатал, когда за это сажали в лагеря, свои книги на Западе, но предпочел обратиться не в эмигрантское православное издательство, а в католическое, рассчитывая быть такой международной вывеской более защищенным.

Во всем сколько-нибудь значительном в духовной и умственной жизни страны он принимал деятельное участие, но чаще всего анонимно, не выдвигаясь вперед. И Александр Солженицын, и Надежда Мандельштам, и сестра Иоанна Рейтлингер (называю только тех, о ком непосредственно знаю) многим ему обязаны. И в историческом письме о. Глеба Якунина и ныне покойного о. Николая Эшлимана, и в программном, хотя и спорном 97-м номере Вестни-

* В кратком слове на открытии выставки YMCA-PRESS в Москве я сравнил по значению о. Александра Меня с другим крупнейшим просветителем и апостолом наших дней, о. Александром Шмеманом. В кабинете о. А.Меня висела репродукция иконы св. Иоанна Богослова: "Благое молчание", специально заказанной о. Александром Шмеманом и висевшей в его кабинете в Свято-Владимирской семинарии...

ка есть немалая доля его участия... А сколько десятков, даже сотен людей были лично им обращены ко Христу... И вместе с этой кипучей — в застойные времена — деятельностью, какое постоянство в пастырском служении на деревенском приходе, где он пробыл вторым священником более 20 лет (настоятелем он был назначен всего лишь за год до смерти). И среди простого народа он пользовался не меньшей любовью, чем среди интеллигенции...

В перестроечные годы проповедь о. Александра значительно расширилась: он стал, одним из первых, преподавать в школах, выступать регулярно по телевидению, писать в газетах. Одна из последних его работ: предисловие к "советскому" переизданию "Святых древней Руси" Г.Федотова... Все, кто посещал о. Александра, удивлялись, как хватает у него сил на все расширяющуюся и научную, и общественную, и пастырскую, и милосердную деятельность...

Каким темным силам понадобилось занести руку на столь явное явление добра и света? У отца Александра было много врагов, и не только среди еще недавно всемогущих, враждебных христианству властей предрержащих. По своему происхождению (из обращенной во время гонений еврейской семьи), по своему темпераменту, горячему и сильному, по широте культуры о. Александр принадлежал к православному "соловьевского" типа, со вселенским кругозором. Его естественно заботила, как и апостола Павла, духовная судьба еврейского народа, еврейских братьев по крови, которую он не мыслил вне Христа, вне возвращения к христианству, не обязательно в византийско-русском обличии, а скорее к первым иудео-христианским общинам.

Он не мирился с разделением в христианском мире и в противовес тем, кто любит воздвигать перегородки до самого неба между своими же, искал тех основ в Слове Божием и в святости, которые нас соединяют, а не разъединяют с инославными. В его прицерковном кабинете под иконами стояли (стоят еще) изображения католических святых, таких несомненных, как св. Тереза-маленькая и Шарль де Фуко... Все это не могло не вызывать и зависти, и непонимания, а у фанатично настроенных людей и озлобления.

Кто бы ни был фактическим убийцей о. Александра, в его мученической кончине повинны все те, кто сектантской узостью, горделивой правотой прямо или косвенно разжигает чувства религиозной распри и ненависти, все те, кто не умеет понять универсальность христианского благовестия и смелые, пусть иногда и рискованные шаги в этом направлении.

Я начал с того, что не был лично знаком с о. Александром, но через общих друзей, через бесчисленных его духовных детей, а иногда и прямо (мы обменялись однажды звуковыми письмами-кассетами) наше общение длилось едва ли не целых двадцать лет. Незадолго до его трагической смерти оно оживилось: имя о. Александра Меня стояло в организационном комитете выставки в Москве... случайным образом о. Александр находился в Библиотеке Иностранной литературы в тот момент, когда, в пятницу 5-го сентября, к ней подъехал трейлер, привезший в Москву 40.000 имковских книг... И уже посмертно я получил от него письмо, <...> в нем содержатся слова, похожие на духовное завещание: призыв к широте, терпимости и соблюдению евангельской заповеди любви.

Никита Струве

Урок на прощанье

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ — ПИСАТЕЛЬ

Множество людей успело ощутить на себе благотворное воздействие этого сильного духом, доброго и жизнерадостного человека. Встреча с ним изменила многие судьбы. Его голос, нередко звучавший по радио, вызывал доверие, вселял надежду. Лекции в клубах привлекали толпы людей. Они забрасывали его записками и получали краткие, но ясные ответы на вопросы о смысле жизни и смерти, о зле и добре, о множестве не только вечных, но и злободневных проблем.

Когда его прекрасное открытое лицо появлялось на телеэкране, друзья звонили по телефону: включайте скорей телевизор, говорит отец Александр. И каждая его проповедь затрагивала чьи-то сердца, пробуждала в людях духовную жажду.

Он был миссионером в нашей одичавшей стране, распространял среди нас любовь к Богу и человеку, заповеданную людям Христом. У батюшки был собственный глубокий опыт богообщения, и этим как бы первоизначальным — из первоисточника — пониманием живого бога он делился с современниками всеми доступными ему средствами.

За это и убила его Тьма, ненавидящая Свет.

Если бы о. Александр был только писателем, то можно было бы сказать, что он прожил полноценную творческую жизнь и успел за отпущенные ему 55 лет сделать чрезвычайно много.

А он еще был пастырем огромного прихода, историком, богословом и мыслителем.

Писательство его, разумеется, было посвящено все той же Цели — одухотворению и облагораживанию человека, приобщению его к сокровищам христианской веры.

Первую свою книгу лобастый ясноглазый мальчуган написал в шесть лет. В ней описывались доисторические ископаемые животные, изображенные на собственноручно изготовленных рисунках. (Это так рано проявившаяся любовь к биологии сохранится на всю жизнь и определит выбор светского образования, когда будущий священник исполнит желание родителей и сначала закончит институт.)

Кстати сказать, в этой первой книжке уже сказалось присущее ему видение книги как единого сплава слова и зрительного образа. Ко всем своим произведениям он сам будет тщательно подбирать иллюстрации.

У меня хранится изготовленный им машинописный экземпляр его капитального труда "Магизм и единобожие". У рукописи непривычный квадратный формат, твердый переплет, на внутренней стороне обложки — экслибрис, изображающий огромного сфинкса и маленькую обнаженную фигуру мыслителя, форзац украшает виньетка с фениксами, в текст вплетено множество плотных серых листов с иллюстрациями. Правда, часть из них отклеена: пошла на изготовление типографского макета книги. Все в этой рукописи выдает необычайную любовь о. Александра к книге как к произведению искусства. Помню, как он бережно, на ладонях протянул мне какое-то издание и восхищенно воскликнул: "Посмотрите, какой формат!"

Но вернемся к его детству. У меня хранятся школьные тетрадки, помеченные 1948-1949 годами с записями Алика Меня, а также составленный им самим перечень его круга чтения и собственных сочинений по годам.

Уже в 5-м классе Алик пишет очерки о природе и пьесу о Франциске Ассизском.

В 12-13 лет читает Брема, Дарвина, Конфуция, Толстого, Ренана, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и посещает подпольный семинар по раннехристианской литературе. Изучает с тщательными выписками и собственными комментариями историю Древнего Востока по книгам Струве, Тураева, Рагозиной, а также богословие по курсу протоиерея П.Светлова, отцов Церкви по Фаррару.

Тогда же он обнаруживает, что прочитанная им трехтомная Библейская история Лопухина устарела и начинает сам работать над книгой по библейской истории.

В этом же возрасте он разрабатывает план своих будущих работ и следует ему на протяжении всей жизни. Взятый им так рано творческий разбег будет набирать скорость всю жизнь и не остановится до последнего дня.

Ему хочется написать серию книг по истории Церкви, но показать ее не как историю ересей и расколов, соборов и постановлений, а как вереницу духовных вершин, достигнутых великими святыми. Ведь это первопроходцы, прокладывающие для человечества путь к исполнению заповеди Христа: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный", на их примерах видно, чего может достичь человек в сотрудничестве с Богом.

В 19 лет студент Александр Мень пишет первый том "Исторических путей христианства" (о Древней Церкви). Но при этом решает, что сначала надо показать, как человечество на протяжении всей своей истории шло ко Христу. Возникает грандиозный замысел шеститомной истории

мировых религий. Он знает, что некоторые ученые уже пытались создать такой труд, но никто не довел его до конца.

Он готовится к этой работе, собирает материалы, а пока пишет в Иркутске, куда переведен его факультет, второй том "Исторических путей христианства"

В 1958 году он должен был получить диплом выпускника охотоведческого факультета Пушного института, но в ходе выпускных экзаменов его отчисляют за религиозные убеждения и лишают диплома.

Через месяц о. Александр уже дьякон в подмосковном селе Акулово, что по Белорусской железной дороге. По просьбе настоятеля он каждое воскресенье ведет беседы с людьми, готовящимися принять крещение, и убеждается, что сейчас в первую очередь нужна книга о Христе. В том же 1958 году он создает первый вариант своей главной книги "Сын Человеческий" и тут же приступает к работе над вторым вариантом.

А жизнь вовсе не благоприятствует научным и литературным занятиям. О. Александр женат, рождается дочь, жалование скудное, денег вечно не хватает, собственноручно отремонтированная развалюха, где ютится вся семья, и тесна, и сыра, и практически непригодна для жилья. Уже в те времена молодого диакона осаждают множество людей, нуждающихся в духовном просвещении, помощи и поддержке, и никто не встречает отказа.

В это же время он активно начинает печататься в "Журнале Московской Патриархии". По 1966 год там выходит около сорока его статей. Но с уходом из журнала его старшего друга Анатолия Васильевича Ведерникова его перестают публиковать, и с тех пор в печатных органах издательского отдела Московской Патриархии не выйдет больше ни одной работы этого всемирно известного богослова.

В 1960 году о. Александра рукополагают во священники и посылают на приход в Алабино по Киевской железной дороге. С назначением нового батюшки приход начинает жить кипучей жизнью. Появляется много новых людей, особенно интеллигентов, привлеченных блестящими проповедями и яркой одаренностью молодого священника. А каждый человек — это встречи, беседы, исповеди, и на это о. Александр никогда не жалеет времени. Он затевает и осуществляет большие ремонтные и реставрационные работы в храме, по его проектам церковь заново расписывается. И в разгаре всех этих забот и хлопот он приступает к работе над шеститомником. В отличие от его предшественников о. Александру удается завершить этот огромный труд.

Серия состоит из книг "Истоки религии", "Магизм и единобожие", "У врат молчания", "Дионис, Логос, Судь-

ба”, „Вестники Царства Божия” и „На пороге Нового завета”.

У серии этой есть общее название: „В поисках Пути, Истины и Жизни”. Название взято из Евангелия от Иоанна (14:6), где Христос говорит о Себе: „Я есмь путь и истина и жизнь”. Иными словами, название серии означает: „В поисках Христа” и в нем заложена главная идея шеститомника. Он пронизан целостным видением истории мировых религий как страстного порыва человека к Богу, исканий, начавшихся на заре доисторических времен.

„Истоки религии” повествуют о первобытных верованиях и раскрывают мысль автора о том, что человечеству с самого начала сопутствовало интуитивное знание о существовании невидимой духовной реальности.

Следующие четыре книги серии рассказывают об удивительном „осевом времени” — середине первого тысячелетия до Рождества Христова, когда, казалось бы, независимо друг от друга в Китае, Индии, Иране, Греции и Иудее появились великие пророки, учителя и мыслители, создавшие почти одновременно главные мировые религии.

И, наконец, завершающая книга серии „На пороге Нового завета” показывает эволюцию мировых религий и духовное состояние человечества накануне пришествия в мир Христа.

„Как белый цвет поглощает спектр, — пишет о. Александр в эпилоге к шестому тому, — так евангелие объемлет веру пророков, буддийскую жажду спасения, динамизм Заратустры и человечность Конфуция. Оно освящает все лучшее, что было в этике античных философов и в мистике индийских мудрецов. При этом христианство — не новая доктрина, а весть о реальном факте, о событии, совершившемся в двух планах — земном и небесном. Ограниченное местом и эпохой, оно выходит за пределы временного.

К нему сходятся все дороги, им измеряется и судится прошлое, настоящее и будущее. Любой порыв к свету богособщения есть порыв ко Христу, хотя зачастую и неосознанный”.

Однако свою книгу об Иисусе „Сын Человеческий”, которая по логике, казалось бы, должна была завершить серию, автор в нее не включил. Он выделял христианство из ряда мировых религий как ответ самого Бога на искание Истины, составляющее их суть.

В 1968 году в Брюссельском издательстве „Жизнь с Богом” вышла под псевдонимом Андрей Боголюбов первая редакция „Сына Человеческого”, а в 1969 г. — книга о православном богослужении „Небо на земле”

Я познакомилась с о. Александром в конце 1967 г. и с 1968 г. стала редактором его книг. Это произошло, можно сказать, случайно: меня попросили принять участие в вычитке второго тома серии, "Магизма и единобожия", после машинки ("Истоки религии" были к тому времени уже в Брюсселе). Разделили большую книгу в 600 страниц на четверых, но как-то получилось, что ни у кого не нашлось времени и весь текст собрался у меня.

Я была профессиональным редактором и, вычитывая книгу, увидела, что она нуждается в серьезной редактуре. Предложила о. Александру на одном из экземпляров сделать пробную правку, и он охотно согласился. До того он никогда не работал с редактором, но понимал, что это необходимо, тем более, что книги писал урывками, в свободное от огромной приходской работы время, даже в электричках, в которых приходилось постоянно ездить в храм под Пушкином и в Москву, поскольку жил он под Загорском.

О. Александр с большим удовлетворением показал мне письмо брюссельских издателей, отмечавших полную подготовленность "Магизма и единобожия" к печати. Так закрепилось наше сотрудничество. Впрочем, он охотно привлекал к работе над книгами многих людей, внимательно прислушивался к их замечаниям.

Впоследствии и первые три книги, вышедшие до "Магизма", появившегося под псевдонимом Э.Светлов, были полностью переработаны и созданы новые их варианты. Особенно изменился "Сын Человеческий", собственно, это была уже другая книга. "Небо на земле" выросло в объеме в полтора раза и получило название "Таинство, Слово и Образ". Существенным изменениям подверглись и "Истоки религии".

Год за годом я каждую неделю приезжала к нему домой в Семхоз и видела, как он работает. Большой письменный стол был всегда обложен по краям стопками книг в форме буквы "П". Через неделю значительная часть книг заменялась новыми, еще через неделю — снова.

О. Александр в процессе работы перелопачивал немислимые горы литературы, регулярно работал в библиотеке Московской Духовной Академии и создал собственную уникальную научную библиотеку.

Работал он с великой добросовестностью и азартом исследователя.

Приведу только один пример. В первом издании "Сына Человеческого" была такая фраза: "Претория Понтия Пилата находилась в римской крепости Антонии". Но уже после выхода книги были раскопаны в Иерусалиме остатки

дворца царя Ирода и археологи высказали предположение, что претория Пилата могла помещаться в этом дворце, а не в Антонии.

Пришлось искать по иностранным источникам все высказывания на эту тему и переводить их для о. Александра.

Поскольку к моменту окончания работы над новым вариантом "Сына Человеческого" ученые так и не пришли на счет претории к окончательному выводу, то о. Александр в описании претории использовал признаки общие и для римской крепости и для дворца Ирода и убрал упоминание о ее местонахождении. И столько хлопот из-за одной фразы!

Только из тех текстов, которые я перевела для последних двух книг серии, составилась увесистый том, который о. Александр передал в Ленинградскую Духовную Академию.

О. Александр понимал, что в наше время люди читают все меньше и книге приходится выдерживать жестокую конкуренцию телевизора. Поэтому он стремился излагать глубочайшие богословские, философские и историософские мысли как можно доступнее и доходчивее. Но кропотливый исследователь, живший в нем, возмещал популярную форму изложения богатейшим научным аппаратом, сопровождающим его труды: подробнейшей библиографией, ссылками, примечаниями, приложениями.

Итак, завершена эпопея о великих мировых религиях, пронизанная единой мыслью о движении религиозных поисков человечества к той важнейшей точке его истории, когда на землю придет Христос, возвестит людям Свое учение и начнется новая эра — "после Рождества Христова".

Кажется, впервые в жизни о. Александр позволил себе разрядку в работе. А дело в том, что он очень любил творчество Грэма Грина и более всего его роман "Сила и Слава", тогда еще у нас не изданный. Батюшка решил перевести его и к моей радости предложил сделать это вместе.

Он очень быстро начерно набросал перевод, я сверила его с оригиналом, и мы принялись обсуждать каждую фразу. Он великолепно чувствовал стиль Грина, строй и ритм его фразы, в работе был азартен, упивался самим процессом, восхищался удачами Грина и заражал своей веселой энергией.

Но когда отец Александр отдал наш труд в "Иностранную литературу", оказалось, что к изданию уже готовится перевод, сделанный когда-то для журнала известной переводчицей Волжиной.

Так и стоит у меня на полке переплетенная рукопись "Силы и Славы", напоминая о счастливых часах, проведенных с батюшкой над этой работой.

Передышка кончилась. По изначальному плану о. Александра должна была следовать та самая история Церкви в вершинах святости, которую он замыслил еще в отрочестве.

Он начал писать книгу об апостолах и святых ранне-христианской Церкви. Но для этой гигантской новой серии надо было найти новую форму, новый язык. Батюшка понимал, что этого еще не произошло, и отложил работу. У меня хранятся первые ее главы, продолжения которым, увы, не последует.

В ожидании, пока созреет новая форма для истории Церкви, о. Александр пишет комментарии для Брюссельского издания Библии, создает книги для детей, публикует "Практическое руководство к молитве" и "Как читать Библию".

Вскоре он приступает к работе над гигантским семитомным "Словарем по библиологии". Аналогов ему нет в мире. Этот словарь охватывает огромную сумму сведений, относящихся к Священному Писанию. К каждой из пятидесяти книг, составляющих Библию, он пишет вводные статьи, основанные на новейших достижениях мировой науки. Он рассказывает сведения не только об известных, но и о совсем неизвестных библеистах, особенно русских. Посвящает статьи Библии в кино, музыке, живописи, архитектуре и в мировой литературе. В общем, это кладезь знаний для каждого, кто интересуется этой темой. О. Александр не надеялся на публикацию своего словаря, когда работал над ним, шутил, что пишет "для того парня". "Как бы мне помогло в работе, если б существовала хотя бы необходимая библиография! Пусть этот словарь поможет тому, кто после меня будет исследовать Священное Писание", — говорил он. Как и все свои книги, он снабдил словарь иллюстрациями. Он увлеченно охотился за фотографиями безвестных исследователей Библии, неутомимо копался в архивах, в старых журналах. И радовался, как ребенок, каждой находке.

Завершив "Словарь по библиологии", батюшка пробовал предложить его в Московскую духовную академию в качестве диссертации на соискание степени всего лишь магистра богословия (а не доктора, как следовало бы по заслугам), но из этого ничего не вышло. Тогда он отвез с той же целью первые тома в Ленинградскую духовную академию, но и там этот грандиозный блестящий труд не был принят.

Все труды о. Александра, кроме Словаря, который вообще пока не издан, публиковались в брюссельском издательстве "Жизнь с Богом". Издательство это бедное, полублаготворительное, и ни за одну свою книгу автор не получил ни копейки — все эти издания безгонорарные.

В последние два с половиной года, когда о. Александр стал выступать с лекциями и проповедями в клубах, на телевидении и радио, к нему пришла известность и в нашей стране. Он безотказно писал статьи для газет и журналов, неизменно привлекавшие внимание читателей.

В еженедельнике "За рубежом" и в журнале "Смена" напечатан в сокращенном варианте главный труд о. Александра "Сын Человеческий".

Книги о. Александра начали выходить в нашей стране, а они нужны нам сейчас как хлеб. Ведь духовная жизнь так же нуждается в пище, как и телесная.

О. Александр писал для нас, обращаясь к соотечественникам и современникам, и говорил с читателем на его языке. Как приходской священник, он прекрасно знал наши духовные нужды и запросы и совершил свой писательский подвиг, чтобы заполнить духовную пустоту целого народа, утоляя наш духовный голод.

Трудно представить себе сейчас более нужную христианскую литературу, служащую мостом для понимания Св. Писания, чем труды этого замечательного писателя, убиенного подвижника, великого сына Русской Православной Церкви.

Комиссия по литературному наследию о. Александра Меня во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием сейчас готовит публикацию его произведений на Родине.

Зоя Масленикова

ОБ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ

За день до своей мученической смерти отец Александр сказал одному из учеников: "Времени уже нет".

Мы живем в безвременьи. По слову протопопа Аввакума, светлую Россию вымолил у бога сатана, чтобы омыть ее кровью мучеников. Тьма, разлившаяся снизу, поглотила мою родину. Отца Александра Меня убила империя зла. "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих погубить". Но враг, зоцарившийся в России, совершал небывалое в истории дело тотального растления душ. Отец Александр Меня своей молитвой, своим пастырским служением спасал и исцелял души, понимая, что главное поле битвы — в сердцах человеческих. Как Сергей Радонежский, он десятилетиями направлял будущих бойцов Христова воинства. Он вселял в нас мужество и уверенность в победе. Это он поддерживал и укреплял дух Александра Солженицына и Димитрия Панина — рыцарей России, он верил в Россию — нашу утраченную, замученную родину, верил, что мы, перейдя Красное море и уйдя от египетской тьмы, обретем вожделенное отечество. Он думал о главном и вступил в единоборство с сатаной. Он срывал личины и маски, открывая, расчищая нам путь туда, в те тайны духа, где живет сокровенный сердца человек. Он остужал страсти и заботился о том, чтобы зло в нас не соединилось со внешним злом. За это его и убили.

Братья, вы куплены дорогой ценой — ценой крови, несчастен народ, убивающий царей и изгоняющий пророков. Несчастлива страна, потерявшая последнего праведника.

Отец Александр не любил говорить о себе. На попытки восхвалений отвечал стереотипной фразой:

— Я — простой деревенский священник.

Так оно и было: он 31 год прослужил в подмосковных храмах — сперва в Алабине, потом в Тарасовке. И — до последнего дня — в ставшей знаменитой благодаря ему Новой Деревне. Село это, растянувшееся вдоль старого Ярославского шоссе, стало окраиной города Пушкина. Город разрастался, подминая под себя патриархальные полукрестьянские дома, подступая все ближе к теремку очень скромной бревенчатой церкви Сретенья. Слово Сретенье означает встречу. Встречу Ветхого и Нового Завета, когда праведный старец Симеон, живший две тысячи лет назад в Иерусалиме, принял на руки младенца Иисуса, принесенного в храм Его матерью Марией, и узнал в Нем Спасителя.

Термин "спасение" был непонятен мне. От чего нас надо спасать?

— От этой серой, бездарной, бессмысленной жизни, — ответил отец Александр. — Люди живут насыщенной серятиной.

Он был коренным москвичом, влюбленным в старые трамваи, обожал русский модерн, и шляпа его широкополая ассоциировалась у меня с началом века — его духовной родиной.

Он перелистывал журналы — "Золотое руно", "Аполлон", с их растительным орнаментом, закатным блеском угасающей культуры. Предостерегал:

— У декадентов было много мусора. Один из номеров их журнала был целиком посвящен сатане.

Вспомнилось, как кто-то из прихожан спросил "на засыпку":

— Существует ли дьявол?

— Увы, — промолвил отец Александр.

Комнатка священника была крохотной и обставленной, на первый взгляд, безвкусно. В мягкое кресло посетитель погружался почти с головой, автоматически съедая половину батюшкиного обеда — яблоко, огурец, кусок вареной рыбы. Отец Александр прилебывал крепчайший чай из огромной фаянсовой кружки, и глаза его — бархатные с серебряными блестками — глядели чуть иронично и насмешливо. И мир делался нестрашным. Он теребил четки и слушал, не проявляя ни малейших признаков нетерпения, даже если вы говорили сузую чепуху. Да и что наша жизнь, если не шелуха страстей, обид, нереализованных амбиций, невежества крайнего и до крайности самонадеянного?.. Скорлупа души трескалась и опадала, проявляя, высвечивая зерно, ядро.

— Как может хороший ученый быть плохим человеком? Откуда в людях столько зла?

— Надо иметь духовный стержень. Представьте себе человеческое тело. Например, прекрасную девушку. Что будет, если исчезнет плоть? Останется скелет. Он по-своему красив, у него есть определенная структура. (Батюшка рассуждал профессионально, по первой своей специальности будучи биологом; да и столько людей — старых и молодых — отпел и похоронил...). А теперь вообразим обратную картину: что исчез скелет. Что останется вместо тела? Лужица дерьма. Мы должны иметь внутренний стержень.

То, что душа обязана трудиться, я усвоил довольно легко. Он сравнивал ее с подброшенным камнем: пока летит вверх — держится в воздухе; остановился — упал на землю.

Батюшка был молодой, похожий на начальника лаборатории. Старинный стол с распятием завален бумагами. Ласково, ласково отсвечивали озаренные лампадами лики икон.

— Мы должны быть жесткими внутри и мягкими снаружи — подобно всем млекопитающим.

Этот стол с грудой рукописей и писем не давал мне покоя, вселяя тревогу, понятную только тем, кто привык сидеть за письменным столом.

— Вы торопитесь? — заметил он.

— Нет... Но, наверное, вы заняты?

— Чем?

— Я отнимаю время, а у вас — работа.

— Вы и есть моя работа, — произнес отец Александр.

Как-то, зайдя к отцу Александру, я обнаружил у него в кабинете почтенного библиографа, пространно рассуждавшего о богоизбранности своего народа. Видя мое смущение и отпустив гостя, отец заметил:

— Ах, Володенька, все звезды одинаковы — пятиконечные, шестиконечные...

Он избрал своим знаменем крест — знак вечной жизни. К нему шли труждающиеся и обремененные, кроткие и не очень. Приходили и люди сломленные, павшие духом, и он исцелял их.

В церкви, на всякой службе, ничем, кроме небесной красоты лица, не выделяясь, стояла, часто опускаясь на колени, старая женщина — мать священника. Ее звали Елена Семеновна Мень. Она оставила воспоминания "Мой путь", напечатанные год назад в христианско-молодежном журнале "Чьи мы?" Под ее диктовку я записал "Символ веры", который выучил затем наизусть: "Верую во единого бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым". У меня осталась от нее черная атласная закладка с вышитыми цветной ниткой словами: "Непрестанно молитесь". Елена Семеновна еще до войны принадлежала к Катакомбной церкви — подпольной, не признавшей власти сатаны. Так и воспитала сына. Отец Александр подарил мне в 40-й день после ее кончины принадлежавшее Елене Семеновне гипсовое распятие и икону — голова Иоанна Крестителя...

Он был знаменит своими книгами — о пути человечества к единому Богу. Книги — и свои авторские, и из своей обширной и редкостной библиотеки — раздавал охотно и щедро, за-

ведомо зная, что — не вернут. Их читала вся Москва — книги, выпущенные за границей и тайно ввезенные в Россию, забывшую и отринувшую Бога. Книги о Христе Спасителе.

Это теперь, как и в годы минувшей войны, власти кинулись к Церкви за помощью. Тогда — 10-15 лет назад — христианство наше было глубокой и опасной тайной. Кое-кто из наших прихожан попал в тюрьму. За батюшкой послеживали, но не добились ничего. Как-то утром мы с ним прикалывали к стене карту Святой Земли. Отец был утомлен — вчера таскали на допрос. Согнулась железная кнопка. Я выкинул ее в корзину со словами:

— Если кнопка согнулась, ее уже не разогнуть.

— Ибо кнопка подобна человеку, — добавил отец Александр.

Согнуть его было невозможно — только убить.

Крестил меня отец Александр тайно, в канун Нового 1976 года.

— Повторяйте за мной: "Отрицаюся тебе, сатано, и всех дел твоих..."

— Отрицаюся...

Он повесил мне на шею большой медный крест, который и ношу по сей день. И храню собранный сестрой окровавленный песок с места его смерти. До скончания дней буду хранить.

Было в нем что-то царское — великодушие, изысканность и аристократизм, который виден всегда. Не от семени ли Давида-царя шел его род? Вполне возможно. Евангелие от Матфея не случайно начинается родословием Иисуса, который был — царь Иудейский по праву, а в Богосыновстве своем — царь царей.

— Невыносимо жить пригнувшись, как в пещерах, — сетовал я. — Хочется всегда говорить то, что думаю.

— Александр Сергеевич тоже прибегал к услугам нашего друга Эзопа, — мудро отвечивал отец Александр, прохаживаясь по террасе заброшенного дачного дома в Лианозове, где я жил. — Можно жить и пригнувшись, это в конце концов неважно. И не забудьте, что именно в пещерах были сделаны такие открытия, как огонь, лук, топор и, может быть, колесо.

Лет пять назад была у него минута отчаянья, разочарования в учениках, а значит, и в себе:

— Вот разрешат все — а кем мы явим себя миру? Вот если б были вы как 33 богатыря, и я с вами, как дядька Чер-

номер. А так... — и он махнул рукой. Звали его в Питер, в Духовную академию преподавать. Стал бы доктором богословия. Но то ли уговорили мы его, то ли сам понял, что нельзя. Остался на приходе.

Сестра рассказывала — за 40 дней до своей смерти сидел отец у постели больной девочки — восемнадцатилетней, с огромной, распухшей от водянки головой — и плакал.

Он понимал деревенских старушек с их пьющими зятьями и вычурных столичных интеллектуалов.

Его люто ненавидели церковники — завидовали и ревновали. Пушкинские партийные начальники называли врагом № 1.

А я ему как-то сказал:

— Мы живем только вашим светом.

— Очень может быть, — ответил, подумав, отец Александр.

Человек такой не умирает, смерть им не обладает.

Владимир Ерохин

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Девятого сентября взошло солнце — первый раз после долгих холодов и дождей. Утро было тихим и теплым, была роса и туман. Такие утра отменяют все, заставляют забыть обо всем, кроме одного: какое же, думаешь, чудо — жизнь, какое счастье, какая несравненная красота, какой божественный дар...

В это утро был убит Александр Мень. Кто-то рассек ему голову топором, ударив сзади. Говорят, Александр Мень как раз шел служить заутреню в свою церковь, ведь он был священником. И может быть, успел порадоваться встающему солнцу, теплу, красоте... Говорят, убийца был абсолютно бескорыстен, от Александра Меня ему не нужно было ничего, кроме жизни.

Если Бог в самом деле есть, зачем же он допустил это страшное убийство? Сколько раз до нас люди задавали этот вопрос по миллионам поводов — и не находили ответа. Молчат небеса... Александр Мень — он ответил бы, он-то знал ответ, и те из нас, кому выпало счастье говорить с Александром Менем, слушать его, те сейчас, наверное, плачут не так безнадежно и горько, они убеждены, что ни один волос ни с чьей головы не упадет без божественного повеления, они во всем видят смысл, они знают высшее утешение.

Пока мы молоды и веселы, пока мы читаем умные книжки и запоминаем их наизусть целыми страницами, мы думаем, что мы атеисты, потому что очень умны. Но становимся старше и замечаем, что самые-то умные во все времена как раз верили... И постепенно до нас доходит, что мы не в состоянии поверить в Бога не потому, что слишком умны, вообще не потому, что у нас слишком много достоинств. А потому, что в нас, наоборот, чего-то мало, чего-то не хватает... Чего?..

Александр Мень был блестяще образованный человек, он знал языки, литературу, философию, он был знаменит среди богословов, он был красив, остроумен, красноречив, за границей выходили его чудесные книги, люди под полой везли их домой, переснимали, ксерокопировали. Когда он выступал по телевидению, все звонили друг другу, предупреждая, чтобы не пропустить, затихали, ловя каждое слово, как редко, как мало было этих минут. Всего несколько статей в советской прессе успел он опубликовать да несколько интервью с ним прошло за то короткое время, что церковь вышла у нас из подполья.

Его прихожанин Максим Гаврилович Кротов пишет нам, что тысячи людей пришли к православию благодаря его проповедям, лекциям, книгам. Но, может быть, миллионы благодаря газетам и экрану услышали прекрасные слова Меня о добре и любви, благодаря ему вспомнили, что нет эллина и нет иудея, что люди — братья. И кто сочтет, насколько на земле прибыло добра, братства и любви благодаря именно ему, Александру Меню...

Сейчас все говорят друг другу: кажется, уж давно на Руси не убивали священников. И все кивают: да, мол, давно... Да нет, нечего кивать. Совсем недавно обнародован страшный документ о том, как их убивали, и унижали, и уничтожали, прямо в массовом порядке, с благословения и по наущению самого человеческого человека. Много лет прошло с той поры? Немного. Те церковнослужители — дедушки наших далеко еще не старых современников?

А крестный путь Глеба Якунина?

Да и вообще, про кого это, про представителей какой социальной категории у нас можно сказать "давно их не убивали"? Всех убивают. Постоянно, без конца, и чаще всего именно бескорыстно — как Ирод Иоанна Крестителя, как неизвестный — Александра Меня, просто так, потому что нечего с нас, нищих, взять, кроме жизни, убивают, убивают, убивают...

Говорят, вокруг Александра Меня всегда было беспокойно. Сначала, когда его книги печатались за границей, ему угрожали именем КГБ, в последнее время — именем "Памяти". У нас не принято реагировать на угрозы, у нас и войска вводят, когда погромы закончены.

Мне все не дает покоя один вопрос, я без конца задаю его, задаю, но никому еще не пришло в голову мне ответить. А как чувствуют себя писатели, публицисты, инженеры человеческих душ, наши профессиональные патриоты? Спокойно, сладко ли им по ночам спится? Как раз недавно один из них в довольно популярном издании изложил такую мысль: пора, мол, нам очистить христианство от евреев. Как он себе представлял очищение? Топоры годятся?

Александр Мень и говорил, и писал о том, что христианство несовместимо с враждой к представителям какой-либо нации. Он был очень талантливым, он был выдающимся русским священником, Александр Мень.

Так за кого же, за что же нам помолиться, дорогие сограждане?

Если Бог, в чем Александр Мень никогда не сомневался, есть, Бог упокоит душу праведника и без наших грешных молитв. Попросим мужества и выдержки для двоих де-

тей Александра Меня, для всех его близких. Попросим, чтобы поменьше страдали безнадежно больные, о которых самоотверженно заботился Александр Мень, попросим душевного покоя для всех, кто понимает смерть Александра Меня как невосполнимую утрату.

И помолимся, пожалуй, сограждане, друг о друге. Все-таки, в самом деле давно на Руси не убивали священников. Похоже, что мы дошли до края. Одиннадцатого сентября, в день казни Иоанна Предтечи и похорон Александра Меня.

Что ж, долго ли мы будем давать друг друга в обиду? Долго ли будем стоять и смотреть, как кому-то из нас грозят, кого-то преследуют, гонят, кого-то ранят и травят; долго ли будет нам казаться, что это не нас, что нас минет, что нас обнесут горькой чашей? С каждым убитым, униженным, испуганным, оскорбленным, из каждого, кто видел и не вступился, из каждого, кто знал и не помог, из каждого, кто не слышит угрозы другому, — из каждого уходит жизнь.

Новое время № 39 1990

Татьяна Кузьмина

ИЗ ГЛУБОКО ЛИЧНО АДРЕСОВАННОГО ЦИКЛЯ “11¹⁰ ПИСЕМ К ДРУГУ”

Предупреждение

Автор совершенно чистосердечно советует ортодоксальным христианам и всем блюдущим догматически православное Бытие читать данное письмо только ограничившись двумя последними страницами, дабы не ввести уважаемых соотечественников в искушение и соответственно не приблизить к ним лукавого.

Последнее также относится ко всем праведноживущим согражданам независимо от вероисповедания и партийной принадлежности. Предупреждение к тому же продиктовано опасением за психическое здоровье ближних в настоящий судьбоносно-исторический момент, переживаемый нашей Родиной.

Иноземцы могут читать все подряд без ущерба за непричастностью и на здоровье, если таковое у них имеется, и наоборот.

11¹⁰ — цена четвертинки водки в начале 50-х годов (соответствует нынешнему курсу 1 рубль 11 коп.)

ПИСЬМО № (внеочередное)

Венедикту Ерофееву — автору бессмертной поэмы
“Москва — Петушки” (Вручить лично!)

Ты прости, Веничка, что письмо внеочередное, но ведь это значит не наглость, а просто в очереди ему стоять не надо, оно имеет право на внеочередную. Ведь это может даже хорошо, если не наглеть, кончено. Вот тут Кувейт обнаглел: Ирак с Ираном захватил оккупацией и ихнего аятоллу в заложниках держит для сдерживания справедливого гнева Лиги Арабских стран. Ну это дело понятное. По такому поводу и Чрезвычайную Сессию Генеральной ассамблеи ООН собрали, чтобы евреев утихомирить. Они, значит, имеют право на внеочередную (по-ихнему Чрезвычайную) сессию, а я, понимаешь, на внеочередное письмо не имею? С очередью вообще вопрос сложно подчиненный. Ты, Веничка, знаешь! По-моему, ты тогда еще не отошел, а если и отошел, то еще не кончился, когда, на какой-то юбилей Победы над проклятым фашизмом, героя Советского Союза в

очереди бутылкой пустой замочили, за внеочередное получение напитка. И ведь что самое обидное — пустой бутылкой, без малейшей капли ну хоть какой-нибудь горючей смеси. Впрочем, если бы была в той бутылке хоть капля горючей смеси, то и не стали бы мочить в очереди внеочередника, героя Советского Союза. Он ведь с полной бутылкой в оные годы в одиночку на “пантеру” ходил. Да и очереди никакой, скорее всего, и не было бы. И много чего не было, ох как многого. Вот сейчас все говорят: нет ничего! А я не верю! “Ничего” быть не может! Всегда где-то что-то есть! Ну, положим, чего-то и нет, ну скажем хлеба... Так ведь им, обормотам, еще две тысячи лет назад мягко указывали, что “не хлебом единым...”. А они Его тогда гвоздями, и на солнышко — вялиться. А чего собственно я их сужу? Может, Он им, как герой в ихней очереди с внеочередным правом своим чашу нетерпения переполнил какую-нибудь? Ведь, Венья, вспомни того охламона, который тогда перелил тебе в подъезде на Пятницкой, и влага драгоценная на заблеваный пол закапала. Да ведь если бы ты не побоялся расплескать налитое, то уж ты точно его замочил бы тогда. Но ты смирил гнев свой, ввиду полноты сосуда и немедленно выпил. Ну а потом... потом Душа твоя приобрела уже иное состояние и нравственно не способна была на подобное. И все потому, что ты очередность действия соблюл. Ведь очередность — суть причинно-следственная взаимосвязь Мироздания. И ведь при самом Миротворении Создатель сугобую очередность соблюдал и почил “от всех дел Своих, которые делал” в соответственно-очередный день. И далее уже в человеческих делах: Авраам родил Исаака, Исаак (уже в свою очередь) Иакова, последний (опять же, в свою очередь) Иуду и братьев его... и т.д.

Ты, вот, Веничка, так подозрительно вопрошаешь: “Что это ты, Василий, крутишь про очередность, а сам вон внеочередным письмом разразился?”.

Старик, я уже тебе свои извинения принес и вовсе крутить не собираюсь, и вообще-то письмо мое, можно сказать, даже и не внеочередное, а скорее наоборот. Я только к сути хочу подойти, а ведь без очереди подойти неэтично, коль уж взялся за письмо, то излагай все поочередно. Ведь правда, Веничка? Ну не ворчи, не ворчи. Вспомни, сколько очередей мы с тобой отстояли и в снег, и в дождь, и в мороз, и в жару...

О, очередь! Ты есть Альфа и Омега. Начало и конец. Первый и последний. И последние будут первыми. Обязательно будут. Только надо явить из себя качественно обозначенное пространственно-временное смирение... и... воз-

награжден будешь. Помнишь, Веничка, тогда на Сретенке... Как бесконечно далеки мы были от прилавка, как декабристы от народа или еще дальше. Но явили терпимость, простерли смирение и вознаграждены были по наличности своей и в свою очередь.

Более того, когда трое здоровенных малых полезли без очереди и возроптали народ, но ты возвысил голос свой и произнес: “Кто обидит одного из малых сих, не войдет в Царствие Небесное”. И устыдился народ речам твоим и, отступивши, пропустил малых, и получили те возжеленное и удалились в места свои. Так соблюл ты вновь порядок и, готовую гневом воспылать очередь, в праведное русло возвратил.

И вообще, пока всякий в своей очереди и на своем месте смиренно пребывает, то “и на земле мир, и в человеках благоволение”.

— А чего это ты, Моксяков, елейно-амвонским языком запричитал? Случилось что ли что? С чего это ты, Моксяков, вдруг словом зафарисействовал?

Не сердись, старик, пожалуйста, не сердись! Я ведь знаю, что когда ты на меня сердишься, всегда к фамилии прибегаешь. Я ведь так... Я ничего... Я про очереди, про пути... про расписания правильные... Вот сейчас и не услышишь “Красная площадь! Красная площадь!” А все так и орут: “Курский вокзал! Курский вокзал! Петушки! Петушки!” И очередь...

А в электричке полным-полно... И все такие умные — умные. Все пьют напропалую и вместо закуски значки депутатские поглаживают и так солидно одно и то же произносят: “Да, кри-ми-но-генно!” и глазами причмокивают.

— Стой, Моксяков! Ты под меня не лепи и про очереди не заливай, что там на Петушинской ветке произошло?

— Да ровным счетом ничего, Веничка, на Петушинской ветке все в порядке. Даже наоборот; а что депутаты ездят, так это они обсуждают с японцами возможность совместного предприятия и прокладки ветки Нагасаки — Петушки... и...

— Моксяков, я тебе добром говорю...

— Да нет, Веничка, правда, Петушинская ветка в полном порядке и очереди и пути... и не пересекаются... Ибо нет хуже, как пересекутся очереди, спутаются стоящие, растеряют стези и, избравши в суете пути неправедные, явят смуты и раздоры, и будет сокрушение в праведных и одичание несподобившихся и деяния несусветные...

— Моксяков!!

— О, Россия — страна очередей и заборов! И, если ты не в очереди, то значит у забора. Или под забором. Или (в лучшем случае) на заборе или в заборе.

Впрочем, и забор, и очередь не только совместимы у нас, но и неразделимы. И чаще всего очередь наша струится вдоль забора к цели... к концу... к началу...

И ведь, если бы не предписанное ограничение, то главная очередь твоей страны немедленно прижалась бы к ее главному забору! Нет, забора не избег бы никто в России. Невзирая на причастности и чины.

Вспомни у Пушкина: “За все время разговора, он стоял позадь забора.” — Малоэтично для царя, а куда денешься!

А, Впрочем, и сам поэт пал у забора. Барьер — условный забор! Пал, но об очереди не забыл — следующий выстрел был его, и он уж лежа у “забора” выстрелил..., выстрелил и попал... Но остальное Судьба и молчание. Молчание и Судьба! Тут я очередь уступаю и “билетик (талончик) покорнейше возвращаю” ...

Да ведь,... да ведь и отец Александр скончался у забора и истек кровью, пытаюсь открыть калитку...!

— Моксяков, что случилось!!!

— Ну да, да, Веничка, случилось! И не на Петушинской ветке, а на Ярославском направлении, и не на самой ветке, а возле..., и даже не возле, а на расстоянии, так, что рельсовые пути в порядке и электрички ходят... Одним словом Священника там убили! Протоиерея отца Алексайдра Меня! Да ты знал его, наверно, а если и не знал, то читал, а если не читал, то слышал, а если не слышал, то на сороковой день сам у Вас ТАМ будет! Я тебе в принципе по этой причине “внеочередное” и пишу...

Как убили? Да просто, старик, исторически-хрестоматийным традиционным способом — топором! Тут сейчас по этому поводу такое творится, чего-чего только не говорят! такую эзотерическую сусветицу несут...

А ведь, если просто подумать-посмотреть. Ну жуть конечно! Но Наша жуть! Исторически и ситуативно очередная. Ведь он в своей очереди стоял с честностью и смирением, а как пресекулись пути и смутилось время, ему как впереди стоящему, сразу и досталось. И, если с точки зрения единства формы и содержания, — наше это убийство — Русское! Со всей историко-экономической базой. А следовательно, опять же, по причинно-следственной взаимосвязи регионального бытия — очередное!

Вот тут буквально накануне одна баба одного сексопатолога свинцовой дубинкой ужокошила и с двадцать первого этажа скинула. А вот этого нельзя! Не наше это убийство и внеочередное. Ну, во-первых, сексопатолога свинцовой дубинкой, олицетворяющей фаллический символ. А, во-вторых, с двадцать первого этажа скидывать... Нет, не дозре-

ли мы до такого убийства ни экономически, ни социально. Не наше это! Этого нельзя! Сексопатолога свинцовой фаллической дубинкой на двадцать первом этаже с последующим низвержением — нельзя! А священника топором из-за куста по затылку — можно!!

Конечно там смех — а здесь жуть черная! Да что же нам к жути привыкать, что ли? Мы ее — эту всю жуть, веками всхолаживали и взлелеивали, ликовали и преисполнялись, и гордились... да, да гордились! так что если насчет исторической вины, то ведь и невинных, можно сказать, почти и нет. И с чего мы взяли, что до убийства священника не дозрели? Еще как дозрели, и опять же в свою очередь!

Ведь очередь “за жутью бытия” у нас над всеми остальными очередями восходит и за свое вышестояние не только за национально-традиционный топор схватится, а и за нечто посерьезнее. А что она в данном конкретном случае за топор взялась — значит опасность почуяла, страх. Да на то она и “очередь за жутью”! Она же в страхе сплошном стоит!

А вот через сорок дней человек к Вам удивительный поступит. Через многое прошедший и многое вместивший. И, главное, с поразительно высоким чувством юмора. Это я к тому, что вам Там не встретиться и не сойтись никак невозможно будет. Только скромненький он зело, не то, что я, и у меня к тебе, Веничка, личная просьба — внимание и содействие ему оказать, если в том необходимость будет, но о том ниже скажу.

А пока, пользуясь оказией, по наглости своей за себя похлопочу, ведь живой еще, кажется, пока и хилую надежду питаю, что, может, не до конца еще душу сгубил и вдруг сподоблюсь. Ох, как мало шансов! Ну да ладно, к делу!

Веничка, есть ли у Вас Там очередь? Думаю, что наверняка есть! Ведь вся наша преставившаяся алкогольно-причастная братия без нее себе и Царствия Небесного представить не может. И, если бы не было Там до прихода наших очереди, то Господь ее немедленно сотворил; ибо Благ и Человеколюбец.

Так что, Веничка, сделай милость, займи Там для меня местечко и, главное, для Володьки. Он ведь в такой душевной абстиненции предстать не может, по нынешнему времени, что его непохмеленная Душа этакое выкинет, что не приведи Бог. Сам знаешь! Так что, Веничка, сделай милость, забей место.

Теоретически, там наших такой чистотой потчевать должны — куда там “Петру Смирнову and Сыновья”, да и “Вдове Павловой” с ее слезой — делать нечего! Но это по теории; от вожденной тоски по чистоте всеобщей и частной.

Но на самом деле, мы ведь люди к уничтожению своему через суррогатную влагу привыкшие обретать; и к ней пристрастие смиренное возымали космических пропорций. А потому, я думаю, что Там каждому воздается по пристрастию его. Каждый по своему вожделению получит.

Так вот, Веничка, отец Александр большой любознательности человек. И до чего здесь не сподобился, по причине специфики индивидуального бытия, там ему вполне любопытным показаться может.

Старик, он знает, отчего умер Пушкин, но понятия не имеет, как разводить политуру. Так что, если вдруг полюбопытствует, — ты уж посодействуй, пожалуйста!

Я чувствую, Веничка, что тебе не терпится задать мне соответствующий ряд вопросов. Я понимаю, что тебя живо интересует следующее:

1. Пил ли отец Александр?
2. А если не пил, то опохмелялся ли?
3. И если не опохмелялся, то испытывал ли похмелье?
4. А если не испытывал похмелья, то как вообще ухитрялся жить в нашем обширном богоносном регионе?

Ну что же, попытаюсь ответить.

1. В том смысле, в каком пили мы — не пил!
2. Да, похмелялся!
3. Естественно испытывал!
4. Здесь, как сам понимаешь, вопрос отпадает сам собой, так как на вопрос №2 и №3 имеем положительный ответ.

Понимаю, что на каждый положительный ответ немедленно органически возникнет вопрос. Понимаю и ответствую. На вопрос “как опохмелялся” отвечу абсолютно уверенно, четко и недвусмысленно-грамотно! А грамотно на мой достаточно просвещенный взгляд (см. “Письма к другу 1 руб.¹⁰, 2¹⁰, 3¹⁰) означает почти ежедневно и, главное — по системе. Систему придумал не Он, но был к ней с молодых ногтей причастен, ни разу с нее не сбивался, а, следовательно, “спиться с круга” не мог (опять же см. “Письма” 3¹⁰, 2¹⁰, 1 руб.¹⁰). И, если бы мы к той системе привержены были, то, скорее всего свою своевременную кончину не приблизили бы, а по сию пору при полном благорасположении созвездий земную ипостась влачили. А может быть, даже и не влачили бы вовсе, а совсем наоборот. То есть не вспять конечно, а просто иноспособным образом...

Слышу, слышу, Веничка, твой сверхнебесный мат и возвращаюсь к делу.

Так вот основа системы вышеозначенного опохмеления — суть — причастие.

Ибо Он, единственно вместивший весь хмель и все похмелье Мира, в преддверии Голгофы, в бесконечном милосердии своем разлил Он, Господь наш, ученикам своим сколько положено и по поводу дальнейшей системы потребления исчерпывающие указания дал. И исповедующие систему эту богоданную завсегда абстиненцию душевную своевременно купируют и Высшим содержанием преисполняются. А каким именно, в своем месте сказать попытаюсь.

Что до похмелья? Испытывал его отец Александр или нет? Ай, ай, Веничка, какой праздномалограмотный вопрос. Что похмеляться можно и нужно, даже предварительно лично капли в рот не взяв, тебе прекрасно известно, и на этот счет мы с тобой в обоюдоотрадном диалоге полное согласие имели. Ведь в нашей стране “Чужого пира” непохмельное состояние для нормального человека невозможно. Так что испытывал отец похмелье и, может быть, много более других.

Касательно же первого твоего вопроса — касательно конкретного питья, я, ответив уклончиво-отрицательно — слукавил. Слукавил и каюсь! Пил отец Александр! Так пил, что нам и не снилось! И такое пил, что нам ни под какую закуску не вместить!

Какие коктейли я у него в ожидательном предбаннике видел! Какие коктейли, старик!!

Я приведу их как прейскурант в магазине, как выдачу в одни руки! Да простит меня Бог!

Итак:

Коктейль N1, или
“Мария — Магдалина”

1. Предклимактерическая теология (вербальная)	4 шт.
2. Криминальный аборт самосознания	1 шт.
3. Гиперсексуальная инволюция духа	2,5 шт.
4. Гетеризм сословно-этический	1,7 шт.
5. Социально-сексуальная дисфункция	около 8 шт.

Все это замешано на высшем гуманитарном образовании и поступает в порядке живой очереди.

Коктейль N2, или
“Ганнушкин сон”

1. МДП (маниакально-депрессивный психоз) канонический	2шт.

2. Идиотия благоприобретенная	1 шт.
3. SCH (шизофрения)	
шубообразно-дубленчатая	4 шт.
4. SCH вялотекущая застойная	4,4 шт.
5. Полинаркомания постановленческая	5 шт.
6. Реактивный невроз перестроечный,
межконфессиональный	от 3 до 5 шт.

Данный коктейль длительно настоян на ученых степенях и подается спонтанно-рефлекторно, но бесконфликтно.

Коктейль N3

“Подвижник”, он же “Искушение св. Серафима”

1. Эсхатологический форсаж	3,2 шт.
2. Теоборчество прикладное	2шт.
3. Обличительное православие	4,3 шт.
4. Магизм производственный	2 шт.
5. Гуроискательство либиподобное	1-3 шт.
6. Теософско-эзотерическая
логорея	не менее 5 шт.

Указанный состав, как правило, взбивается на неоконченном среднем и высшем техническом образовании и доводится до полного забредения в условиях максимально-стесненного коммунального общежития. Подача происходит конфликтно-сумбурно и эстетически малопристойно.

Могли ли б мы, Веничка, пить “Чашу Сию”? Ты молчишь! А я твердо скажу с большевитской откровенностью и партийной прямоотой — Нет, не смогли б! А он мог и пил! Пил “свою Чашу” до дна! И как пил...

Ты вот, Веничка, помолчав, спрашиваешь, со свойственным тебе ироническим подвохом: “А что это у тебя, Василий, за десятые доли в количественном обозначении?” И я честно отвечаю, Веничка, я не знаю, что это за десятые доли, но что они там были, готов поклясться вопреки заповедям.

И, что самое удивительное, Веничка. Он пил несусветные по психико-химическому составу чаши их, а они опохмелялись. Бывало, заходит к нему такая похмельная условно-человеческая субстанция, что от одного ее созерцания ни в жизнь не пившего человека алкогольная кома хватить может. И что ж, время спустя выходит эта субстанция в таком преображении, словно ее ангелы Курского вокзала непосредственно похмелили. Поступью тверд, ликом светел и

такая благость во взоре, что хошь одесную, хошь ошую высшего Престола его помещай — ни с той, ни с другой стороны возражений не будет! А ведь вслед за ним, по его свежим стопам, другой за дверь проскочил, и вскоре с ним та же метаморфоза.

Что Александр у себя в заводе алкоголесодержащего не имел — то точно. И с собой никто ничего в загошнике не проносил — голову на отсев — ты мой глаз знаешь. А стало быть, здесь другое снадобье. И главное — индивидуально-дозированное. Ведь один через 5-10 минут преобразенный выпорхнет, а иной так и до часу и более того похмеляется. Налицо — дозировка!

А в нашей стране, старик, одна единица измерения, и ты уже просветил мир о граммо-километрах (что, кстати, глубокогоуманно с твоей стороны!). Так вот сколько граммов и чего им отец Александр от щедрот своих отливал и отмеривал, загадка для меня была великая и моему прежнему разумению непостижимая.

Я в то время, как тебе известно, от клинически-летательного запоя, зело испугавшись за плоть свою брнную, с ханкой завязал. И на сем страхопричинном поступке особливый столп кичения себе воздвиг и вокруг него подвизался, как кот ученый у дуба Лукоморского. Пока лоб свой о названный дуб чуть до смерти не расшиб (см. "Письма" 7¹⁰, 6¹⁰, 5¹⁰).

Но мне объяснительный исход происходящего Таинства позарез необходим был, дабы утвердиться и гордыню свою ублажить. И я решил лукаво слитературничать.

— Ну почему именно граммы, — сказал я себе, — что нет иных единиц измерения? Вон за бугром галлонами, баррелями меряют ... и ничего. Что это мы ухватились за свои мизерные граммы и с национальным упрямством за них мертвой хваткой держимся. А глянем шире! И придумал душепохмелочную единицу: "1 м." — то бишь в "один Мень". А что, ведь существует же 1 вольт, ампер, джоуль ..., так почему же не может существовать "мень" как единица.

Слитературничал, сыронизировал, фонетическое чутье свое поласкал... и успокоился.

Не понял я тогда, что близко к истине взял, не вник вглубь. Ведь отец Александр и впрямь от себя — себя отстегивал и дозировал по нужде страждущего и способности его вместить. И не убывало в нем, прибавлялось, и не скудел сосуд, а наполнялся, и возрастало безмерно число припадающих, и никому отказа не было. А какая сила через него болезных питала, мне тогда невдомек было по суемудрию своему лукавому и тщеславию.

Это я, Веничка, сейчас такой самокритичный, аж до уничтожения, но мне, старик, теперь иначе нельзя. Я перед тобой (мягко выражаясь) выпендриваться не буду, а честно признаюсь — боюсь! Раньше не боялся, а теперь боюсь. (Да и это, сам понимаешь, мягко сказано.)

А дело вот в чем (вкратце). Много лет тому назад друг отца Александра — Саша Борисов, перевел книжку какую-то иностранную. Я по лености своей и жизненной пархатости даже толком не прочел ее; так, пролистал. Но “память есть — ума не надо” — название запомнил: “Жизнь после жизни” называется. И вот совсем недавно уже в газете читаю небольшую статью, ну там вначале всякая мура; как ученые душу взвесили (в Америке, конечно), но в конце там свидетельское показание одного реанимированного. Ему, старик, Ад показали! Никаких, понимаешь, сковородок, котлов, холодильников, а этакий бесконечный как бы зал в холодном свете, как от ламп дневных, и в зале этом всякая многогрешная душа, абсолютно от всего начисто отрешенная, подвешена и в собственном своем ужасе вечно пребывает! И как уж я сам понимаю, подвешена она в малопрозрачном полиэтиленовом пакетике и навечно...

Веничка, милый, я не хочу в пакетик! Очень не хочу. А полиэтилен я и здесь с трудом выношу, а то там и навечно!

Помнишь, Веничка, как мы с тобой с глухого похмелья согласно наркологическому “феномену раннего пробуждения” томились на задворках продмага на Щепкина и часы нам казались вечностью, и готовы мы были почти на все, чтобы приблизить вожденное мгновенье... И тут явился нам некто — такая “недотыкомка” — выражаясь образным языком Ф. Сологуба, с полиэтиленовым пакетиком, наполненным водкой. И как мы дружно, не сговариваясь, отвергли его и его подношение, и он исчез посрамленный. Что угодно, в любой другой упаковке, хоть в цинковом гробу — выпили бы, а тут отреклись. Категорически и дружно. И ждали в немом смирении прихода тамошнего сторожа в течение двух часов 12 минут с секундами. И, только дождавшись и опохмелившись, признались, что предложенное ранее вызвало в нас ужас и отвращение. Мы тогда уже воскресли для дальнейшего прохождения срочной жизни и заиронизировали этот эпизод, но глаза друг от друга прятали, более к нему не обращались. Я сейчас думаю, что это нам знак был! Мы уже тогда бескомпромиссно не захотели полиэтиленового пакетика. Что ты его миновал, я уверен. А вот за себя боюсь! За душу свою боюсь!

Хотя это и на редкость крепко сработанная штука. Как-то я поделился с отцом Александром, что если бы мне пришлось

отливать медаль “о погублении души”, то с одной стороны я б начертал — “Очень легко”, а с другой — “Очень трудно”. Отец подумал, улыбнулся и согласился. Только я все равно боюсь — не хочу пакетика! Может, это все оккультная ахинея. Но вот пакетик меня сильно смущает, полиэтиленовый!

А ведь могут сказать, что у меня с единицей раздаваемого отцом Александром логическая натяжка получается. А вот никак нет. Не получается. Бутылка одна? — Одна! С водкой ли, с вином, с политурой — стандарт один. Название четкое — на этикетке и количество. Когда мы говорили 100 водки, 200 вина, 500 политуры — понимали. Имел отец Александр фамилию — имел. Содержимым обладал? — Сомнения — прочь! А уж сколько кому того содержимого отмерял — это его дело. Кому 10 меней, кому 30, а кому и 100. А изначальное содержимое сосуда не нашего ума дело и не нам его измерять. А что не оскудевал — то свидетельствую! Так что никакой натяжки и неувязки по логике здесь нет!

— Василий! — вопрошаешь ты, и я ощущаю в твоей сдержанности солидную долю нетерпения. — А были ли у него искушения? Искушал ли его Враг?

— Еще как, Веничка, Искушал! И, что самое главное — искусил, но... Но терпение, старик, я излагаю.

Так вот. Вне искушения Враг почти никого оставить не может, ибо Тварному началу противостоит, и Замысел изначальный о человеке обязательно испохабить и извратить должен. Не существует он иначе. А уж те, кому свыше дано, — те у него все на спелучете и индивидуального подхода требуют. Так вот, мне думается, что Александр еще во чреве будучи на данный спелучет поставлен был. А уж, когда на свет явился, то Враг, если не лично его скрытым наблюдением постоянно пас, то уж лучшие силы из своего управления выделил. Ну, а когда время подошло, то тут уж Сам подступил. Да призадумался: ну не на Ленинские же горы его тащить? Там уж подобное было! Кто там кого смущал и кто в какой роли — значения уже не имеет. Может, Герцен Огарева, а может, Огарев Герцена. Это уже детали. Главное — изначальное искушение на возвышенности в удачном исполнении! Ох, любит Враг возвышенности! Ох, любит! Ведь при первом искушении Христа в пустыне — ничего у Врага не вышло. Так при последующих он только возвышенностями пользовался. И на Храм возводил и на горы высочайшие... Не выгорело! Ну так с кем связался, дурашка?! Однако и не ввязаться не мог! Должность у него такая и сверхзадача, как сказал бы К.С. Станиславский. Да и момент какой был! Сорвалось однако. Он тогда, при послед-

нем искушении, когда ангелы к Спасителю приступили и служили, так от злобы помрачился, что и за апостолов как следует не взялся. И время упустил. А когда спохватился, так один Иуда и оставался. Да ведь Иуду сыскать не велика доблесть — всегда найдется, хоть из Кариота, хошь из Тегусигальпы и даже из самой Жмеринки.

Прости, Веничка, ты прав, я как всегда заболтался — занесло. Но я все к делу стараюсь, к вопросу — потерпи еще немного.

Так вот о возвышенностях. Человек на возвышении надстояние имеет, круговращение головного мозга и душевную неустойчивость. Надстояние, как сам факт уже — искушение и, если при этом грамотно поднажать, то человек при этом обязательно должен искушиться и сверзнуться. Враг в этом приеме много преуспел в мире. Но с отцом Александром этот метод безнадежен был изначально. Он (Александр) уже сызмальства предагтарное предстояние имел, иерархических вожделений лишен был по генетике, и его к надстоянию не заманить было.

И вот тут Враг особливый ход к нему придумал. Выбрал момент, подступился и как бы между прочим говорит:

— А что, человеце, не воспеть ли тебе Творца твоего и Спасителя высокохудожественным словом?

Человек Александр импульсивный, живоживущий, цель высокая и восторг возрастной в наличии (Александр тогда между отрочеством и юностью обретался) — и... и соблазнился он, и в искушение впал! Но! Вот здесь, Веничка, дорогой, “Но”, и о нем особое объяснение потому, что в нем все дело, а последнее и до нас с тобой касательно.

Ибо самое сокровеннолелеемое поприще Врага есть псевдохудожественная реальность (или, короче, “псевдуха”), в слове явленная. Он через Еву в соблазн ввел и человека Эдемского состояния лишил. И вообще-то из всех вражеских приемов противостояния Замыслу Божьему этот следует признать самым изощренным и самым коварным, а, следовательно, (объективно говоря) самым удачным. Сколько через эту “псевдуху” вполне достойных людей искушлось? А сколько через их искушения, изустно и графически явленных, народу соблазнилось? Тьма!

Веничка, помилосердствуй, все, что ты только что отпустил по моему поводу, совершенно божественный мат, но во имя всего спиртного — дослушай.

Я вовсе не собираюсь объявлять всю литературу сплошным происком врага, а только ту ее часть, которая

этим происком является. Знаю, знаю, что банален до пошлости и признаюсь тебе в этом как Смердяков Ивану, но не во мне суть!

А суть в том, что Александр по возрастной экзальтации “псевдухой” искусилился и почти целиком толстую тетрадь исписал! Почти исписал, да вдруг остановился и призадумался. Чует, что-то не то! Перечитал, почеркал, поправил, опять перечитал. Не то! Как-то все слишком высоко звучит, слишком красиво и слишком правильно. И вот это “слишком” его остановило и от дальнейшего искушения отвело. Не стал больше Александр художественные формы теревить, иную стезю пера избрал и в ней много преуспел и всякого искушения на указанной стезе с Божьей помощью избежал. Хотя и на ней Враг подступать пытался. Да к тому времени отец Александр уже рукоположился, и Врагу с ним совсем не вмоготу стало, ввиду специфики характера его. И отошел от него Враг посрамленный. Конечно, от состоящего на спецучете так уж просто не отступил, но в лобовую атаку на отца далее не ходил, а все больше ближних смущал и заманивал... впрочем, это уже не моего пера дело.

А что касается тетради толстой недописанной, то отец Александр огнем ее жечь не стал, как у литераторов принято, а спрятал в шкафчик на всякий случай. И не думал тогда, что, сам того не ведая, один из самых главных законов вражеского искуса прочувствовал с Божьей помощью. Это ему позже открылось, и он твоему покорному слуге это свое открытие в междоусобной беседе поведал.

А дело в том, что в соблазнительных искушениях своих Враг всегда перебирает. Всегда лишку хватит. Иной раз так откровенно изощрится, что лишь по мельчайшим черточкам, по тончайшим звукам, по еле заметному сгустку краски распознаешь искусительную подделку. И здесь имеющий уши слышати — да узреет!

Вот такое у отца искушение было.

Но в дополнение, в дополнение вступает в силу, старик, закон, тобой открытый. Не пил отец Александр, то есть не писал художественным словом. Но, как тайный советник Иоганн фон Гете своих героев, заставлял этим заниматься ближних своих. В конце концов он так неотступно приступил ко мне, что прямо вот, если не напишу, “то, значит, не уважаю”. Куда денешься? Ну я “уважил” разок, другой, а дальше... да далее не мне тебе, Веничка, объяснять, что далее... Сам понимаешь!

— Ну, ладно, старик, — говоришь ты — искушение, предположим, у него было, хотя на мой взгляд его как бы и

не было. Но скажи, испытал ли он смущение, застенялся ли он когда-нибудь? Вот ты говорил, что я пил от застенчивости и стеснения — хрен с тобой, пусть так будет! А вот он эту застенчивость, это смущение испытывал?! Было ли ему искушение смущением?!

— Было, Веничка!

Вот ты меня спрашиваешь, что, если отец Александр не пил в нашем смысле, что же он, если б ему митрополит Су-рожский Владыко Антоний Блюм лично поднес — он, что бы, отказался? Нет, Веничка, не отказался бы, а с совершенно чистой совестью выпил бы и неоднократно, если б поднес, и ничто бы в нем не содрогнулось, и ничего бы его не смутило.

Но только отец Антоний Блюм ему ханки подносить не стал, а благоречиво отбеседовал с ним за чаем и, заканчивая свидание, взял да и поднес ему... его собственное пальто и облачиться помог!

От такого подношения отец Александр так вседушевно содрогнулся, что покраснел, как от 200 грамм тормозной жидкости и впал в стандартное общенародное состояние, что чуть повыше “термина висячего” и одним малоцензурным словом обозначается. И он в таком состоянии три дня ходил, пока вывод не сделал. А как сделал, то заалел, как от 300 грамм лосьона “Аврора”, принятых непосредственно на 15 грамм антабуса. И в таком суперпатриотическом цвете пребывал до тех пор, пока вывод его вербальное оформление не обрел. Только тут его отпустило, и он нормальный цвет лица возвернул.

При мне дело было. Так случилось, что я ему в возвращении с вечерней службы сопутствовал и медицински за его лицевую окраску весьма беспокоился, но помалкивал.

А тут вдруг остановился он, возвел очи горе и воскликнул:

— Боже мой! В каком же мы ничтожестве души пребываем, если элементарной бытовой этики вместить не можем и прямой доброжелательности стыдимся!!

И рассказал мне, как и что ему отец Антоний Блюм в чистосердечии поднес, и как он (отец Александр) три дня в мягко сказанном удивлении, стыде и в краске лица пребывал.

И беседовали мы тогда о неисповедимости путей и форм, и многое мне тогда через пережитое им смущение открылось.

Боже, Веничка, да ведь лгу я, лгу! Не так все было, и ничего я тогда не рассмотрел и не открыл...

А тогда мы просто шли... Мы шли, шли пустынными проулками вдоль бесконечного ряда глухих разномастных заборов., скрипел снег, светила луна... и он говорил... так, как только умел говорить... о людях... о времени... о Замысле... о Создателе... о Цели... о Мире...! А я... я... шагал рядом, скрипел в такт снегом и кивал с умным видом, изредко вставляя реплики с претензией на смышленность и юмор...

Ох, стыдно-то как! Как стыдно! Ведь я смотрел и не видел! Слушал и не слышал!! Господи, как безумно, беспросветно и безысходно, безвозвратно стыдно!!! И ничего тогда не открылось мне, ничего!

И вот только сейчас, в сей момент пера, увидел вдруг я, сколько же он за нас, грешных, стеснения и стыда на себя принял. Сколько ненавязчиво подавал нам, чтобы тепло сохранили мы. Чтобы души наши не оцепенели.

Ибо стыдился он без страха!

Сокрушался без озлобления!

Сказал я сейчас все это и увидел весь ужас ложнобытия своего прошлого. И вот он ужас мой, Веничка! Ибо я как жил в сравнении с Ним:

Я реагировал — Он откликнулся!

Я соображал — Он думал!

Я сомневался — Он Надеялся!

Я подозревал — Он Верил!

Я выживал — Он Жил!

Я симпатизировал — Он Любил!

Его убили реально — но Он ЖИВ безусловно!

Меня не убивали — но я, если и не мертв реально, то жив условно!

Господи, укрепи меня в запоздалом прозрении моем!

Господи, прости мне велеречивое празднословие мое, и ты, Веничка, прости, и ты, Отец!

Господи, милостив буди ко мне грешному!

Руководи моею волею и научи меня молиться, надеяться, верить, любить терпеть и прощать! Аминь.

Россия, Москва,
18 сентября, 1990

Василий Моксяков

ТЫ — ЖИВОЙ

Когда жизнь на земле стала для меня бессмысленной и пустой и я пустился в духовные поиски, Бог, сжалившись, послал мне о. Александра.

Случилось это так... Один саксофонист, узнав о моих новых интересах, познакомил меня с джазовым пианистом Валерой У. Тот одно время снимал дачу у тещи о. Александра. Валера и привез меня в церковь в Тарасовке, где тогда служил отец. Было это в 1967 году.

Помню, начинается дневная служба, церковь полна народу, о. Александр идет от свечного ящика к алтарю, а я, не зная, что священнику нельзя подавать руку в храме, при знакомстве протягиваю ему ладонь. Не желая меня смущать, отец пожимает ее левой рукой.

Услышав о моем намерении креститься, он предложил сначала приехать к нему домой, побеседовать. В установленный день Валера привез меня в Семхоз. Беседа протекала довольно странно: больше говорил я, а о. Александр слушал, вставлял реплики.

Помню его простой, без пафоса, рассказ о преподобном Сергии. Когда в монастырь приехал князь и с почтением обратился к Сергию, крестьянин, не признавший в скромном монахе настоятеля, повинился перед ним, на что святой сказал: "Ты один правильно рассудил обо мне, а все прочие ошибались..."

В разгар нашей беседы вернулась с работы мать Наталия, спросила:

— Ты дал детям молока?

Преувеличивая свое раскаяние, как он это обычно делал, о. Александр схватился за голову и ответил, что забыл.

Мать Наталия промолчала и ушла к дочери и сыну. Тогда я еще не знал, что отец, отрывая время от семьи, все его отдает своим духовным детям.

Крещение состоялось 17 ноября. Отец подвел ко мне женщину:

— Это Ксюша. Она будет твоей крестной. — И с ударением на слове "хороший" добавил:

— Она очень хороший человек.

Перед тем, как полить мне голову водой, улыбнулся:

— Ну, крепись!

Приход в Тарасовке был невелик. При церкви не было никакой сторожки, со своими прихожанами о. Александр общался по пути из церкви и в электричке. В купе сидели

не одни верующие, но всем было интересно, как священник объясняет смысл тропаря или какого-нибудь церковно-славянского выражения.

Как-то я пригласил своих друзей отметить праздник Крещения. Жил я тогда в полуподвале на Трифоновской. О. Александр охотно откликнулся на мое приглашение. За столом он с юмором стал рассказывать, что летом отдыхал на Селигере, плывал на моторке по озеру, но, так как он всегда не в ладах с техникой, найти общий язык с лодкой удалось не сразу, только после того, как помог один абориген.

— Ну, и ты ему выдал индульгенцию? — неожиданно "пошутила" одна неофитка.

О. Александр взялся за лоб и сказал с явной театральностью:

— Я что-то не пойму...

После чего перевел разговор на другую тему.

Ему часто приходилось встречаться с хамством.

Был особый род начальственного хамства, безопасного для тех, кто пускал его в ход, и от этого еще более отвратительного.

Однажды мы шли к станции Тарасовская: о. Александр в окружении молодых ребят. Мимо везли на убогой детской тележке старуху-инвалида, местную блаженную. И тут с нами поравнялся один из тарасовских начальников, толстый здоровый мужик. Откормленный дядя при всех начал обличать отца, указывая на старушку: ей-то, мол, попы не помогают. Хотя блаженная жила на то, что собирала Христа ради у церкви, а не на материальную помощь поссовета.

Из тарасовского периода особенно запомнился один случай. О. Александр служил в совсем пустом храме; единственный псаломщик пел за хор. Причем пел он альтерную партию, совершенно не мелодичную. Как сейчас вижу и слышу: холодный пустынный храм, ледяной кафельный пол и возгласы священника, чередующиеся с отрешенным пением псаломщика.

В то время я по дикости своей не "врубался" в службу, и отец все время давал мне книги, просвещающие религиозных невежд. К стыду своему, несколько его книг я забыл в автобусе.

Еще одно воспоминание: крещение моего старшего сына Антона. Ради него отец приехал ко мне на новую квартиру в Медведково. Тогда я был студентом "консы", не имел никакой мебели. Ее заменяли кирпичи с досками, на которых лежали книги. Вешалку, деревянную, светлую, я затеял смастерить сам. Когда о. Александр увидел ее, тут же стал

рисовать по дереву. Крючки превратились в ножки симпатичных поросят, а сама вешалка приобрела вид летящей совы, на крыльях которой сидели поросята. Потом я подарил ее Валере У. Не знаю, сохранилась ли она у него.

Настоятелем тарасовской церкви был о. Серафим, прославившийся своими доносами. От него пошли сигналы в ГБ. Над о. Александром нависли тучи. По счастью, одна прихожанка разговорилась в электричке с о. Григорием, только что вернувшимся из Албании, откуда его выдворил вместе с другими советскими специалистами Энвер Ходжа. О. Григорий стал настоятелем храма в Новой Деревне. Был он уже в преклонных годах и ему требовался молодой толковый помощник. Так о. Александр оказался в Пушкино. Любопытно: хотя о. Серафим на отца "стучал", его уход он воспринял с удивлением. Ведь свой донос он заканчивал фразой: "В служебном отношении безупречен"

Прежде чем перейти к ново-деревенской жизни, хочу вспомнить те эпизоды детства и отрочества отца, о которых слышал лично от него. Оказывается, в детстве он был озорным и отчаянным мальчиком: однажды спрыгнул с крыши трамвая и так неудачно приземлился, что нога побаливала всю жизнь. Как-то мы говорили о детях в церкви, и отец рассказал: схиигумения Мария, бывшая его наставницей, не заставляла его отстаивать длинные монастырские службы. Провожая мальчика на всенощную, она говорила: "Постой, сколько захочешь". "И я, — вспоминал отец, — зная, что сам себе хозяин, в результате отстаивал всю службу".

Елена Семеновна говорила мне, что в юности ее сын был склонен к меланхолии и у него есть юношеские стихи, пропитанные этим настроением. Огромным внутренним усилием преодолел он меланхолию и стал таким, каким мы его знаем: полным оптимизма и надежды.

До Тарасовки о. Александр служил в Акулово (дьяконом) и в Алабино. Настоятеля акуловского храма он называл членом секты "типиконщиков" ("типикон" — церковный устав). Тому ничего не стоило выбежать во время службы из алтаря и закричать на весь храм, обращаясь к певчим на хорах: "А где задостойник 8-го гласа?" Служба прерывалась, клирошане судорожно хватались за книги и начинали в панике разыскивать злополучный задостойник. И таких "великих выходов" из алтаря могло быть несколько... Посредственный бухгалтер, решивший переменить счеты на епитрахиль, так и остался бухгалтером, скрупулезно высчитывал дебет и кредит, пуще всего опасаясь отклониться от своего евангелия — типикона, где описан порядок служб.

За поддержкой люди обращались не к нему, а к двадцатитрехлетнему дьякону. Конечно, бухгалтер не оставил это без внимания. До печально знаменитого собора, на котором управление храмами передавалось поставленным исполкомом старостам, все деньги были у настоятелей. И вот акуловский счетовод положил сопернику оклад 700 руб, т.е. по нынешнему курсу 70. Даже уборщица получала больше. Дьякона вместе с женой и только что родившимся ребенком поселил в доме, где так промерзала стена, что от пола до подоконника образовывалась огромная наледь, не таявшая до весны.

Хочу добавить, что о "счетоводе" о. Александр вспоминал с юмором, в лицах разыгрывая все роли, без малейшей горечи и обиды... Там, в Акулово, на барабане главного купола были нарисованы сцены из Евангелия. Рассказывая неопитам о жизни Христа, отец ходил вокруг храма. Постепенно его рассказ отлился в книгу "Сын человеческий".

Кстати, и об окладе, и о наледи в доме я узнал не от него, а от одной из прихожанок.

Не могу миновать эпизод с реставрацией храма в Алабино. Молодой священник стал его настоятелем, но, увы, ненадолго. Алтарник, хронический алкоголик, продал храму ворованные керамические плитки из музея, подставив таким образом о. Александра. И это в то время, когда газеты вели шумную кампанию против церкви, затеянную с благословения Хрущева. В стране незаконно закрывались десятки церквей, в печати мелькали всевозможные "разоблачения" церковных деятелей.

Против о. Александра готовился громкий процесс. Его делом занялся генеральный прокурор Руденко, надеявшийся сделать на нем карьеру. Только Бог спас отца от тюрьмы. Власти, не сумев посадить активного священника, нашли способ с ним расправиться. В газете был напечатан пасквиль на о. Александра.

Но вернемся к ново-деревенскому периоду. Мне посчастливилось войти в катехизиционную группу, которую вел сам о. Александр. Катехизаторы должны готовить желающих креститься к этому важнейшему церковному таинству. Обычно после занятий отец давал нам список литературы, которую надо прочесть. Откуда брать книги? Да из его же библиотеки.

У меня сохранился конспект беседы, посвященной личности Христа. Приведу его в том обрывочном виде, в каком он записан.

"Если у Магомета есть элементы истерии, болезненности, то личность Христа — трезвость, ни одного намека на

эксальтацию. Обаятельность: призывает учеников и сразу идет. Без конца в пути. Полон сил. Загорелый. Плотник на востоке, где мало дерева, — скорее каменщик ("тектон"). Строитель. Встает рано. Гамма слов. Нежность к матери, забота об апостолах. Чужд сентиментальности. Элементы иронии. Элементы суровости (порождение ехидны — буквально гадючие яйца, змеиное отродье). Сатана — противник. Сомнение Иоанна Крестителя. Моисей, колеблющийся в решительный момент. Будда 7 лет шел по ложному пути. Апостол Павел — все они были раздираемы противоречиями. Но Иисус не таков: каждый раз как отрубает. Даже искушаемый в пустыне. Не колеблется, ни с кем не советуется".

О.Александр мог бесконечно говорить о Христе, как о близком человеке, всякий раз находя в нем новые живые черты. В наше время, когда все слова уже сказаны и перестали работать, отец умел находить свежие и действенные слова, волнующие душу и зажигающие сердце. Вообще речь его звучала первозданно. Каждый, кто с ним общался, знает этот эффект, когда приезжаешь подавленный, удрученный, и вот он скажет несколько слов, улыбнется — и все проблемы рассыпаются в прах и сердце успокаивается, как младенец, нашедший материнскую грудь.

Однажды отец призвал меня и Сережу М. ни больше ни меньше как... окультурить московское духовенство. Пригласив нас к себе, он рассказал трагикомическую историю. Оказывается, после войны загорские хулиганы забавлялись тем, что раскачивали толпу верующих в Успенском соборе. Набитые как сельди в бочку старушки против своей воли всю службу качались взад-вперед. "И вот я, четырнадцатилетний подросток, — вспоминал о. Александр, — останавливал эти волны. Тем, что изо всех сил упирался и нажимал в обратную сторону". Он говорил, что власти создали свою волну с целью обескультурить священство. Из программы семинарии были удалены светские предметы: физика, математика, химия. В семинарию принимались юноши с хуторов, которые до окончания школы паровоза в глаза не видели. Политически они абсолютно наивны. Их тут же вербуют, 4 года натаскивают на требоисполнительство и отправляют на приход. В Москве уже появился определенный тип священника: это человек, говорящий с украинско-белорусским акцентом, далекий от жизни современного горожанина, враждебный культуре, проклинаящий христиан других конфессий. О.Александр хотел, чтобы мы познакомились с молодыми священниками и попробовали просветить их... Но воплотить в жизнь эту идею не удалось.

В ново-деревенском приходе создалась уникальная форма работы с детьми. На праздники мы ставили библейские детские спектакли. Первый музыкальный спектакль, "Рождественская мистерия", был поставлен в 1975 году на квартире у Тани Э. Осла сделали из одеяла — его "оживляли" двое детей. Стоило дернуть за ниточку — у осла шевелились уши; эти манипуляции сильно отвлекали внимание зрителей от священных персонажей. Роль Девы исполняла дочка хозяйки Олечка, а Младенец был живой — его "одолжила" для спектакля одна из зрительниц. Комнатное окно закрыли витражом: на прозрачной бумаге был нарисован интерьер пещеры и ярко светила Звезда. Второстепенные персонажи: пастухи, волхвы, жители Вифлеема, — включались в действие прямо на спектакле. Даже родители были задействованы: пели вместе с детьми, не пускали на ночлег святую Чету, прогоняя ее репликой: "Рады бы, да самим места мало!"

Принцип "вставных персонажей" сохранился и по сей день. Так на празднике Рождества в детской республиканской больнице, над которой шефствует наш приход, главные роли в мистерии исполняли дети прихожан, а пастухи и волхвы были взяты из маленьких пациентов отделения рака крови.

Вскоре после премьеры мы записали мистерию на кассету. Главную партию спела дочь известного регента Ильяна У. Каким-то образом запись попала на Запад, и, к своему удивлению, я скоро услышал нашу "Рождественскую мистерию" по Би-Би-Си. Попала она, как я узнал позже, и в российскую глубинку. Ее переписали верующие, и она звучала на праздниках в их семьях. Только они решили, что сделали это баптисты. Интересно, что на Би-Би-Си несколько изменили звучание голосов, чтобы некоторые "поклонники" детского религиозного творчества не смогли идентифицировать исполнителей.

У нас сформировался детский коллектив, и мы с автором текста Сережей Б. решили поставить новый спектакль. Приближалось 600-летие Куликовской битвы. Сережа соответствующим образом переработал житие прп. Сергия Радонежского и создал на его основе увлекательное действо. Если "Рождественская мистерия" была написана на обще-музыкальных интонациях, то действо — на интонациях знаменного и партесного пения. Премьера состоялась на квартире у Речного вокзала. Вместо декораций на задник проецировались слайды с видами природы и монастыря. Известно из истории, что преподобный духовным зрением видел ход битвы и пересказывал его монахам. В музыке

действия это выражено так: сигналы трубы чередуются с молитвой о победе. Есть там и шуточная песня. Дети с удовольствием "рычали", изображая медведя, который дружил с преподобным.

Надо ли говорить, что оба спектакля были вдохновлены о. Александром? На обоих он присутствовал и после постановки действия обратился со словом к родителям:

— Будем молиться, чтобы если не мы, то наши дети смогли стать настоящими христианами.

Признаться, мне показалось, что его речь слишком пессимистична. Я подумал, что и мы ничего...

Вскоре мне удалось сделать рок-фонограмму двух песен из действия и на одной студии записать наложение голосов.

В 1984 году был юбилей Франциска Ассизского. Мы написали новую вещь и поставили ее на одной квартире на Остоженке. Хотя жил я тогда тесно, в маленькой квартире с маленькими детьми, Господь дал удивительные идеи. Позднее, когда я переделал арию Франциска "Когда-нибудь" в джаз-вальс для трубы, композитор Ю.Саульский высоко оценил некоторые находки.

После "Франциска" на наш след вышли "любители" детского христианского воспитания. Хозяина квартиры на Остоженке начали таскать в их контору. Ему пришлось оставить любимую работу в космическом институте, где он разрабатывал советский "Шатл" — "Буран"

Когда по предложению о. Александра мы сделали четвертый спектакль — по пьесе великого князя Константина Романова "Царь Иудейский", — мы решили не искушать судьбу: записали исполнителей на кассету и этим ограничились. А жаль! Отец очень любил эту пьесу. У него дома было роскошное издание "Царя", доставшееся ему от Елены Семеновны. Сережа Б. удачно адаптировал произведение К.Р. для подростков. Ведь участники "Рождественской мистерии" к тому времени выросли, превратились в подростков.

Но отец и сам не хотел ставить нас под удар. В приходе начались обыски, людей таскали на многочасовые допросы. О.Александр считал, что наш враг — телефон. Те, кому надо, говорил он, достанут нас, как сосиски из котла: схватят одну — и потянется вся связка. И он делал выразительный жест.

Меня тоже начали выпирать с работы. В училище ходили слухи, что я участвую в подпольном христианском движении. Собирали комиссии, чтобы аттестовать меня как профнепригодного. Мой начальник получил инфаркт и ушел со службы.

Забегая вперед, скажу, что траурную арию из "Царя Иудейского" ("Пускай твои закрылись очи") мне пришлось исполнять на фестивале "Пробуждение", посвященном памяти А. Меня. Специально для этого концерта был написан такой куплет:

Пускай приют могильный вырыт,
Пускай ликует новый Ирод,
Но он обманут лживою молвой:
Ты вместе с нами, Ты — живой.

У меня начался разлад с женой, резко негативно относившейся к церкви. Отец, бывало, часами выслушивал мои жалобы, словами исцеляя боль сердца. О моей жене сказал так: "Понимаешь, поиск наслаждений — это как чесотка. Чем больше чешешь, тем больше чешется". Но и меня не освободил от ответственности. Как-то сказал одному прихожанину: "Вот Олег знает, что в разводе оба бывают виноваты".

После развода я не хотел жениться во второй раз. Отец не мог со мной согласиться. Тогда я пошутил: "Если есть невеста — женюсь". Мимо окна как раз проходила маленькая белокурая девочка. Отец показал на нее с улыбкой: "Да, есть одна девушка — вот с такими волосами" Случилось так, что его протезе действительно стала моей женой.

Пять лет длилась бюрократическая канитель с получением квартиры (наподобие той, что описана в "Иванькиаде" Войновича). Когда же, наконец, мы получили новую жилплощадь, на ее освящении отец Александр сказал: "Я так рад, как если бы сам получил квартиру"

Иногда он жаловался, что прихожане таскают его на разные премьеры как свадебного генерала, усмехался: "Берут меня в зубы и приносят". Так недавно, по его словам, принесли его на спектакль "Мастер и Маргарита", где из собачьей конуры читают текст, который он знает наизусть. Хорошо, место было рядом со стеной, и он хорошо выпался, прислонившись к стенке.

Однажды о. Александр собрал актив прихода и неожиданно выступил с такой речью:

— В нашей стране очень трудно проявить себя и реализовать свой творческий потенциал. Есть опасность сделать Церковь таким средством для самореализации. Нельзя быть профессиональным верующим. Нельзя прятать свою несостоятельность за Евангелие. Церковь не может из цели превращаться в средство...

О.Александр высмеивал людей, которые, обратившись, бросали писать диссертации и шли работать сторожами. Помню его фразу:

— Не знаю, как они там охраняют социалистическое имущество, но Церковь никогда не отвергала и не боялась мысли и знания. "Возсия... свет разума" поется в тропаре Рождества...

Конечно, мне в жизни безумно повезло. Миллионы людей мечтали бы увидеть то, что я увидел, и услышать то, что я услышал. Не сомневаюсь, что другой на моем месте, получив меньше, чем я, стал бы во много раз лучше, чем я. Слава Тебе, Господи, за безмерную благодать Твою.

Олег Степурко

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С о. АЛЕКСАНДРОМ МЕНЕМ

С о. Александром я познакомился летом 1984 г. и в течение последующих трех лет пять или шесть раз был у него дома, в пос. Семхоз, приезжая к трем и уезжая где-то около шести вечера, когда возвращалась с работы Наталья Федоровна. Правда, я много раз был и в Новой Деревне, встречался с ним в Москве, но это были короткие встречи: здесь он, особенно в последние годы, был очень занят и окружен ожидавшими его людьми.

Хотя эти часы общения оставили глубокий след в моей жизни, их, конечно, недостаточно для того, чтобы дать мне право писать воспоминания. И если я все же решаюсь на это, то по одной единственной причине: повод для нашего знакомства был не совсем обычным, и поэтому мой рассказ, быть может, добавит какие-то штрихи к портрету этого удивительного человека. В то время я переводил книгу Швейцера "Мистицизм апостола Павла", содержащую множество цитат из библейских апокрифов, и искал их русские переводы. Зоя Афанасьевна Маслей-йкова рассказала о моих затруднениях о. Александру, он дал ей микрофильмы с нужными переводами, попросил прислать уже сделанную часть работы и некоторые другие произведения Швейцера, а когда перевод будет окончен, привезти ему один экземпляр.

И вот мы с Зоей Афанасьевной стоим у калитки его дома. Не буду описывать свои первые впечатления, обаяние о. Александра, под воздействие которого я, разумеется, сразу же попал, излучаемую им доброту. Все это хорошо известно. Разговор быстро перешел на Швейцера, а тема эта, как мне представлялось, не очень подходящая для обсуждения с православным священником. Известно, что Швейцер, определяя христианство как мистицизм единения с Христом, требующий полной самоотдачи Ему и Его делу, считал исторического Иисуса человеком, убежденным, что конец этого мира (который Он представлял Себе в соответствии с позднеиудейскими эсхатологическими ожиданиями) — дело ближайших дней. Это весьма далеко от православной христологии; кроме того, я уже прочел книгу о. Александра "Сын Человеческий", где он недвусмысленно говорит, что концепция Швейцера неприемлема для христианского сознания. Однако во время этой первой встречи речь шла только об апостоле Павле. О. Александр сказал, что в посла-

ниях апостола Павла еще много неясного, например, до сих пор ведутся споры об истолковании многих мест Послания к римлянам. Я спросил о его отношении к швейцеровской концепции этого Послания. Он ответил, что концепция Швейцера кажется ему все-таки слишком жесткой, и я счел за лучшее не углубляться в эту тему.

Но уже при второй или третьей нашей встрече, прочитав книги Додда и Еремиаса (которые он же мне и дал!), я осмелел и перешел в наступление. Я сказал, что трактовка Доддом слов Иисуса "Не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий" (Матф. 10: 23) как действительно исполнившегося пророчества искусственна, что такого же мнения придерживается и Еремиас, и что книга последнего, хотя он этого явно не говорит, фактически подтверждает точку зрения Швейцера. О. Александр внимательно выслушал все это, но, против моего ожидания, не стал спорить и сказал: "Но ведь та или другая трактовка не предопределяет однозначно наши религиозные представления о Христе!" — и я, подумав, согласился. Он произнес всего несколько слов, но как это было сказано и, главное, как был воспринят мой ответ! Его тон был полуутвердительным, полувопросительным, в голосе не было ни малейшего оттенка поучительности. И когда я пробормотал что-то вроде: "Да, вы правы", — его лицо буквально просияло! Он радовался за меня, что я понял, что ему не нужно ничего доказывать, что в наших отношениях не будет этого "камня преткновения", — и это далеко не все из того, что я почувствовал в его взгляде и улыбке, но, к сожалению, не могу здесь описать, не обладая даром слова.

Мне не раз приходилось слышать о терпимости и о широте взглядов о. Александра. Но ведь терпимость — это всего лишь готовность терпеливо переносить инакомыслящего. У него же было нечто совсем иное: дар почувствовать и понять душу другого человека, а поняв — полюбить его таким, каков он есть, пусть и не соглашаясь с ним. Так, он говорил мне, что всегда относил Швейцера к типу людей, словно вырезанных из одного куска прочного материала, но сейчас, перечитав его "Автобиографию", понял, что дело не в какой-то особой цельности его натуры, а в "закрытости" этого человека: сомнения, слабость, тревоги, страдания — все это есть, но остается как бы за кадром.

Он считал совершенно недостаточными религиозные установки Толстого и даже говорил мне, что его религия ближе к буддизму, чем к христианству. Но я видел, что он сочувственно относится к моим попыткам доказать, что в христианстве Толстого много ценного, что к нему были не-

справедливы. С интересом расспрашивал он меня о вышедшем незадолго до того фильме о Толстом Сергея Герасимова. А когда я как-то сказал, что, начав изучать религиозные воззрения Толстого и их эволюцию, понял, что этому можно посвятить всю жизнь, он ответил, что это действительно так, что следуя за высоким духом, мы возвышаем и наши души.

Да и вообще я заметил, что люди как таковые интересовались о. Александра больше, чем отвлеченные идеи. Он часто приводил подробности, которые мне поначалу казались несущественными, но чувствовалось, что ему они каким-то образом помогают многое объяснить в человеке. Помню, когда я восхищался книгой Еремиаса "Притчи Иисуса", он тоже сказал что-то одобрительное и неожиданно добавил: "Он был очень некрасивым человеком". Он любил рассказывать об о.Сергии Желудкове, о Надежде Яковлевне Мандельштам, о Тарковском в его школьные годы (они учились в одной школе). А с какой радостью говорил он о том, что, работая над Библейской энциклопедией (которую называл "словарем"), нашел сведения о некоторых русских богословах прошлого столетия и об их трудах, которые, в противном случае, могли оказаться навсегда забытыми. И сколько сил и времени он потратил на разыскание фотографий многих и многих людей, о которых писал в Словаре!

Но и слово "широта" кажется слабым и недостаточным, когда я думаю об о. Александре. Я не видел ничего удивительного в том, что он хорошо относится к другим религиям и очень высоко ставит их выдающихся представителей, как, например, Ганди — ведь он считал эти религии этапами на пути к христианству. Была у него, разумеется, и иная широта — та, которая выражена в словах Христа: "Кто не против вас, тот за вас" (ЛК. 9:50). Мне же хочется сказать о другом. Во время одной из наших первых встреч речь зашла о Гоголе, и он сказал, что у него есть две любимые эпохи в истории России: первая половина XIX века и начало XX ("серебряный век" русской культуры), что он всегда с удовольствием читает все, относящееся к этим временам. И добавил: "Мне это совершенно не нужно для работы или для каких-то других дел — просто для души!" Эта "незаданность", "нефункциональность" казалась мне едва ли не самой удивительной чертой о. Александра — человека, глубоко сознававшего свою миссию и дорожившего каждой минутой и секундой отпущенного ему времени. Очень скоро я обнаружил, что наши встречи, собственно говоря, не носят делового характера. Собирая материал для Словаря, он попросил меня сделать несколько рефератов из книги Швей-

цера "История исследований жизни Иисуса" Разумеется, он вполне мог обойтись без них, особенно когда у него появилось английское издание этой книги. Мне кажется, он "заказал" мне эту небольшую работу просто для того, чтобы я чувствовал себя свободнее, находясь как бы "при деле". Он видел, какими жадными глазами смотрел я на книги в его кабинете, в том числе и на те, которые, быть может, не так интересовали других его гостей, и испытывал несомненное удовольствие, показывая их мне и давая читать. Перед тем, как написать эти строки, я попытался вспомнить, какие же книги я брал у него. Получился список почти из 30 наименований: от "Четвертого Евангелия" (не помню автора, кажется, Браун) до "Петербурга" А.Белого (в красивом издании, с золотым тиснением на корешке) и от Л. Шестова до переписки о Сергия Желудкова. (Однажды я довольно бестактно рассказал ему, в какой ужас пришел один мой знакомый книголюб, узнав, что я даю читать тома из брюссельского собрания сочинений Вл. Соловьева. Он засмеялся и сказал, что книгами, которые у него взяли и не вернули, можно было бы заполнить большой шкаф от пола до потолка.)

Последние два года, зная о его занятости, я уже не решился без крайней необходимости отнимать у него время. Но странное дело: даже не видя его, я ощущал как будто бы исходящую от него духовную поддержку. Когда в своих статьях и выступлениях он цитировал Швейцера или упоминал о нем, я был почти уверен, что при этом он вспоминал обо мне. От одного только сознания того, что в моей жизни есть этот замечательный человек, что я всегда могу увидеть его, обратиться к нему и, если понадобится, что-то сделать для него, жизнь приобретала новый смысл, становилась ярче и богаче.

В конце 1989 г. я попросил его написать послесловие к швейцеровскому сборнику. Он охотно согласился. Но я видел, как с каждым месяцем уплотняется его время, он просил меня подождать сначала до Пасхи, потом до лета. Наконец в издательстве назначили последний срок, и я решил, что ничего не получится: у него оставались считанные дни до отъезда в отпуск, и каждый час был расписан. Но через несколько дней после его отъезда мне передали желанное послесловие. Не знаю, как и когда он смог написать его — наверное, ночью, за счет и без того коротких часов сна. Видимо, это была одна из последних его работ. Наверное, все, кто его знал, получали от него неизмеримо больше, чем он от них, и сейчас я испытываю запоздалое раскаяние, что не сделал для него даже того малого, что было в моих силах.

Однажды, года три-четыре тому назад, мне захотелось его видеть и я поехал, без всякого повода, в Новую Деревню. Увидев меня, он, как всегда, приветливо поздоровался и сказал: "А я как раз сегодня думал о вас!" — и, видимо, прочитав на моем лице некоторую растерянность (я не был в Новой Деревне месяца два), с милой улыбкой "объяснил": "Это со мной бывает". С тех пор я видел и слышал его много раз: на лекциях, которые он читал с таким блеском, в храме, в деловой обстановке. Но когда я сейчас вспоминаю его, я прежде всего вижу эту улыбку и слышу обращенные ко мне — ко мне одному! — слова: "Это со мной бывает!"

Александр Чернявский

УРОК НА ПРОЩАНЬЕ

Последний раз я видела отца Александра за неделю до его гибели. Меньше чем за неделю. Он умер на рассвете девятого сентября в воскресенье. А то, о чем я хочу рассказать, происходило в предыдущее воскресенье, днем, в одном из небойких ДК, где к его услугам вот уже два года был огромный зал, обычно полный слушателей. ДК МЗАЛ — Дом культуры Московского завода автоматических линий на Подъемной улице и стал известен благодаря меневским лекциям.

Большой цикл, посвященный русским религиозным философам, заключала лекция о матери Марии. В миру Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, бестужевка, поэтесса — единственная женщина, которая была допущена к негасимому костру высоколобых мыслителей. Почему Мень закончил учебный курс рассказом именно о ней? Выдающихся философских сочинений за ней вроде не числится. А те, что есть, не изданы на Родине, иные вообще не опубликованы. В нынешней журнально-газетной "обойме" христианских персоналистов имени ее нет. Философское наследие ее невелико. Сильна она была другим: философствовала жизнью, каждое слово Христова завета старалась сделать поступком...

Может быть, задумывая чтение, он вспомнил, как загорелась я желанием писать поэму о матери Марии лет этак восемь назад, как жадно выпрашивала его о своей будущей героине, как ссужал он меня необходимой литературой, как долго вынашивала я свое детище и наконец написала и отдала, прежде всего, на его суд?..

Что-то подобное он сказал мне. Как всегда, на ходу. Самое важное он говорил на ходу, вскользь, легким ненапористым голосом. Обладая чрезвычайно интенсивной натурой, он был очень тактичен в общении. Не давил, а касался, не заставлял, а предлагал, оставляя за собеседником право отвергнуть. Свое соображение. Свой совет. Свой образ мыслей. Свою философскую систему. Свою интуицию... Что Бог — это любовь, помнят почти все. Что Бог — это свобода, мы то и дело забываем. И начинаем требовать от ожесточенных современников милосердия, добротолубия, бесстрашия, благородства, веры в бессмертие души. Хотя спасти против желания нельзя. Ни отдельную личность, ни страну, ни весь мир...

Справедлива мысль священника Сергия Желудкова, что в наше время "только личная" жизнь во Христе "может

быть достойной проповедью о Христе". Но прожить такую жизнь дано немногим. Отец Александр был одним из них.

Лекция о матери Марии, запланированная на май, не состоялась в срок из-за отъезда лектора за рубеж. Второе сентября он назвал сам. Подтвердил через нескольких общих знакомых свою просьбу, чтобы после его слова я прочитала отрывок из поэмы "Мать Мария". Сам назначил мне и всем тем, кто присутствовал на сцене и в зале, последнее свидание.

Наверное, оттого, что встреча оказалась прощальной, каждый момент того воскресенья впился в память. Любая мелочь быть таковой перестала. Все важно, все значительно. Из жестов, слов и даже тишины складывается напутствие отца Александра нам, слушателям, нам, духовным чадам, нам, наследникам. И лично мне...

Мень слегка опоздал. Это с ним бывало, особенно последнее время. Но, когда представишь себе его почти ежедневные маршруты: от Семхоза до Пушкина электричкой 40 минут, от Пушкина до Москвы — столько же, а неуловимые такси, а улиточный городской транспорт, а громоздкие метропереходы, а дорожные непредвиденности на пути туда и обратно, — удивись, что опаздывал так мало, что всегда являлся, порой — при плохой организации — в пустую аудиторию. Мне, например, известно два таких случая.

Только потом узнали: ехал в ДК, отслужив литургию в Сретенском храме, открыв воскресную школу для пушкинских ребятишек, то есть после двух ответственных работ.

Пока Меня не было, мы за сценой перезнакомились или углубили старое знакомство. А Ардашникова пришла прочитать стихи Е.Ю. Кузьминой-Караваевой. А Безносков — рассказать об ее поэзии. Из Юрѳки, что под Анапой, приехал В. Грехно, директор школы и основатель школьного музея уроженки тех мест Елизаветы Юрьевны. По просьбе отца Александра почтил нас своим присутствием сотрудник французского посольства в Москве А. Аржаковский, внук отца Димитрия Клепинина... Отец Димитрий был приходским священником в Лурмельской церкви при убежище для русских эмигрантов, организованном матерью Марией. Один из ее помощников писал о нем так: "...из опыта с отцом Димитрием я могу спокойно утверждать, что Бог может говорить и через человека. Из опыта с ним я понял, какую огромную духовную, душевную, моральную помощь может оказать другим человек как друг, товарищ и духовник". Священник разделил трагическую судьбу Кузьминой-Караваевой. Она погибла в Равенсбрюке, он — под Бухенвальдом.

Читая об отце Димитрии Клепинине, я думала об отце Александре Мене: та же полная отдача себя — людям...

Появление Александра Владимировича всегда прибавляло тепла и света. Это ощущалось физически. В черной ниспадающей рясе, с крупным крестом на груди в виде распятия, быстрый, но внимательный ко всему и ко всем, уместный в любом собрании, он вносил с собой не ветер, а свежее дуновение чего-то высшего и лучшего, чем окружающий мирок. Так было и на этот раз. Так, да не совсем так... Вот он вошел в артистическую. Отразился — широкой спиной и сильно поседевшим за последнее время затылком — в стенном зеркале. Поздоровался сразу со всеми. Не тотчас, как бы поднатужившись памятью и наконец осознав, кто перед ним, горячо обнял Грехно. Видимо, связь была почтовая...

Мне бросилось в глаза, что он печален. За десять лет знакомства я видела его в таком состоянии второй раз. Накладывать свою паству бодростью — был еще один добровольно взятый им на плечи крест. Уныние, как известно, христианами считается грехом. Питательным бульоном, где охотно разводится всякая нечисть. Отец Александр постоянно воевал с нашими упадническими настроениями, разгонял уныние без устали. Чем? Верой в тебя, толкового, одаренного, волевого, вот только сегодня слегка сбитого с панталыку, ненадолго упавшего духом... Чем еще? Любостью. Заинтересованностью в оптимальном, а не обратном варианте твоей судьбы. Фатализм он отвергал. Сидеть у моря и ждать погоды — это было не в его вкусе. Вот же перед тобой, указывал он, многообещающая дорога — иди по ней! Ах, трудно? Легко выдувать мыльные пузыри, но они тут же лопаются. Найди в себе силы подвинуть себя именно на трудный путь — только идя по нему, ты соберешь обильный урожай. Это получится не сразу, вооружись терпением. Но иди — Господь поможет, если всерьез решишься...

Так оно и получалось. Знаю это и по себе, и по другим духовным чадам Меня.

Полтора года назад, когда я впервые, кажется, увидела отца Александра как в воду опущенным, причиной была глазная болезнь его жены Натальи Федоровны, лежавшей тогда в больнице. Так, во всяком случае, я считала. Поэтому, стоя рядом с ним за кулисами ДК МЗАЛА, я спросила о здоровье Наташи, об ее глазах. Он ответил буквально следующее: "Она прекрасно выглядит, хотя с глазами неважно..." И еще пара нежных фраз по адресу жены.

Этот "полный" ответ удивил меня. Ведь я спрашивала только про глаза. Может быть, предчувствовал свой уход?

Знал, что не пройдет и семи дней, как любимая жена горем своим, слезами своими превзойдет все сокрушения его прихожан, его читателей и почитателей? И надеялся, что я передам ей эти слова — слова, говорящие о неувыдаемой силе его чувства?.. Я передала.

Потом он спросил о моей дочке. Молодые были у него на особом счету. Знал мою Сашу с ее шестнадцати лет. Вел, как и меня. И под конец осведомился, куда привел...

Услышав, что книгу моего мужа отметил сочувственной рецензией Лев Аннинский, порадовался: "О, Лева Аннинский!"

Благодарю Господа, что в этот прощальный миг личного общения с отцом (так мы его называли) не заговорила о своей персоне, не похвасталась жалкими приобретениями, эфемерными успехами. Как стыдно было бы вспомнить об этом!..

Вышли на сцену. Мень сел за низкий столик (для записок), мы не кучно, а скорее вразброс расположились на некотором отдалении. Читая лекцию, он всегда ходил по сцене. Он привык размышлять на ходу. Шпаргалок не было. Заготовок не было. Цитаты, стихи — все в голове.

Я взяла бумагу, сложенную вчетверо, шариковую ручку и стала записывать. Я не подозревала, что следую за его живой мыслью в последний раз, что сказанное сегодня останется со мною как урок, как укор, надолго, навсегда.

Великолепный рисовальщик, Мень изображал мать Марию и ее окружение точными острыми штрихами, обращая к слушателю то одной, то другой стороной, не упуская из виду временной перспективы. Два невидимых циферблата повисли в воздухе: на одном — сей час, на другом — вечность.

Девушка, почти девочка, в которую был влюблен Гумилев, которой посвящал стихи Блок (по ходу рассказа Ардашникова прочитала "Когда вы стоите на моем пути" и "Она пришла с мороза раскрасневшаяся"), была особенной девочкой. Об ее особенностях речь впереди. Пока же — о другом. Упоминание о Блоке и Гумилеве дает возможность сказать о "серебряном веке" нашей культуры. Мы, говорит Мень, оглядываемся на него с восхищением, но было там много разного... Из народа было сделано божество, причем под народом понималась не мыслящая часть общества, не интеллигенция... Он четко разделял "народ" и "массу", предостерегал от смешения двух как будто близких понятий, постоянно повторял, что народ осознает себя только в лучших своих представителях.

Член партии социалистов-революционеров, вместе с молодежью того времени Елизавета Юрьевна звала бурю,

готовила террористический акт. Потом в Париже встретила того, кого должна была убить. Покаялась. Злом добра не достигнешь — понимание этого стало основой всего остального.

В эмиграции окончательно сформировалось ее христианское мировоззрение. Страдание мира стало тем, что должно искупить. Никто в XX веке так внутренне не пережил тайну Гефсиманской ночи, тайну сопричастности страданиям, как она.

А вот и ключ к ее "особенности", который, немало прочитав о матери Марии, я как-то выронила из рук... Она опиралась на идею Владимира Соловьева о богочеловечестве. По Соловьеву, мир — это падшая природа, она извращена, но создана Богом. Матери Марии было присуще христианское ощущение жизни: да, жизнь запачкана, но нельзя от нее уйти, необходимо освятить, поднять то, что втоптанно в грязь.

Тут я вспомнила, как неодобрительно отзывался отец Александр о модном в недавние времена "эскапизме", когда кандидат наук, скажем, уходил в сторожа, в лифтеры, отгораживался от насущных забот и дел, вкушал нирванический покой и сон, хотя все кругом взывало о его соучастии. Он учил другому: как можно лучше делать то, к чему ты призван, оставаясь в своей среде, по возможности делая ее светлее, чище, дружественнее...

"Выбрать келью под елью" мать Мария не захотела. Ибо считала, что социальная деятельность, забота о ближнем есть долг христианина и церкви. Все умела делать. Когда человек просил хлеба, давала ему хлеб, а не Священное писание.

Ее ненавидели ханжи...

Дважды, разными словами, Меня сказал, а я автоматически записала, не думая, что это его завещание: "Служить людям надо полностью, до смертного конца". И: "Крест Христов — не просто знак, который мы носим. Это полная отдача себя".

Призыв "взять все!" привел к крушению. Когда же учатся отдавать, выполняется заповедь Христова...

Я слушала отца и думала о реакции зала, знакомых и незнакомых, неофитов и продвинутых учеников. Мы — особенные люди, "гомо советикус". Высокие слова отскакивают от нас, как горох от стенки, — ведь мы столько раз были ими обмануты.

Почему же на лекции Меня народ не шел, а валом валил?

Думаю, тайна скрыта и в его могучей личности, и в отношении к личности каждого, кто раньше или позже попа-

дал в его орбиту. Именно "собственная жизнь во Христе", подвижническая, бескорыстная, а теперь и "собственная смерть во Христе" привлекают и будут привлекать к нему опустошенные, одинокие, но не окончательно погасшие сердца.

Что же касается его любви к многочисленным духовным чадам и просто людям, тянущимся к свету, то тут разгадка и сложнее, и проще. Как и другие христианские персоналисты (Бердяев, Булгаков, Федотов, Франк, мать Мария и пр.), он ставил личность каждого человека на ту высоту, которую ей дал Сам Создатель. Не случайно, думаю, этими словами он закончил свою лекцию о матери Марии.

Судьбе было угодно, чтобы я простилась с отцом Александром Менем не по-житейски (я так и не сказала ему "до свидания" в тот день), а стихами из моей поэмы "Мать Мария".

Позволю себе привести несколько заключительных строк. В эпиграфе — воспоминание узницы Равенсбрюка С.В.Носович: "Все мы там будем", — сказала она, показав на дымящуюся красным пламенем трубу крематория. Я по глупости стала ее успокаивать. Она с изумлением и грустью посмотрела на меня".

Поэма написана как монологи моей героини.

Кому кадила, грозная труба?
Диктатору? Он смят народной волей.
Ты — как победоносная тура
на брошенном кроваво-черном поле.
Опять остался ход за князем тьмы.
Он все страдает головную болью,
отвлечься хочет, поиграть с детьми,
тем паче, что играл с самим собою.
Был лексикон его: "Молчать!", "Не смей!" —
теперь он человечней, современной.
Страшна не смерть — страшна худая смерть:
во лжи, во зле, а пуще — в ослепленье.
Кто мучил нас, о тех я ни гу-гу,
мне неизвестны бездны преисподней.
Но мы, страдальцы, утверждать могу, —
не лагерная пыль, а прах Господний.
Всяк был из ниоткуда взят, возник
смешным путем — счастливая идея!
Не проще ль Мастеру отлить двойник,
уже имея форму для изделия?
Тьмы жен и дев, тьмы тьмущие мужей, —
я счет невинным жертвам потеряла, —

воздвигнуть нас из праха — неужель
у Господа не хватит материала?
Мы потечем могучею толпой,
нешумной, некичливой, непарадной,
которая не утлый шар земной —
все мирозданье препояшет правдой.
О, мы — свидетели таких времен,
что сонмы бестелесных сил заменим,
и вострубим, и наш прейдет эон,
и это будет первым Воскресеньем.
...Что ждет живых, о том я умолчу.
Немного проку путь свой знать заране.
Из благ земных жалею лишь свечу,
и не в божнице — на каштане.

Тамара Жирмунская

ВСЕИСЦЕЛЯЮЩЕЕ СЛОВО

*"Не трава, и не пластырь
врачевали их,
но Твое, Господи,
всеисцеляющее слово".*

(Прем. 16. 14.)

Это было в 1969 или 70 году. Я училась на Высших курсах сценаристов и режиссеров, и режиссер Михаил Калик привез нам свой фильм "Любить", который он только что снял и судьба которого внушала ему опасения из-за неприятия киношных чиновников. Он надеялся, что обсуждение на Курсах будет ему чем-то полезно.

Фильм состоял из четырех новелл о любви. В промежутках были вставлены интервью: со студентами на Ленинских горах, с прохожими на улице Горького, с московскими интеллектуалами и со священником. Прохожие и студенты отвечали на вопросы о любви кто как мог; интеллектуалы, утопая в табачных облаках на фоне кольчуг и секир, поблескивая лысыми и очками, изощрялись в сложных и остроумных построениях. А молодой, очень красивый, совсем не такой, как в книгах писателей XIX века, и не такой, конечно, каким нарисовала бы атеистическая пропаганда; судя по речи и манерам, — хорошо воспитанный и с большой эрудицией священник говорил такие глубокие, совершенно неожиданные, нигде прежде мною не слышанные вещи, что я боялась перевести дыхание — пропустить хоть слово. Он ходил в развевающейся черной рясе между кустов цветущей жимолости. Фоном было небо с легкими белыми облаками, быстро летящими над черными кудрями необыкновенного батюшки...

Я подумала: "Этот человек живет где-то близко, наверное, в Загорске, ходит по одной со мной земле... Если бы с ним поговорить, все мои проблемы разрешились бы, я бы поняла, как мне жить, что главное... Но где же его искать? Ехать в Загорск и заглядывать в лица всем встреченным священникам?" К режиссеру Калику я не могла подойти с вопросом, его окружила плотная толпа, и я стеснялась прилюдно спросить: "Где найти мне священника, который говорил о любви?"..

Через год я попала в костно-туберкулезную больницу, пролежала там пять месяцев. Там я познакомилась с христианками — простыми женщинами, верующими так иск-

ренне и по-детски, что их вера меня глубоко тронула. Они мне дали прочитать Евангелие. Чтение меня потрясло. Я не сомневалась, что все, что здесь написано — БЫЛО на самом деле, что это — не книга, а запись воспоминаний. Мне стало ясно, что я хочу быть со Христом.

Уйдя из больницы, я крестилась.

У меня не было не только духовного руководителя, не было даже человека рядом, который мог бы связно ответить на простой богословский вопрос. К кому я могла обратиться? Я стала просить помочь мне Святителя Николая. Его образок подарила мне однажды незнакомая слепая крестьянка. И я привыкла разговаривать с ним, даже мысленно обсуждала с ним разные свои проблемы. Обстоятельства складывались потом так, что я получала как бы ответ на все мои вопросы, а просьбы выполнялись неукоснительно, к моему величайшему изумлению. Так я стала считать Святителя Николая своим покровителем, полюбила его, у меня возникло ощущение, что я его знаю. И вот, на просьбу найти мне духовного руководителя я получила такой отклик: неожиданно попала в дом к своей дальней родственнице, с которой не была знакома прежде, и в ее семейном альбоме вдруг обнаружила фотографию того священника, которого видела три года тому назад в фильме "Любить" и встретить которого так мечтала...

Моя родственница оказалась прихожанкой отца Александра!

И вот я в маленькой церкви в Новой Деревне. Отец Александр взглянул на меня во время службы пристально. Тогда приход был еще невелик, и он сразу замечал новые лица. Он оказался таким же, как в фильме. Очень живое, одухотворенное лицо. Очарование таланта, красоты, ума, доброты... О его высокой духовности я тогда не могла догадываться, но она светилась в его взгляде, звучала в его глубоком и сильном голосе, в нем не было суеты, ничего мелкого, второстепенного. Именно о таком руководителе я мечтала. Сколько искала по церквям! Но один казался елейным, другой — дремучим, третий священник говорил косноязычно, сухо, как чиновник, четвертый был слишком властен, пятый — груб с людьми...

Мне сразу понравилось, что двигался отец Александр стремительно, речь его заражала энергией даже вялых людей. Человека, который становился прихожанином отца Александра, отец не старался обаять, очаровать, хотя сделать это ему ничего не стоило. Он просто сразу начинал этого нового прихожанина любить, деликатно участвовать в его жизни, помогать расти духовно.

Но бывали случаи, когда в прихожанине, в которого отец уже вложил много труда, с которым возился, занимался, на которого возлагал надежды как на ученика и помощника, вдруг просыпался "эдипов комплекс", и он начинал враждебно относиться к отцу, уходил от него и поносил публично. Прибывались люди, плавающие как щепки, по поверхности всяких знаний и мод. Им "труд упорный был тошен", и они уплывали. Возникали и исчезали те, кому нужен был другой руководитель, с другими качествами...

Сразу, как окончится в церкви служба, я шла в маленький церковный домик. Там были два микроскопических кабинета для священников, где они могли бы передохнуть перед службой или переночевать, и небольшая комната для певчих с длинным столом, похожая на маленькую монастырскую трапезную. В этой комнате прихожане, ожидающие, когда отец Александр сможет с ними поговорить, могли попить чаю. Здесь все и знакомилось, обменивались книгами.

Некоторые ожидающие сидели на стульях, кое-как приткнутых в крошечной прихожей. Это были самые подавленные, хмурые... Те, кто запутался в своих проблемах, тяжело перенес удары судьбы или утратил веру в свои силы, не смог найти места в жизни, призвания... Да мало ли у нас болезней души?

Смятый, несчастный человек скрывался за дверью, которую распахивала перед ним рука отца Александра в широком черном рукаве — дверь надежды...

Через некоторое время из этой же двери выходил совсем другой — выпрямившийся, с улыбкой тот, кто горевал только что вот на этом стуле в прихожей, сжавшись в комочек...

Узнав, что я не исповедовалась перед крещением и совершенно невежественна в вопросах веры, отец сразу взялся за мое образование, не только богословское, но и общее. Сколько редких книг из его библиотеки кочевало в моей хозяйственной сумке! Сколько я узнала и обсудила с ним вещей, о которых прежде не имела представления или располагала искаженными сведениями...

Сначала он мне предложил исповедоваться за жизнь — приезжать и рассказывать в хронологическом порядке. Но как только я стала пред иконой заунывным благочестивым голосом излагать свою печальную историю, он сказал: "Э, нет, так дело не пойдет. Садитесь в кресло и рассказывайте мне все по порядку просто как... другу. Это заменит нам долгое знакомство".

Я обрадовалась, что он уже считает меня своим другом и тут же с энтузиазмом приступила к делу. Эта "тысяча и

одна” беседа продолжалась два года! Мое повествование до- ползло только до моих двадцати лет. Оказалось, что в мою жизнь так много вместились, а он умел так замечательно слушать, что каждая наша встреча помогла мне понять не только себя, оценить не только мои собственные испыта- ния, но и узнать отца Александра, войти и в его мир. Мы оказались почти ровесниками. Он слушал, что было со мной и рассказывал, что в это время происходило в его жизни. Я повествовала об особенно драматических ситуа- циях, в которые попадала, когда я была на краю гибели и чудом избегала смерти или калечества, а он переживал, жа- лел меня и даже задерживал дыхание, слушая, и повторял: ”Это Бог спас! Это Бог не допустил...” И прежде сложный и запутанный для меня вопрос о роли провидения в судьбе человека он мне объяснял очень постепенно, сообразуясь с уровнем моего понимания.

Первым делом он подарил мне молитвенник. Я спро- сила: ”А зачем молиться чужими словами? Ведь Бог знает, что я его люблю. И главную молитву ”Отче наш” много раз в день повторяю, а так предпочитаю разговаривать с Богом своими словами”. Он сказал, что молитвы написаны вели- кими поэтами, которые имели великий духовный опыт. В них вложен не только талант, ум, вдохновение, любовь к Бо- гу, но еще и многое ЗНАНИЕ, которое мне предстоит по- стигать шаг за шагом. ”А вы знаете, как действует СЛОВО на человека”, — заключил он.

Я жадно училась, читала, спрашивала. И однажды отец строго сказал: ”Теперь вы продвинуты, пора брать группу, готовить к крещению”. Я очень удивилась: ”Неужели я — продвинулась?” Мне казалось, что я все топчусь, что мое невежество — непреодолимо, наивность не уменьшается, разве я уже могу что-то сказать людям? Но он судил по- другому...

В 1973 году, когда мы с ним познакомились, я жила в Щиповском переулке, недалеко от Большой Серпуховской улицы. Оказалось, на этой же улице жила мама отца Алек- сандра, Елена Семеновна. В первый же наш разговор он дал мне ее адрес и попросил зайти к ней.

Меня всегда поражало, как Елена Семеновна встречала проходящих к ней людей. Открывает дверь, и ее чудесное, ясное лицо в полутьме освещается доброй улыбкой... Так нежно, так любяще мне улыбалась только моя бабушка, ко- торая меня вырастила. Раскрывалась не просто дверь в квартиру, раскрывалась навстречу душа.

— Мариночка пришла! — говорила Елена Семеновна, и я чувствовала, что мой приход — подарок, радость, и сама я —

в радость... Она первыми же словами при встрече, интонацией, улыбкой, обращением утверждала в человеке его значительность...

Из полутемной прихожей, как это всегда бывает в коммуналах, где соседи ревниво следят за расходом электричества, мы входили в большую светлую комнату, в которой каждая вещь знала отца Александра маленьким, видела, как он рос...

Я расспрашивала Елену Семеновну, каким был в детстве отец Александр. Очень было интересно узнавать, как в нем формировалось отношение к людям, к разным идеям, быту и устремленность к духовному развитию... К сожалению, я не догадалась тогда сразу все записывать. Поэтому не могу ручаться за точность изложения событий. Может быть тут и путаница, и неправильная расстановка акцентов, и смещение последовательности событий. Но все же я приведу несколько рассказов Елены Семеновны, тех, что меня поразили особенно.

Двоюродная сестра Елены Семеновны Вера Яковлевна, которая окажет на отца Александра большое влияние, когда он подрастет, в то время (в 1935 году) очень мучилась проблемой, не будет ли акт ее крещения предательством веры отцов и дедов — иудаизма. В начале нашего века считалось, что быть "выкрестом" — значит приспособливаться к доминирующему большинству. Пожалуй, такое представление дожило и до наших дней — конца XX века. Вера Яковлевна любила Христа, но не решалась стать членом православной церкви. Правда, церковь в то время уже была гонимой, подпольной, креститься стало опасно, почти смертельно. Тем более — взрослому человеку, да еще — педагогу! Вера Яковлевна была логопедом. Учитель — работник "идеологического фронта", для него принадлежность к церкви недопустима. Тем более Вере Яковлевне хотелось быть со Христом, вопреки всем соображениям собственной безопасности.

Елена Семеновна с восьмимесячным Аликом на руках стояла в комнате, и вот входит Вера и начинает говорить о своих сомнениях. Вдруг Алик запрыгал на руках у матери, засмеялся и стал дергать крестик у нее на шее. Она поняла, что он не просто так его теребит, что у него какая-то цель и надо дать крестик ему в руки. Она сняла и дала ему крестик. Он расправил цепочку и потянулся к Вере. Она подошла ближе, он надел на нее крестик и радостно заулыбался.

— Ну вот, все сомнения разрешил! — сказала растроганная Вера. — Он меня благословил, и я слушаюсь...

Однажды пятилетний Алик пришел домой сияющий с прогулки и сказал маме, что Бог услышал его молитву. Он

катался с горки на санках, но прибежали большие мальчишки, грубо отняли санки и умчались куда-то. Он поплакал и стал молиться об обидчиках. И вдруг они снова появились перед ним, вернули санки и даже покатали его.

Елена Семеновна рассказывала мне, что, когда мужа арестовали, она осталась с четырехлетним Александром и двухлетним Павлом, и старший сын стал ее помощником и советчиком. Она спрашивала его мнение в затруднительных бытовых ситуациях, и он давал очень разумные советы.

Когда у меня появился ребенок, я вспомнила рассказ Елены Семеновны и попробовала советоваться с четырехлетней дочкой. Оказывается, ребенок действительно может давать дельные советы, у него уже есть здравый смысл, и он не утопает в проблеме, видит ее в другом масштабе... Если ребенок становится советчиком и другом, он быстрее внутренне созревает...

В комнате на Большой Серпуховке жили пять человек: отец, мать, сестра матери Вера и два мальчика. Никто не мог уединиться. Все были на глазах друг у друга. Вера Яковлевна сказала Александру, когда ему исполнилось десять лет, что жизнь не делится на детскую и взрослую. Она — едина, и что не успел в детстве, никогда не наверстаешь, что надо ставить перед собой серьезные задачи уже в детстве и стараться их разрешать по возможности как можно раньше.

Тогда Александр отгородил ширмой свою кровать с тумбочкой, набитой книгами, с вечера он приготавливал себе то, что должен проработать из книг и статей на следующий день, ложился спать в девять вечера, какие бы гости или интересные радиопередачи ни искушали его. Он просыпался в пять утра и, пока все спали, в тишине занимался. Вот исток его огромного интеллектуального багажа... За три часа утренних сосредоточенных занятий он успевал очень много. В 13 лет прочел Канта... Ведь он хотел быть и писателем, и миссионером, и антропологом, и художником, и священником. Его интересовала астрономия, он изучал биологию и ходил в зоопарк рисовать животных. Ему хотелось установить, как развивалось религиозное и научное сознание человека. Уже в пятнадцать лет он начал писать книгу "Сын Человеческий" — о Христе, в котором все сходится, как в фокусе...

В Новой Деревне летом Елена Семеновна обычно снимала крошечную комнатку с верандочкой в доме тети Паши недалеко от церкви. Паша была очень бедная и больная, но сердечная, добрая. Она ласково встречала всех нас — целые толпы, приходившие к Елене Семеновне попить чаю и поговорить после воскресной обедни. Лето посвящалось на-

стоящему служению людям. Я никогда не замечала ни признака утомления или раздражения у Елены Семеновны и Паши. Они были открыты каждому. Паша деликатно уходила, чтобы не мешать "умным" разговорам. Люди приезжали в Новую Деревню издалека — из разных районов Москвы, из других городов. Приходили усталые и голодные. Размещались кое-как вокруг стола и чувствовали себя родственниками, собравшимися вместе и соскучившимися друг по другу. Такие теплые, участливые были разговоры, такие интересные рассказы! В церковном домике для певчих мы не могли себе позволить быть откровенными, потому что знали, что за отцом следят, всех нас берут на заметку, и, наверное, в домике где-то вмонтированы подслушивающие устройства. Отец Александр интересовал злобещий КГБ, так как был слишком ярок, талантлив и общителен для серого общества, которое коммунисты стремились создать. Всякий талантливый, да еще смелый, да еще честный человек автоматически становился социально опасен. Слежка была плотная, все ее ощущали. И так как мы не хотели кому-нибудь навредить болтовней, старались в домике говорить иносказательно или писать на бумаге то, что подслушивающие нас могли использовать против кого-нибудь. А у Елены Семеновны можно было называть вещи своими именами и говорить откровенно. Эта непривычная нам возможность быть открытыми придавала особую прелесть нашему общению.

Освободившись от дел, приходил отец Александр, стремительный, бодрый, веселый, и сразу все приходило в движение, мирная идиллия перестраивалась на деловой лад. Отец и здесь уединялся на верандочке с теми, кто хотел что-либо сказать ему или что-то обсудить тет-а-тет. Остальные ждали своей очереди. Отец умел каждого любить особо. Когда он переводил взгляд с лица на лицо за столом, было завораживающе интересно следить за его живой мимикой.

Отцовский портфель был для многих чудесным дед-морозовским, полным подарков мешком, потому что всегда в нем было что-нибудь очень нужное, интересное, важное для каждого — и как только отец Александр помнил, что кому нужно? Содержимое портфеля перекочевывало в наши руки, а наши рукописи, книги, письма-исповеди исчезали в волшебном чреве этого портфеля.

Отец Александр умел входящих к нему преобразать — зажигать энергией, радостью. Я видела его усталым, расстроенным. Но тогда я старалась его развеселить, отвлечь. Так делали многие. И он сразу откликнулся. Страхивал с себя горечь или утомление и устремлялся навстречу человеку...

Когда Елена Семеновна умерла, она продолжала принимать прихожан отца Александра... на могиле.

Репрессии и наблюдение за отцом и за нами усилились, отцу запретили принимать нас в его кабинетике, нам запретили собираться в комнате для певчих. И в любую погоду шеренга нуждающихся в общении с отцом тянулась за ним к кладбищу. То по раскисшей, то по ледяной, заснеженной, то по покрытой жаркой пылью незабываемой дороге шли мы за ним, собирались у бедной ограды под рябиной и елкой, и Елена Семеновна, молодая, красивая, добрая, слушала нас и улыбалась нам с фотографии...

Отец Александр был всего на три года старше меня, но я его воспринимала как настоящего отца — бесконечно терпеливого, мудрого, любящего. Он меня вытаскивал из моих проблем и заблуждений, вникал в мои горести, недоумения... Я тоже старалась быть ему хоть чем-то полезной и боялась огорчить его.

Однажды, знакомя меня с человеком, которому нужна была моя помощь, он сказал о нем (за глаза, конечно, он был деликатный!): "Я его очень люблю. Смотрю на него, и сердце кровью обливается".

Сколько раз у него обливалось кровью сердце, когда он принимал исповеди у оскорбленных жен, у мужчин, которых предали, у детей, обделенных вниманием родителей, жаждущих любви, у раздавленных болезнью, бедностью, житейскими тяготами, ложью...

Годы шли, и его темные кудри все белели, белели...

Бесконечно издевался над отцом КГБ, изнурял допросами, претензиями, провокациями, шантажом, изводил слезкой.

Бывало, что у отца опускались руки, но приходили новые и новые люди, и он все начинал сначала: нянчился, учил, пестовал, укреплял, утешал, спасал...

Я его спрашивала: "А если попадешь в такую ситуацию, что тебя изводят те, от кого невозможно уйти, как в себе погасить неприязнь, желание отомстить, как не попасться в ловушки обиды?" Он сказал: "Надо думать не об обидчике, а... об Иисусе Христе. Как только мысль об обидчике прокралась в голову, гнать ее. Чаще смотреть на облака, на звезды, устанавливая в себе такую тишину, как там, в вышине. А на обстоятельства смотреть как бы издали и сверху, словно вы умерли и просматриваете свою жизнь из другого мира... Нельзя погружаться в конфликты".

Он любил мир, созданный Господом; людей, деревья, травы, животных... На одной лекции по биологии он рассказал детям, как однажды во время панихиды на столик, где

стояла кутья и лежали пряники и булочки для поминания, залез мышонки и устали глазами-бусинами на горящие свечи, замер от страха, слушая пение. Отец боялся, что служанка заметит мышонка и прогонит. Он любовался бархатной шубкой мышонка, его позой и думал, что это живое существо, сотворенное Господом, прекраснее всего, созданного руками человека: подсвечников, лампадок, фигурных решеток на окне...

На каком-то праздничном обеде у нас дома, когда за столом сидело много гостей с отцом Александром во главе, наша семилетняя девочка спросила: "А я встречу собаку Чапу после смерти? Куда улетела ее душа? У нее была душа! Она была добрая, послушная, она всех любила! Так жалко, что она умерла..."

Все засмеялись. Но отец Александр ответил серьезно, без тени улыбки, с сочувствием: "На этот счет существует две точки зрения. Первая: у животных есть душа, но нет духа, и эта душа возвращается после смерти собаки в общую "собачность" — как бы в некую собачью идею, из которой она и происходила. Вторая: мы одухотворяем все, что любим. И животные приобретают индивидуальность, благодаря нашей любви. Тогда, после нашей смерти, все те, в кого мы вкладывали часть себя, устремляются к нам... Мне лично эта версия ближе. Я хотел бы, чтобы после моей смерти мои любимые собаки встретили меня, весело размахивая хвостами..."

Он любил радоваться и радовать других, любил делать подарки. На день рождения моей дочки летом на дачном участке возле Новой Деревни обычно устраивался спектакль, и отец приходил в гости с подарком.

Я помню каждый его визит, но расскажу только один эпизод.

Отцовский прихожанин, ставший нашим другом, Володя Ерохин поставил балет "Стрекоза и муравей" собственного сочинения в один из наших праздников. Разряженные дети кружились в танце по двору. На траве лежали в живописных позах собаки разных размеров. Нежно пели скрипка и флейта. Моя дочка, перемазанная шоколадом, в короне, съехавшей набекрень, старательно танцевала, поглядывая на отца Александра. А он, нарядный, элегантный, в светлом костюме, подмигивал ей и указывал пальцем на большую коробку с куклой, лежащую перед ним на столе. Его очень веселило выражение лица девочки, разрываемой жадной поскорее броситься к коробке, достать куклу и желанием красиво протанцевать свою партию, не споткнуться о собаку, не наступить на ногу партнерше... Он заразительно смеялся, у него в глазах бегали веселые искорки.

Недавно он мне приснился. Как будто пришел ко мне в гости, сел в кресло, и мы с ним стали весело разговаривать, и он смеялся, в глазах вспыхивали те самые искорки, и он был молодой, не измученный, не седой, темные волосы блестели, он легко двигался и излучал радость...

Семнадцать лет моей жизни было связано с ним! Он познакомил меня с моим мужем, обвенчал, он крестил ребенка, освятил мой дом, служил панихиды по моим родственникам, он меня соборовал, когда я болела, он вникал в мои работы, редактировал, благословлял, приезжал в гости, принимал у себя дома, разрешал сомнения, исповедовал, поддерживал, давал деньги взаймы и не принимал долг, он меня причащал...

Я с ним простилась, когда его опускали в землю, но я слушаю его голос на пленках, и он присутствует в моей жизни так же ощутимо, как прежде. Я его слышу, вижу на фотографиях, вспоминаю, встречаю во снах, читаю его статьи и книги... Только я скучаю по его улыбке, стремительной походке, по его материальному присутствию...

Было одно страшное лето, когда казалось: вот-вот мы его потеряем. Его без конца, чуть ли не каждый день вызывали в КГБ. Иногда вызов приходил из Патриархии, но встречал его там какой-нибудь чин с Лубянки. Прошло несколько обысков в церковном домике и в доме отца в Семхозе. Напряжение нарастало. И у нас складывалось впечатление, что так просто это все не сойдет на нет, что-то плохое случится...

Однажды, в жаркий день, когда прошла литургия, требы, состоялись встречи у могилы Елены Семеновны, и все разошлись, я сидела на даче с ребенком, и вдруг мне стало тяжело от мысли, что ОНИ дождались, когда все разойдутся, отец останется один, придут, арестуют его и увезут, как это у НИХ принято! Они стремятся совершать свои злодеяния без свидетелей. От этих тревог я не могла усидеть в тишине и покое, тоска меня точила, и я побежала к церкви. Было душно, как перед грозой, пыльно, над травой висела мгла. У магазина наискосок от церкви стоял большой военный грузовик, и солдаты кого-то молча ждали в кузове.

"Это за ним!" — испугалась я окончательно и припустила что есть духу к церкви.

Возле нее было пусто, тихо. Среди двора стоял отец и улыбался мне.

Я сказала: "Я так боялась, что вас забрали! Они ведь могут организовать покушение, "несчастный случай"... Страшно оставлять вас одного".

"Как раз пока они меня пасут, не надо ничего опасаться, — сказал отец. — Им невыгодно сейчас меня убирать"

В то тяжелое время я писала большую повесть о старике, который прожил бестолковую бесплодную жизнь, и перед самой смертью ему открылась духовная жизнь, и он в нее погрузился, стал открывать все новые и новые ее возможности и глубины... Эту вещь невозможно было напечатать, даже писать ее было опасно. Но отец Александр говорил: "Пишите, не думайте пока о судьбе своей работы. Я знал много блестящих людей, которые рассказывали друг другу сюжеты задуманных вещей, идеи статей, исследований. Они надеялись, что, может быть, когда-нибудь придет время и они смогут все записать... Но их жизнь окончилась, и где все эти замечательные замыслы? Слова растаяли в воздухе... А Солженицын, у которого вообще не было никакой надежды увидеть свои труды изданными, которого всюду подстерегала опасность, сидел и скрипел пером, не смотря на слежку, угрозы жизни... И разве это не чудо, не награда, что его идеи живы, книги читаются, и он может работать свободно?.."

И вот прошло шесть лет.

В сентябрьское воскресное утро я ходила с приехавшими ко мне неверующими гостями в лес. Возвращались мимо церкви, и гостям захотелось рассмотреть поближе маленькую деревянную церковь. Мы вошли за ограду. Почему-то около церкви было непривычно пусто. Казалось, что ветер метет по земле, день словно нахмурился. Заплаканные женщины сидели на скамьях.

Я закричала:

— Что случилось?

Мне ответили:

— Отца убили.

Вот и совершилась эта потеря, когда ее никто не ждал, когда казалось, что дышится легче.

Осознавать эту потерю все больнее и больнее. Почему-то время не лечит...

Марина Вехова

"Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою"

Пс.50:17

Сегодня сорок дней с сороковин.

Два переходных времени. Его души — на небо, и моей — к жизни на земле без него. Вспоминаю и думаю. Плачу и молюсь. О нем и ему. И за всяким случаем, шуткой его, за всяким мигом общения с ним, словесного или молитвенного, — встает он сам в такой полноте духовной, в такой жизненной необычности... И простое, ясное во мне понимание: этого всего Александра Владимировича Меня, отца Александра, моего крестного и духовного отца, просто — отца, — мне не объять. Ни моим слабым духом, ни бедным умом, ни эгоистичным сердцем, ни, тем более, словами, которые я боюсь вынимать из глубины души, чтоб они не высохли, как медузы, на поверхности бумаги.

Жить надо по-другому, чтоб иметь право писать о нем.

— Пишите. Само писание будет вас поднимать, — сказал мне на исповеди отец Александр Борисов. Сегодня я начинаю этот подъем.

Благословите меня, как прежде, отец!

Как приятно писать: отец. Я долго называла Вас Александром Владимировичем, потом обращалась так по житейским вопросам, а по внутренним и на исповеди — отец Александр. Только несколько лет назад выговорила это заветное "отец". Как все в приходе. Я стала его членом, да? Но главное не это, я знаю. Вопросы житейские перестали существовать для меня вне Бога. Кончилось мое раздвоение. Раздирание души совестью и честолюбием, долгом и эгоизмом. Вы привели меня в дом Целостности, да?

Как-то я спросила, как *жить* с Богом, если утром, только встав, хочу лечь обратно, чтоб не делать противного мне, чем я занимаюсь, пытаюсь устроить свои дела. Он сильно забрал мою сжатую руку в свой кулак и развернул меня к алтарю: "Утром молитесь так: Господи! Пусть все дела мои сегодня будут во Славу Твою, пусть все мысли и желания мои сегодня будут по воле Твоей. Молитесь, чтоб стало здесь горячо," — в другой руке у него был нагрудный крест, и он энергично прижал его к груди там, где горячо. Потом, откинув голову свойственным ему движением чуть

вбок, задорно и хитро взглянул на меня. Я поняла: "Как? Просто ларчик открывался?" Увидев, что я поняла, он пробил крестом воображаемую преграду: "И — *вперед!*"

Я слышу Ваш голос, а вижу почему-то угол Тверской и Пушкинского бульвара, солнечный свет над Москвой и свое веселое бесстрашие перед тем, что мне тогда предстояло.

Пусть дело мое, Господи, будет во славу Твою.

Пусть мысли и желания мои будут по воле Твоей.

Я, как Вы, отец, делаю ударение на Твою и Твоей. И жарко в груди. И — вперед!

27 ноября 1990 г. Москва.

Порог есть начало дороги.

В воскресенье вечером раздался телефонный звонок. Неестественный голос сказал: "...Нет больше с нами отца Александра. Сегодня утром его убили." Остального текста не помню. До глубокой ночи разрывали страну наши отчаянные телефонные звонки: убили! убили! убили!..

Утром десятого мы с мужем уехали в Деревню*

Двери храма были открыты. Люди ходили по церковному дворику, собирались в кружки. Говорили тихо:

— ...топором сзади... по голове... без сознания, а шел обратно, домой... у калитки в луже крови лежал...

— ...врачи сказали, боли не чувствовал... удар был в мозг... он как под наркозом.

— ...жена слышит, хрипит кто-то, булькает... не узнала, думала, пьяный валится в калитку... приехала скорая, а она: "Я его не знаю" ... психический шок... ...ей говорят: "На носки, на носки смотрите. Его?" ...

— ...все следы в лесочке видны. Кровь в них и сейчас стоит... На калитке руки его кровью отпечатались...

— ...что ж он не сказал про эти письма, угрозы, — не оставляли бы его одного...

— ...да с ним всегда кто-нибудь, но кто ж думал — в семь утра! на дорожке к станции, светло, люди к поезду должны же быть!...

— ...когда-то сказал, что хочет умереть один...

Я вспомнила, что год (или два?) назад он проделал трехчасовую дорогу из Семхоза до клуба в парке, в Москве, чтоб отвечать на обычные вопросы очередных "жаждущих" двадцати человек. Назавтра у него должна была быть лекция неподалеку от этого "красного уголка". Я разозлилась, что мы, видите ли, не могли пойти сразу в клуб, где нас было бы полтысячи таких, очередных и жаждущих. Отец вставал в пять утра, потом служба в храме (натошак), потом крещения, молебны, отпевания, потом требы и потом еще в Москву, где бывало до трех выступлений. И я сказала: "Зачем Вы согласились приехать? Вам же надо есть, спать, хоть какое-нибудь время для себя иметь!" А он сердито мне на ухо: "У меня будет скоро мно-о-го времени. Отдохнуть."

* Храм Сретенья, где служил отец Александр, находится в Новой Деревне, пригороде г. Пушкино под Москвой.

И подумать! — и громко: — Мало осталось времени, очень мало”. И я думала, что он о перестройке, что, мол, снова гайки закрутят!

— ...мы стоим на ветру, дождь... автобуса нет... говорю: ”Давайте, я Вам машину поймаю.” — ”Мне уже не машину подавай, а катафалк!” ...

Незадолго до его смерти на одной из служб в храме я увидела, что он пошел в сторону свечного ящика у входа, и стала пробираться сквозь толпу молящихся, чтоб перемолвиться. Придумала спросить, кому молиться о моем больном коте. У ящика его не было. Служительница сердито одернула: ”Нельзя сейчас ходить”. Я ”включила” слух: ”Горé имеем сердца!”. Вероятно, я на время прикрыла глаза, потому что как-то вдруг увидела:

За деревянной решеткой закрытых внутренних дверей нашего храма, на паперти, на полу, среди нищих, — стоял на коленях отец. Он молился. Руки его были подняты, как бы призывая Дух Святой, и одновременно охраняя всех в храме.

И потом вставала в памяти его молящаяся фигура в ауре солнечных пылинок на просвете наружных дверей...

Может, он просто хотел приучить нас, как в старину, отделять Литургию верных от Литургии оглашенных, закрыв не только царские врата, но и двери храма? Или хотел силой своего духа установить молитвенный покой, чтоб такие, как я, не бродили во время Евхаристии, не суетились по мелочам, не думали о больных котах?..

Сосет под сердцем: он собирал и благословлял свое стадо перед уходом... Неужели?..

— ...знал он, знал день... на службе в среду прямо сказал: ”Во вторник у нас будет праздник... смерть...” Ему подсказывают: ”Усекновение главы Иоанна Предтечи,” — а он: ”...да... смерть ...Иоанна Крестителя”

О, Господи!...

Мы обнимались. Плакали. Какой огромный, оказывается, у нас приход! Скольких я знала в Москве, не зная, что они ездят сюда. Скольких не знала совсем. Сновали корреспонденты. Кто-то незнакомый отвечал на вопросы в микрофон.

В четыре часа приехал зеленый фургон, огромный, безобразный. Мы встали, образовав дорогу к храму. Гроб был белый.

Открыли крышку. Это был самый страшный момент. Его, казалось, нельзя пережить. Кто-то закричал и стал биться: ”Пустите меня к нему, пустите!..” Его грубо отпихивали. Я стала гладить его по голове, другие уговаривали:

”Поцелуешь его, поцелуешь...” ”Потерпи, сейчас молиться станем, полегчает... помолимся, жить станем...” Он вскрикнул, заморгав пьяненькими глазами:

— Как же жить теперь?!

Театральная несуразность его поведения не смущала: счастливый! он может *так* отчаиваться.

Гроб несли медленно. Наверно, его на время поставили, потому что я увидела лицо отца. Он был просто бледен. Так и в жизни бывало, но теперь у глаз не было темных мешков усталости. Ресницы были стрелочками, как от слез. Его прекрасная голова, произведение Божьего искусства, не была изуродована. Запекшаяся кровь на левой стороне носа чуть повыше переносицы и ссадина на правой пониже не нарушали чистоты и покоя его лика. Он был во всем белом, и гроб — белый. И я знала, что все мы явственно видим свет.

Однажды я сказал отцу, что боюсь потустороннего.

— Не бойтесь, Бог не посылает человеку того, что он не может вынести.

— А с Вами было **ТАКОЕ**?

Я не помню слов его ответа, там было что-то о пустыне (наверно, степи), о том, что долго шли без воды, и потом **ЭТО**, и он пил, и не мог смотреть — опустил глаза.

Я шла рядом с ним всю эту его последнюю дорогу — в храм.

Муха стала кружить над лицом его, эта вечная ”муха на трупе”, даже на Христе у Гольбейна. Я стала молить: ”Господи! не надо!” И она улетела.

”Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас,” — пели мы по слогам, чтоб не плакать. Я гладила его по руке и почему-то твердила глупое ”милый, милый”, упрямо разглядывая его земными глазами, а те, духовные, опускала, потому что **ЭТО** было по **ТУ** сторону.

На панихиде лицо его закрыли.

— Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего **УБИЕННОГО** протоиерея Александра!..

Монашка местная подошла. Ее простое, круглое лицо улыбалось:

— Радость-то какая. Золотой венец надели как на мученика. А тебе жалко — ты не плачь: пой, радость ему, хорошо ему с Господом.

Я вспомнила, что у Марьи Витальевны* на лице все время стояла нездешняя улыбка, и ее фиалковые глаза в ок-

* Марья Витальевна — подруга матери о. Александра, близкий ему и родной человек.

ладе морщин светились. И дети трогали отца, и целовали его, и свистели как птицы...

"Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят..."

Я увидела свою дочь. Подумала: с кем же дети? — зять давно здесь.

В словах молитвы: "...яко Благ и Человеколюбец... ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная," — было что-то неестественное. Не потому, что у отца не могло быть грехов ("во гресех роди мя мати моя"), а потому что отец наш, как у Пастернака: "...что значит грех, /И смерть, и ад, и пламень серный, / Когда я на глазах у всех / С Тобой, как с деревом побег..." Было какое-то душевное знание, что с его душой происходит не то, что обычно, что она не мучится. Она во славе.

К вечеру стали приезжать люди после работы. Дворик был полон. Я увидела юношу на костылях. Он повернулся — странное выражение, сочетающее немощь и силу, было на его бледном лице; глаза были заметны даже в сумерках, одухотворенные. Я с удивлением понял: И.З.

Да... так вот в какой узел свел отец людей! "Дело Господа — объединять, разъединять — дело дьявола," — часто говорил отец...

По телевидению З. был не такой худенький. И не такой значительный, как сейчас. Вокруг него сразу образовалось густое кольцо людей. Я догадалась по обрывкам фраз, что он поможет, чтоб у нас был приход в Москве. Как хотел отец. Мы в Москве, а он?..

В ночь с десятого на одиннадцатое (чуть было не написала: с субботы на воскресенье, все почему-то говорили "с субботы на воскресенье", хотя это были понедельник и вторник) храм был открыт. Отец лежал с открытым лицом, и всю ночь читали Евангелия, и всю ночь были многие из нас.

Когда я целовала его в лоб, он был теплый. Я посмотрела на отца и подумала, что, если он на третий день встанет, я не удивлюсь. И многим так казалось.

Было поздно, автобусы не ходили. И мы пешком пошли на электричку, чтоб успеть в Москву на метро.

В неубранной, растерзанной квартире, вопрошающе склонив мордочку, сидел наш кот. О животных молятся святым Флору и Лавру. Он остался жить.

В три часа ночи по "Свободе" передали, что прихожане Сретенской церкви собрались на "митинг протеста" Юмор, который отец так любил и которым так поразительно умел пользоваться, сопутствовал ему и после смерти.

Утром одиннадцатого на ранней электричке вагон был полон детей и цветов. Это были дети не приходские. Школа, где отец рассказывал о Писании и Христе. Этим детям вести к вере родителей.

Приехал Владыко Ювеналий служить заупокойную литургию, отпевать и хоронить отца. Лицо отца закрыли, и больше мы его не увидим. Нет, не "никогда", а до окончания века.

Началась служба. Приехал мой зять со старшим внуком. Народ прибывал. Динамик доносил на улицу слова службы. Владыко Ювеналий говорил "усопшего протоиерея Александра". По окончании службы народу уже было... тысячи. Я видела духовных детей отца из Ленинграда, Ташкента, Риги, Таллинна. Машины на старое шоссе не пропускали, люди шли толпами, и через кладбище, и пролезали сквозь забор. Клумба посреди двора исчезла, под ногами была зеленая жижа от втоптаных растений. Ощущалось напряжение. На звоннице было полно людей. Были и дети, постарше Кирюши. Он тоже рвался, но я не пускала. Десяток операторов и журналистов с горбами съемочных аппаратов грубо топтали новенькую серебристую крышу нашего храма. Она гулко стонала и вздрагивала, иногда выстреливая резким пугающим звуком, так что птицы шарахались в небо. Напряжение росло. Я боялась, что Кирюшу затопчут, и потащила его к церковному домику.

Отца вынесли. Ударили в колокол. Как падающие в колодец — редкие, погребальные звуки. Началось отпевание...

Владыко Ювеналий зачитал витиеватое послание патриарха Алексия: "...Мы не во всем соглашаемся..." Но надеется, что у Престола Божия в дерзновении богословском отец Александр все-таки окажется.

Наши мужчины ушли к гробу, чтоб организовать погребальное движение и предотвратить давку. Молоденькие милиционеры и парни, сначала испугавшие меня своей афганской формой, помогали. Мне показалось, что руководил С.Б. Слышались команды его резкого голоса.

Мы с Кирюшей стояли у терраски "певческого" домика, среди велосипедов и детских колясок. Были тут еще дети. Я прикинула: если толпа навалится, то можно с завалинки через окно терраски — вовнутрь. На завалинке безучастно сидела Наталья Федоровна, жена отца Александра. Иногда к ней подходили "официальные лица", она вставала и что-то отвечала, слабо улыбаясь. Я не видела, чтобы она плакала. Она было похожа на птицу. Худая, ломкая, лицо осунувшееся и все вскидывала прищуренные, невидящие глаза. Будто прислушивалась или хотела что-то разглядеть.

Я подняла голову и тогда услышала в небе легкий грай, потом увидела черные кучки птиц на вершинах церковных деревьев, потом перелеты стайками. Они стали ниже, ниже. Что-то темное, протестующее поднималось в душе, сродни тому, что пережил Карамазов, увидев гниющего старца Зосиму, что-то ненавистное к этим воронам, слетавшимся к трупу нашего отца. Что им его святость! Неумолимы тление, смерть, грех.

И вдруг!..

Соединившись, они покрыли мелькающей сетью все небо, а потом стали косо планировать над гробом, над нашими головами и — вверх! в голубой колодец осеннего неба между деревьями. И опять — над гробом и — вверх! и в третий раз, и — исчезли... Они прощались с отцом.

О, Господи! То были не вороны, но ПТИЦЫ! Древний знак чуда.

Уже шли надгробные речи. Я не видела, где. Голоса шли из динамика. Говорили о том, скольких отец спас от тюрьмы, от самоубийства, от психического расстройства, пьянства, от убийства детей во чреве, от развала семей, отчаянья, одиночества...

Говорили о чудесах исцеления, отмаливания, о святости отца, об его апостольском служении, о Вселенской Христовой Церкви, к которой он приобщил своих духовных детей, объединяя их (Дело Бога — объединение людей, дело дьявола — разобщение), объединяя вопреки исторически сложившимся различиям конфессий, "перегородкам, не доходящим до Неба"...

Говорили, что он духовно взрастил и привел в церковь интеллигенцию. Заразившись вирусом марксизма еще в конце XIX века и покинув церковь, русская интеллигенция тем самым обрекла ее на поражение в борьбе с большевизмом, на одичание и вырождение в недрах КГБ и советчины...

Андрей Б. прямо сказал, что мы знаем, что отец был святым нашего времени. Что он явил новый тип святости (я подумала: новый, это, наверное, не аскеза, а полнота жизни), что убийство его — Божий знак мученичества. И для Патриархии знак, чтоб не ждала, когда канонизируют отца Александра на Западе.

Самым пронзительным для меня были слова С.Р. Она в свое время оставила все: и столичную жизнь, и работу в издательстве Энциклопедии — ушла к отцу, в Деревню, петъ в храм. Теперь она регент нашего церковного хора. Ее слова я пережила душой и ни одного не помню.

Началось прощание. Кирилл непременно хотел поцеловать отца, и мы рискнули за спинами охранявших порядок

пролезть к гробу. Лицо отца было покрыто белым платом. Мы поцеловали руку. Она была мягкая. И опять — увидела гладкую белую кожу на том месте, где были у него язвы: жало в плоти, как у апостола Павла. И опять — подумала: тело его будет нетленно, кровь ведь вся сошла.

Молодой мужчина с запакованным новорожденным в руках подошел к гробу, распаковал личико младенца и приложил его к отцу.

”Да будет каждому по вере его”.

Прощание было очень долгим. Люди шли и шли, не иссякая.

Потом гроб подняли и медленно понесли к могиле. Кирюша стал рваться туда. ”Зачем тебе туда, зачем? — уговаривала я. — Ты маленький, тебя в толпе сомнут”. ”Как ты не понимаешь, — злился он со слезами, — он же не умер, не умер, он притворился, чтоб бандит его до смерти не убил. Когда его в землю закапывать станут, он встанет, встанет, и будет над нами смеяться”.

Мы протиснулись ближе к могиле, и С.Б. поднял Кирилла на бочку, с которой снимал погребение. Тогда я оглянулась: лютеране с бомбошками на бархатных шапочках, католики, евангелисты, баптисты, бородатые православные священники... Потом я увидела ”афганцев”. Со всем мальчишки, они передвигали ноги, как кувалды. Да, таких он спасал от самоубийства. Вселял надежду. Теперь они упрямо переставляли ”ноги” — от колена протезы в сапогах. Матери несли металлический венок: ”Отцу Александру от инвалидов-афганцев”. Венок и протезы скрипели.

Наверно, я заплакала в голос, потому что Кирюша стал теревить меня за рукав, присев на бочке: ”Бабушка, бабушка, ты такая некрасивая стала, ты теперь всегда такая будешь?” — Мы обнялись.

— А почему ты вся черная?

— Это траур называется, когда у человека умирают близкие.

— А как же я? Я же во всем новом!?

Запели ”Святой Боже”. ”Шапки долой, милиция!” — резкий голос. Подумала, куда же шапки девать, — у них ведь руки заняты.

Когда гроб опускали, ударили колокола.

Толпа замерла единым живым Организмом. Я чувствовала за спиной, видела внутренним взором эту толпу тысяч на пять. В помраченной обезбоженной стране отец Александр крестил и духовно возвращал новый народ России. Этот народ был теперь за моими плечами.

Говорят, в Патриархии на зарубежный звонок ответили: "Обыкновенная смерть обыкновенного священника".

Да... поистине, не ведают, что творят.

Или ведают?..

— Бабушка, а кто же теперь наш батюшка?

— А во-о-н стоит, видишь, видишь?

— А он хороший?

— Да, очень.

— Как отец Александр?

— Нет, Кирюша, в жизни ничто не повторяется. Такого, как отец, больше не будет. Этот батюшка сам по себе хороший.

— А он будет все лучше, лучше, и станет, как отец Александр. И тогда его тоже... Убьют.

Могила, слева от алтарной части отцовского храма Сретенья, начала свою жизнь так, будто была здесь всегда. У моей дочери Маши есть фотография: отец стоит на этом месте, опершись на соседнюю могильную ограду. Могила стояла конусом светлых цветов (красных отец не любил) с человеческий рост, в изголовье два венка, один к другому, как шалаш. Там насыпали зерна птицам.

Вокруг могилы в свежем песке мигали от ветра десятки свечей. Хозяйничали дети: кормили птиц, зажигали свечи. Детей было много. Большинство, как мой Кирюша, видели смерть впервые. Счастливые! Они с детства унесут в жизнь *знание*, что смерти нет.

В сумерках, когда мы уходили, у могилы лежали просфоры, яблоки, хлеб, картинки и детские игрушки. Люди шли на могилу, незнакомые люди, шли густо, как паломники.

Многие думают, что она явит чудеса.

— Бабушка, что бы ты сделала, если б встретила бандита, который убил отца Александра? Я бы... я бы его прямо... расстрелял!

— Нам нельзя убивать, Кирюша. Мы, христиане, верим, что жизнь человеку дает Господь. Он Один только и может ее забрать.

— Ты что, ты бы бандита прости-и-ла!? Как же бандит? Что же с ним тогда делать?

— А я бы его в клетке в нашей церкви поставила, и чтоб все у него было: и еда, и Евангелие. Он бы жил и жил, и смотрел, как мы молимся. Может, он бы тогда понял, что он сделал. И покался. И Господь простил бы его.

.....

— Да, я согласен так. Потому что отец Александр умер и живет невидимый, а бандит убил его и погиб. Умер.

.....
— Если он сам убил, то, может, и раскается... А если это Кагэбэ велел? Он-то никогда не раскается... Бабушка, а Кагэбэ умеет раскаиваться?

Люди звонят, знакомые, и почти чужие: Нашли ли убийцу? Как идет следствие? Уедут ли теперь все евреи? Как вы будете без него? Что же делать?

Что делать...

”Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые”, — любил подзадоривать нас отец. ”Наше место здесь, — говорил он. — Где жить — это понятие географическое. Главное — жить с Богом”.

Если найдут убийцу, то грех его казни ляжет на отца Александра? Убийцу... Убийца тот, кто послал. Убийц много. У них на земле разные названия служб, но все они от дьявола. Убили по зависти, по тупости, по злобе. По бессилию противостоять благодатному духу личности отца Александра, неохватной мощности его дел и деяний. По своей дьявольской природе решили уничтожить источник Света физически, не понимая, что отец Александр и в жизни ходил не по нашей, колеблющейся, уходящей из-под ног земле, а по Небесной Тверди. По Ней он идет и теперь.

...Но невозможно представить себе ни человека, ни зверя, который бы мог — убить отца Александра. (Какое странное сочетание слов.)

Уже появились о нем десятки статей, передачи по телевидению, и каждый думает, что отец занимался именно его делом, и имя его то и дело привязывают к орудиям общественной и политической борьбы, а он неизменно отвязывает эти привязки и ускользает, как апостол Петр из темницы, ускользает и от стражников ”одноточных теорий” (замечательная формула Г.Померанца). Ускользает неизменно, оставаясь верным своему апостольскому служению Христу.

Смерть отца Александра — чудо в обратном значении. Она ЧУДОвищна. И все же... В ней совпали десятки мгновений, из которых достаточно было бы одному не совпасть, чтоб она не свершилась.

Только одному человеку идти на поезд по той же дорожке!..

Только отцу Александру позвать на помощь!..

Только собаке залаять на запах крови своего хозяина!..

Только...

Да всего и не перечеть.

Считают, что на ходу нельзя убить ударом туристского топорика по голове...

А если отец Александр сам остановился, окликнутый? Поставил на дорожку портфель (исчезнувший, чтоб дать жизнь версии об ограблении. Что можно было взять у отца? Дух Святой?), достал из кармана очки (он надевал их, читая, и они были запачканы кровью изнутри), сам протянул руку к убийце (или убийцам), чтоб взять то, что просили взять. Сам. Подставил голову под удар. И свершилось это чудовищное.

Если ни один волос с нашей головы не упадет без ведома Господа, то по какой великой избранности увенчал Он праведную жизнь отца мученичеством!

Какая тайна Божья скрыта в этой смерти? Какое моление о чаше было у нашего отца? И какой нездешней силой укрепил его Ангел? С каким глубоким согласием, должно быть, принял он из рук Бога эту смерть, как раньше принимал жизнь.

Пока живу — Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей;
...Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю.

Отец недаром любил эти стихи Мережковского.

Все мы сейчас Иовы, взывающие к Богу открыть нам тайну этой смерти и примирить нас с происшедшим.

”Нам не дано проникнуть в глубину смертного борения, свидетелем которого был старый оливковый сад. Но те, кому Христос открылся в любви и вере, знают самое главное: Он страдал за нас... Христос добровольно спускался в пропасть, чтобы, сойдя в нее, вывести нас оттуда к немеркнущему свету...”

Отцу Александру было двадцать лет, когда он написал это.

Митинг протеста? Нет, не тем, наверное, нам предстоит заниматься.

На крещении моего младшего внука Александра в 1986 году отец говорил, что раньше верующие были людьми, идущими как бы по одной дороге, но скоро слово ”верующий” уже не будет определять общности. ”И нам предстоит тяжелый путь: идти ко Христу, — он охватил руками воздушный столб и направил его движением вперед и вверх, — идти по дороге, не сваливаясь с обочин в канавы, ни вправо, ни влево”. Ни в замкнутость только ”своего” опыта веры,

ни во вседозволенность духовных поисков. А ведь тогда еще не было ни национальной резни, ни кашпировских, ни черно-белых колдуний, собирающих к экранам ТВ миллионы людей, охваченных единым порывом: "Сделайте с нами что-нибудь!".

Ко всему, что предстоит нам: социальная необустроенность, отвал (или отрыв) в эмиграцию, нехватка продуктов, разгул преступности, язычество, в котором происходит обвал населения в "веру", когда в храмах: "Батюшка, какому мне богу свечку ставить?" (рассказ о. Александра), — ко всему этому отец нас готовил. И погиб, чтоб мы стали сильнее. Он погиб из-за нас, грешных и слабых. Ради нас. За нас.

Кто-то из нас сказал: "Теперь нам ничего не страшно".

Когда мало воздуха, человек начинает замечать, что дышит, как он дышит. Отца Александра убили, и теперь каждую минуту, что мы живем, мы чувствуем, что он жив с нами. Мы жили с отцом Александром на земле в одно время: могли слышать, видеть, прикасаться к нему. Нам его не хватало на всех. Теперь, в невидимом мире, он принадлежит нам всем безраздельно и безгранично. Чудо его жизни после жизни началось. Это знает каждый, молящийся о нем. И ему.

9 декабря 1990

А.Ардашникова

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР, АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ, САША

Дорогой отец Александр,
Александр Владимирович,
Саша!

Того, что случилось 9 сентября 1990 года, не вмещает моя душа. Никакие доводы рассудка, даже могила в углу церковного дворика — ничто не может приучить к факту, что вас больше нет. И никогда не будет с нами.

Не подойду на исповеди к вам, не услышу радостный, приглушенный голос:

— Дорогой мой, как я рад, что приехали! Вот между нами — Христос. Скажите, что мучает, что у вас на душе?

И теплая рука не ляжет на плечи, отцовски не прижмет к себе.

...Не раздастся в дверь веселый тройной звонок, не войдете в квартиру, шумный, большой. Не обнимемся, не расцелуемся. Будни не превратятся в праздник.

Разум твердит — ничего этого не будет. Весь опыт человечества свидетельствует о том же.

Но не смиряется душа. Не могу думать, говорить, писать — "был".

Вы для меня есть. Живой. Каждый час, каждую минуту. На все времена.

Случившееся застало в разгар работы над новым романом, о замысле которого я вам успел рассказать, успел прочесть первые черновые страницы. Как всегда, вы торопили — "Пишите скорей, пока есть время и силы, пока есть надежда опубликовать, кто знает, что впереди..."

Я работал чуть ли не сутками, напряженно. Все время видел перед собой ваши лучистые глаза. Эта работа стала спасательным плотом в море отчаянья, когда я узнал о трагедии.

И вот роман закончен. Нет теперь этого плота... Знающие о том, что вы одарили меня своей дружбой, звонят, приходят, просят — напишите воспоминания об отце Александре Мене.

Но как писать воспоминания о том, кто для тебя жив? Это означало бы признать факт вашей гибели.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Неделя идет за неделей, месяц за месяцем, и я все чаще ловлю себя на том, что снова с горькой усладой проживаю то время, когда...

...Падает снег.

Декабрь 1977 года. Сумрачное, студеное утро. Мороз под двадцать градусов. Я хожу взад-вперед у ограды церковного храма в Новой Деревне. Калитка заперта. Церковь закрыта, службы сегодня нет. В домике при храме не светится ни одно окошко.

Мне назначено на восемь. Уже скоро девять, а священник все не идет. Может, он забыл, что сам же передал через Олю, чтоб я приехал именно сегодня, именно к восьми утра?

Зачем же в таком случае я здесь замерзаю? Говорят, он молод, этот Александр Мень. Говорят, встречаться с ним небезопасно...

Но куда деваться, если ни у людей, которых я знаю, ни в книгах, которые мне доступны, я не могу найти ответов на мучающие уже несколько лет вопросы. Недавно, будучи в одном доме, знакомлюсь со студенткой первого курса факультета психологии МГУ. Зовут ее Оля. Она верующая. Рассказывает, что ее батюшка — кладезь знаний, замечательный человек.

Я далек от религии. Батюшка — так батюшка, я, как голодный, жаждущий хлеба познания. Обстоятельства таковы, что прежнее мое мировоззрение рухнуло, новое не складывается. Никогда не думал, что это может быть так мучительно. Прошу Олю поговорить со священником, может, у него найдется время встретиться.

И вот встреча назначена. А его все нет и нет.

Оля говорила, что Александр Мень красивый, величественный.

Каков бы он ни был, он необязателен. Я уже окоченел. Жду полтора часа. Почему же я не уйду? Давно пора автобусом на станцию и в электричку, уже возвратился бы в Москву, домой.

...Падает снег. И вдруг за его пеленой возникает проходжий. Одет не по погоде. Шляпа. Пальтецо. Идет ко мне. Бежит.

Батюшка, в тот момент вы не показались ни красивым, ни тем более величественным. Я увидел перед собой тоже замерзшего, как цуцик, человека.

— Извините, ради Бога! Что-то случилось на линии. Не было тока. Час просидел в электричке. Я ведь из Семхоза, из-под Загорска.

Открывается калитка, поднимаемся на крыльцо, отпирается одна дверь, другая.

Тесный кабинетик. Тепло. Полки, втугую уставленные книгами. Иконы. Письменный стол, два кресла. Оставшись один, озираясь, привыкаю. Появляетесь вы в черной рясе, с большим серебряным крестом на груди. И только теперь вижу — красивый, величественный. В руках две больших чашки с крепким дымящимся чаем.

Сидим друг против друга. Ваши внимательные, веселые глаза излучают открытость.

И все же трудно, очень трудно начать говорить. Я боюсь, что все мои вопросы будут вам непонятны, странны.

В самом деле, с тех пор, как я начал заниматься в полуподпольной лаборатории парапсихологии, регулярно читать литературу — книги, ксероксы, рукописи по поразительным проблемам, о существовании которых раньше и не подозревал, с тех пор как я начал лечить людей и к собственному изумлению действительно вылечивать их, с тех пор в жизнь мою вторглось новое измерение, нарушающее прежние привычные ориентиры.

Оказалось, что вокруг меня множество людей, некоторые из них с высокими научными степенями, занимающихся изучением неопознанных летающих объектов, поисками снежного человека, исследованием таинственных свойств пирамид... Многие пропагандируют "Агни-йогу" Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, где утверждается, что в Гималаях таятся чуть ли не бессмертные мудрецы Шамбалы, влияющие на движение мировых процессов, а при желании и на любого жителя земли.

И тут впервые перебиваете мой сумбурный монолог.

— Если эти мудрецы существуют — пусть уходят на пенсию! Только за наш век две мировые войны, кровавая революция, террор, которому нет конца. И ядерный дамоклов меч!

Вы поднимаетесь с кресла, обводите задумчивым взглядом полки, вынимаете одну книгу, другую, подносите их мне и так доверчиво, так просто произносите слова, ключом отмыкающие дверь в мое будущее:

— Поверьте, никакого чуда в том, что вам удастся целить, нет. Такая способность присуща каждому, как слух, зрение. Все это дремлет в человеке в свернутом, зачаточном виде. Русская православная церковь относится к целительству отрицательно. Вы еще с этим столкнетесь. Современная церковь ревнует к целителям, потому что сама утратила этот дар. А ведь когда-то, в первые века христианства, свой целитель был при каждом храме...

В моих руках том Владимира Соловьева и книга некоего Андрея Боголюбова "Истоки религии". Я конечно же еще не знаю, что А.Боголюбов — это один из ваших псевдонимов.

Вы провожаете меня из кабинета. Оказывается, в соседней комнате, в коридорчике, уже накопилось полно народа — сидят, стоят люди, целая очередь жаждущих встретиться с отцом Александром Менем. У них свои вопросы, своя тревога, боль и надежда.

2.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! По своей вечной беспечности я никогда не записываю того, что вы говорите. За двенадцать лет нашего общения набралась бы еще одна, ваша книга. Не записываю, не включаю магнитофон. Ваше присутствие кажется таким естественным, вечным. Не снимать же на пленку каждый раз восход солнца!

Если бы люди, которые находились рядом с Христом, с апостолами, были грамотными, вели бы они записи? Наверяд ли. Присутствие чуда захватывает, думаешь — ему не будет конца...

Помню лишь то, что помню.

Зимнее утро. Еще темно. Выходишь из метро к пригородным кассам Ярославского вокзала, покупаешь билет на электричку, и каждый раз видишь знакомые лица. Замерзшие, молодые, счастливые. Эти люди тоже едут в Пушкино, в храм Новой Деревни.

Электричка шпарит мимо заснеженных московских окраин, заводов, дач. Медленно, как бы спросонья, светает. Я везу очередную стопку прочитанных книг, которыми вы "окармливаете" меня. Книги разные — богословские, научные, философские. Снимая одни вопросы, они пробуждают еще больше других. Во мне идет огромная работа. Вы никуда не подталкиваете меня, предоставляете полную духовную свободу.

Автор девяти изданных книг стихов и прозы, я давно уже не могу писать по-прежнему. Мыслить по-прежнему. Хотя все, что я писал раньше, было искренним, прежнее понимание мира, людей, событий видится теперь ущербным. В нем не хватает главного, основного.

Чего?

За эту зиму я приезжаю к вам много раз. И все жду, когда вы прямо скажете — "Надо креститься. Только хри-

стианство дает единственно верную точку отсчета, единственно верный путь". Об этом кричат все ваши сочинения!

Но вы почему-то этого не говорите. Продолжаете "окармливать" книгами.

Вот и Пушкино. Выхожу к автостанции, где у остановки автобуса № 24 собираются все те же парни и девушки. Они разные, но это одна семья. В подошедший автобус высаживаются местные старушки и старики. Члены той же семьи. Знают друг друга. Здороваются, улыбаются. Едут в храм, как на праздник.

Автобус минует невзрачные кварталы городка, у перекрестка сворачивает влево к старому Ярославскому шоссе, к Новой Деревне. Чистый снег оттеняет зелень сосен. Встающее солнце освещает купол скромного деревянного храма в проулке.

Сняв кепку, поднимаюсь папертью. Слева и справа сидят нищие — худой старик с соплей на носу и тетка с толстыми щечками, хитрыми глазками пропойцы. Оба они противны, как всякие паразиты. Я как бы не замечаю их нагло протянутых рук, прохожу мимо.

Служба идет. Трогательно поют старушки на клиросе, у правого придела очередь. Вы стоите там под большой иконой св. Троицы, накрываете епитрахилью склоненную голову.

Хотя я здесь не впервые, многое мне невнятно, но в этот раз я, чужой, некрещеный, осознаю то, чего никогда, нигде до сих пор не испытывал: здесь мой дом, здесь хорошо, по себе. И в то же время я боюсь того, что называют "обрядоверием". Когда фанатически поклоняются внешнему, форме, когда воображают Бога стариком, сидящим на облаках.

К концу богослужения все вслед за вами произносят "Отче наш". Обращаю внимание на светящееся лицо хрупкой пожилой женщины, стоящей на левом клиросе. Из ее глаз изливается зримый поток любви. Как лучи солнца, он освещает каждого, вызывая ответное чувство.

— Кто это? — спрашиваю я, когда прихожане расходятся после целования креста и проповеди.

— Это моя мама. Елена Семеновна. Знакомьтесь. Хочу вас попросить, если можно, попробуйте ей помочь — у нее больна печень.

Вы доверяете мне своего самого близкого, самого любимого человека.

Может быть, именно поэтому, потом, когда мы остаемся наедине в кабинетике, я осмеливаюсь:

— Отец Александр, батюшка, крестите меня. Я, кажется дозрел.

— Это в вас говорит пионерский энтузиазм, — отвечаете вы. — Давно читали Евангелие?

— В свое время всю Библию одолел, — говорю я, несколько обидевшись, — в Коктебеле целую зиму читал, заставила Мария Степановна Волошина.

— К Ветхому Завету нужен ключ. А вот Евангелие... Есть Евангелие? Спокойно, не торопитесь, прочтите заново. Когда вы на самом деле дозреете, я это почувствую, сам назначу время крещения. Договорились?

Я киваю. Чувствую, что вы, может быть, и правы. Но мне обидно. И я спрашиваю вас о противных нищих на паперти — с какой стати нужно подавать милостыню им, явным тунеядцам?

— Солнце одинаково светит на всех, — отвечаете вы, — как и милость Господня. С чего это вы взялись судить этих несчастных? Кто знает, что довело их до такого состояния...

3.

Всю зиму, весь 78 год, как бы ни был занят, я держу связь с Еленой Семеновной, бываю у нее дома. Часто и всегда неожиданно мы встречаемся в этой маленькой квартирке с вами, когда вы навещаете свою маму, привозите продукты, лекарства.

Вы знаете о том, что у Елены Семеновны катастрофически разрушена печень. Заменить ее я не в состоянии. Могу лишь снимать боли и страшный зуд.

Конечно же, она много рассказывает мне о вас, вашем детстве, о катакомбной церкви, о вашей тете, дает прочесть тетрадь с ее воспоминаниями. Однажды дарит синенькую книжечку — изданный в Варшаве Молитвослов, который я благоговейно храню, как реликвию, по которому выучил молитвы.

Вот пишу сейчас и, как живая, встает передо мной ваша мама, ее лицо изумительной библейской красоты, словно запечатлевшее своими чертами времена Авраама, Исаака и Иакова. Ни возраст, ни болезнь не властны над ней, когда она видит вас, когда мы о вас говорим. Из ее очей струится поток божественной материнской любви. Один раз она как бы проговаривается — "Ему тяжело. Очень тяжело. Володя, если умру — не оставляйте его. Заклинаю вас Богом".

А ведь Елена Семеновна не знает и десятой доли того, в какой обстановке происходит ваше служение. С чердака соседнего дома агенты КГБ снимают на пленку каждого входящего в храм, настоятель, ревнивый и завистливый, при-

ставлен следить за каждым вашим шагом, за каждой проповедью. Есть осведомители и среди прихожан.

Но это еще не все.

Однажды, когда весенним вечером мы вместе выходим от Елены Семеновны, я спрашиваю:

— Александр Владимирович, а вам известно, что некоторые диссиденты считают вас глубоко законспирированным генералом КГБ? Будто вы нарочно группируете вокруг себя молодежь, московскую интеллигенцию, выслушиваете исповеди и доносите куда надо.

— Вот этого я еще не знал! — хохочете вы, как ребенок. — Зато уже слышал, что я — законспирированный агент сионизма. Другие утверждают, что Меня — тайный католик, борется против православия. А в органах считают, что я агент ЦРУ, диссидент. Теперь вот, оказывается я — генерал КГБ, никак не меньше!

— Ну, если вы генерал, то я полковник.

— Почему?

Я рассказываю о том, как в свое время в Сухуми часто встречал в троллейбусе незнакомого человека, который всегда приветствовал меня вскриканием — "Салют, полковник!". Когда я поинтересовался, отчего именно полковник, тот сообщил, что каждый сразу рождается в воинском звании. "Вот вы, хотя и хромой, невоеннообязанный, — типичный полковник! И хотя из кожи вон лезьте, — никогда не станете генералом!"

Александр Владимирович, вы смеетесь, говорите, что более оригинальной точки зрения на человека еще не встречали. А я впервые с тревогой думаю о вас, вашей судьбе. "Воистину он один стоит на семи ветрах, — думаю я. — Что его ждет? Трагическая судьба апостолов Христа?"

С тех пор эта тревога не отпускает никогда. А вы с тех же пор шутливо стали называть меня — "Полковник".

4.

Все это время я читаю и перечитываю Евангелие, другие богословские книги. У меня ни на йоту нет сомнения в правильности сделанного выбора. Но как трудно практически, ежедневно следовать заповедям Христа!

Дома у меня отчаянная обстановка. Давно перестали печатать, хроническое безденежье. Беспомощные родители-пенсионеры, плохо с сыном.

Я разрываюсь между своими близкими, бытом и потоком больных, которых бескорыстно принимаю каждое утро.

Как-то летом стою в хвосте очереди в молочном отделе гастронома. Какой-то верзила лезет за колбасой к прилавку, отталкивая безропотных старушек. Я вмешиваюсь, прошу стать в очередь. "А тебе, жид, что, больше всех нужно?!" — оборачивается он ко мне.

В ответ на оскорбление моя правая рука автоматически сжимается в кулак. Это уже рефлекс, воспитанный годами унижений. Еще секунда, доля секунды — вспыхнет драка.

И тут, отец Александр, я вспоминаю вас, Евангелие, заповеди Христа. Как трудно дается каждое слово! Будто учусь говорить на новом, невероятном языке:

— Как тебя кличут? — спрашиваю верзилу. — Я за тебя буду Бога молить.

Его кулаки опускаются тоже. Так и не купив колбасу, верзила выходит из гастронома.

Очередь с недоумением смотрит на меня. А я весь горю от неведомого жара, пламени.

И вдруг он появляется снова. Подходит. Жалкий, убитый.

— Браток, прости меня. Слышь, прости...

Вот так я учусь, постигаю новые нормы отношения к людям, к миру.

Именно в этот период ко мне фантастически, неисповедимым путем, как бы сама собой, попадает закопченная от пожара икона Христа. На открытой книге, которую Он держит в руках, выведено:

"Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные".

Поразительно, что, ничего не зная об этих событиях, при очередной встрече вы внезапно говорите:

— У нас двенадцатого июля большой праздник — день апостолов Петра и Павла. Готовьтесь. После службы я вас крещу.

Наступает канун праздника. Поздно вечером завожу будильник, ставлю стрелку звонка на шесть утра, чтоб не дай Бог не проспять, снова повторяю молитвы, "Символ веры", еще раз удрученно перебираю события грешной своей жизни.

И вот тут-это началось.

"Да что же ты делаешь?! — думаю я, который столько месяцев ждал дня крещения. — Носить крестик, лобызать иконы, ставить свечки со старушками, говеть... Какого рожна? Как я мог дойти до жизни такой — по доброй воле отдавать себя в объятия церкви, поддакивающей государству во всем... Отец Александр Мень — просто исключение. А я, как всякий человек, не вписавшийся в систему, ищу утешения, способ забытья. Еще вопрос — есть ли эта вечная жизнь, Царствие Небесное?"

Эти мысли, будто сами по себе, жерновами вращаются в мозгу, разламывая в прах все, к чему я пришел за последние месяцы, все плоды духовной работы.

В конце концов ложусь спать во втором часу ночи, приняв окончательное решение — не ехать в Новую Деревню. Но не могу заснуть. Лишь закрываю глаза, в них мелькание черных и белых полос, пятен. Морок, головокружение.

Встаю. Включаю свет. Мелькание полос уже в открытых глазах продолжается. Ничего подобного ни до, ни после со мной никогда не было.

Взгляд падает на стену, где висит образ Спасителя. "Господи, Иисусе Христе, спаси меня!" — с отчаянием обращаюсь я к Богу, поднимаю правую руку, неумело осеняю себя крестным знамением.

И тотчас наваждение пропадает. Как отсеченное. Четыре утра. Ложусь спать. Через два часа звонок будильника поднимает с постели.

Свежее летнее утро. Быстро встаю, собираюсь. Выспавшийся, твердый, счастливый тем, что предстоит.

В своем кабинетике после службы вы крестите меня во Христа.

Исповедав, отпускаете грехи всей предыдущей жизни. Говорите, что теперь я чист, как новорожденный. Надеваете медный крест на цепочке.

Охватывает ощущение огромной ответственности.

Я рассказываю о том, что произошло накануне вечером.

— Дорогой мой, простите! Я не предупредил вас. Такое бывает. Часто бывает. Это — типичное нападение темных духовных созданий, дьявольских сил. Как хорошо, что вы обратились за помощью к Господу! Знаете, бывали случаи, когда человек, едущий креститься, внезапно засыпал в вагоне и проскакивал Пушкино, бывало — садился не в ту электричку, оказывался в Болшево или где-то в другом месте. Бывало всякое!

Вы горячо обнимаете меня, дарите переплетенный ксерокс вашей книги "Вестники Царства Божия". Надписываете:

"Чтобы память об этом дне не гасла никогда. А.78.12.VII".

5.

Приобщение к жизни церкви, к церковному календарю подключает к вечности. Святые и мученики христианства

становятся такими же близкими и родными людьми, как и те, кто окружает тебя в храме.

Постепенно слитая масса молящихся открывается собранием ярчайших индивидуальностей, действительно твоих братьев и сестер. Это только сторонний взгляд мог видеть в них безликую толпу.

Пожилая русская крестьянка из Новой Деревни — Мария Яковлевна. Столько страданий выпало ей в жизни! Но сколько доброты в улыбке, в глазах. Увидит — непременно поздравит с праздником, поцелует, скажет — "Спаси тя Христос, Володя!"

И сердце обдаст жаром ответной любви и доброты.

А трогательный, слабый голосок Сонечки, издали узнаваемый в хоре! Она всегда на своем месте, как звезда на небосклоне.

За несколько лет как-то незаметно я начинаю чувствовать себя одним из членов истинно христианской семьи.

Батюшка, как я жалею, что не сохранил ни одной из ваших записок с просьбой помочь тому или иному прихожанину. В конце каждой был рисунок — заяц или белочка... Мало того, что у вас сотни и сотни прихожан, и каждого вы знаете по имени, держите в памяти его жизнь со всеми проблемами, для каждого находится аналог в царстве животных или растений.

Все серьезное, значительное, что исходит от вас, отчасти подается в шутливой форме. Сколько в вас самом детского, ребяческого!

Но уже седина начинает побивать усы и бороду. Наступает день, когда мы справляем поминки по Елене Семеновне — вашей маме.

А через несколько месяцев, морозным метельным вечером в мою дверь раздается неожиданный тройной звонок.

Открываю.

Замерзший, с опухшими подглазьями, занесенный метелью, стоите вы, мой батюшка! В одной руке тяжелый портфель, в другой — авоська с пакетами молока, бутылками кефира, коробкой яиц, сливочным маслом, апельсинами.

— Так вот где вы живете, Полковник!

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша, так в тот вечер вы входите в мой дом, знакомитесь с моими родителями, с сыном. Воочию видите обстановку, о которой знаете до сих пор из моих уст.

Мы все сидим за столом на кухне, ужинаем, угощаемся апельсинами. Мои домашние и вы в полном контакте, будто знаете друг друга всю жизнь.

— Батюшка, ну зачем вы тащили эту авоську, стояли в очередях? — говорю я, когда мы уединяемся в моей комнате.

— Полковник, сегодня скользко, метель. Вам же трудно ходить по магазинам, — отвечаете вы. — А я был в городе, задержался.

Вы опускаетесь в кресло, стоящее напротив моей оранжерейки с тропическими растениями. И я вижу смертельно усталого человека, которому хочется хоть минуту побыть одному.

Выхожу, плотно закрыв за собой дверь.

— Какой дивный у тебя батюшка, — говорит мать, — неужели все священники такие?

Я прикладываю палец к губам.

Через четверть часа дверь открывается.

— Чудные растения, Полковник! Будто побывал в джунглях Амазонки! Ну, побежал, еще успею на электричку в 21.40 — И вдруг жарко шепчете в ухо: — Вызывали на допрос.

В ответ на мой растерянный, вопрошающий взгляд уже с порога победное, громогласное:

— Ничего. Прорвемся!

6.

Здесь, в самом центре тоталитарного атеистического государства создан гигантский труд, где прослеживается история духовных исканий всего человечества. Каждый из шести томов этого труда приводит к неопровержимому выводу: история человечества — это его Путь к Богу. Кружной, запутанный, исполненный трагических отступлений, но имеющий постоянный вектор.

Труд этот создан одним человеком.

Вы молча сидите в автомашине рядом со мной. Едем по Ярославскому шоссе в поселок Семхоз.

Я никогда, ни разу не спросил вас — каким образом удалось переправить в Бельгию и напечатать там эти книги. Знаю, есть темы, о которых до поры не следует говорить. Часто вижу, как вы условными, только вам внятными закорючками, записываете в свои истрепанные записные книжки фамилии, адреса, телефоны. Это чтоб при обыске не навредить людям.

Вам, священнику, на деле ежедневно проповедующему любовь, ненасилие, приходится вести жизнь конспиратора. Годами, десятилетиями, в любое время суток быть готовым к аресту.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Что, кроме молитвы, я могу сделать для вас?!

Какую ненависть в высших кругах церковной иерархии вызывает то, что в ваших жилах течет еврейская кровь! Кровь апостолов, Богородицы, Самого Христа! А еще ненавидят из зависти. Человека, в эпоху гонений на религию привлекающего своей проповедью, служением тысячи сердец, в одиночку создавшего труд всемирного значения. Духовные пастыри к своему позору ухитряются не печатать вас в издательствах Патриархии. В содружестве с другими "пастырями" из органов безопасности только и ждут момента, чтоб изолировать от людей, уничтожить.

— О чем грустите, Полковник?

— Так. Ни о чем, батюшка.

Веду свой "запорожец" с ручным управлением, который недавно получил через собес и который вы сегодня освятили возле церковных ворот. Веду особенно осторожно — рядом драгоценнейшая из человеческих жизней.

— Тормозните. Остановитесь! — просите вы.

На крутом взгорке шоссе оставляем машину, выходим на обочину.

— Взгляните, какая красота! Вон там, внизу, в долине Радонеж — родина преподобного Сергия! Давно хотел показать вам это место.

Вы с любовью рассказываете о святом подвижнике, удостоившемся посещения Богородицы, великом патриоте земли русской.

Внимаю вам и жалею, что вас не видят, не слышат сейчас некоторые начальники русского православия. Вроде бы каждый день призывают других к покаянию. Так пусть же, если когда-нибудь прочтут эти строки, пусть запоздало, покаются сами в том, какую судьбу уготовили Александру Меню.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Ваши губы шевелятся. Вы стоите на краю шоссе, на обрыве и молитесь:

— О священная главо, преподобне и богоносне отце наш Сергие...

Я вслушиваюсь, робко повторяю за вами:

— Молитвою твоею и верою и любовью яже к Богу, и чистотою сердца...

А потом мы приезжаем в Семхоз, и я впервые попадаю в ваш дом.

Сегодня здесь я буду рассказывать вам о замысле произведения, задуманного в эти последние годы. Для того вы и пригласили меня к себе. Я волнуюсь. Весь опыт моей ду-

ховной жизни стал как бы сам собой кристаллизироваться, появилось острое ощущение, что я просто обязан довести его до сведения людей.

— Сейчас угощу вас обедом. Сварю супчика, — говорите вы и действительно начинаете готовить обед.

— Батюшка, спасибо. Если из-за меня — я не ем первое. И вообще, не хочу есть. Давайте лучше поговорим.

— Нет, Полковник, нет, Полковник! Где же делся мой половник? — напеваете вы, что-то помешивая в кастрюльке, ставите на плиту сковородку, наливаете воду в чайник.

Мне кажется, приготовление обеда доставляет вам удовольствие. Да и все, за что вы беретесь, — делается с удовольствием.

По воззрениям раджа-йогов, положительные или отрицательные вибрации человека переходят в его изделия, будь то приготовленная пища, произведение искусства или, скажем, построенный дом.

Во всяком случае, вы угощаете меня вкуснейшим обедом, потом пьем кофе, и я рассказываю о своем замысле.

Вы сидите, подперев рукой бороду. То хмуритесь, то улыбаетесь. Потом встаете, прохаживаетесь у стола. И вдруг перебиваете меня:

— Пишите немедленно!

— Но я, по-моему, еще не готов. И потом — кто это опубликует?

— А это — не ваше дело. Все в руках Господа. Ваше дело — написать. Это нужно. Необходимо. Сколько уже написано?.

— Ни строчки.

— Ну, Полковник, вы просто лентяй. Надо торопиться, пока мы живы. Кто знает, что нас ждет... Благословляю! — Вы осеняете меня крестным знамением: — Пишите свободно, в полную силу. И учтите, как ни занят, буду приезжать, слушать, что вы там накарябаете.

7.

Так это началось.

Трудно себе представить, смог ли бы я написать роман без вашей поддержки. За эти годы у меня умирают родители — сначала мать, потом отец. Арестовывают людей, которых я считал самыми близкими друзьями. И каждый день — поток больных со всех городов и весей.

Из-за отчаянных трудностей моей жизни работа над романом растянулась на семь лет. Все это время вы рядом. Раз или два в месяц в зной ли, в стужу приезжаете ко мне, и

я раскрываю синюю папку, где накапливаются листы рукописного текста.

Сидя за столом, читаю вслух свеженаписанные страницы. Вы то попиваете чай, то поднимаетесь, ходите взад-вперед по комнате, то ставите пометки-закорючки на листе бумаги.

Не помню ни одного случая, чтоб вы сделали замечания по тексту, по конструкции вещи. Зато, когда чувствуете, что я где-то недостаточно четок мировоззренчески, робею в каких-то выводах, которые кажутся мне слишком ошеломляющими для читателя, вы произносите целую лекцию. Воистину вдохновляя.

Потом отвожу вас на Ярославский вокзал.

— Храни вас Господь! — Вы крестите меня, выходите из машины, не оглядываясь, шагаете к электричке. Широкоплечая фигура в плаще, шляпе, с неизменным портфелем в руке. Вот уже толпа заслоняет вас...

Однажды летним днем раздастся звонок телефона. Это Лидочка Муранова — прихожанка нашего храма, профессиональный звукооператор, портниха, мастерица на все руки.

— Владимир Львович! У меня отец Александр. Он плохой. Пылает жаром. Температура, наверное, под сорок! Что-то с позвоночником. Звоню тайно от него, не разрешает вас беспокоить.

Записываю адрес. Бросаю работу. Мчусь на своем "запорожце" в один из арбатских переулков. Вхожу в квартиру, где вы стоите, что-то диктуете на магнитофон, морщась от боли.

Дотрагиваюсь до вашего лба. Действительно, пылает. Вместе с Лидой заставляем измерить температуру. Тридцать восемь и девять.

Выясняется, что у вас периодически происходит нагноение врожденной кисты позвоночника. Сейчас — особенно острый случай.

Звоню знакомому хирургу в 71 больницу, расположенную в Кунцево. Тот говорит, что это дело серьезное, необходимо срочно вскрыть нагноение, произвести небольшую операцию. Говорит, что встретит нас в приемном покое хирургического корпуса.

— Александр Владимирович, едем! Немедленно.

— Да что вы, Полковник! Рассосетсяя.

Мы с Лидой насильно собираем вас, сводим к машине. Смотрю, вы уже и сесть-то как следует не можете, привалились боком к спинке сидения.

Только начинаю выезжать из путаницы арбатских переулков, слышу призывный сигнал черной "чайки", кото-

рая, обогнав нас, приостанавливается у тротуара. В "чайке" сидит священник в белом одеянии митрополита.

— Это Ювеналий. Тормозните, Полковник!

Через минуту растерянно следую за "чайкой" в одиночестве. Машина митрополита вместе с вами въезжает в ворота иностранного отдела Патриархии на улице Рылеева.

Жду у кромки тротуара. Жду вот уже десять минут, двадцать минут, полчаса. Ждет в приемном покое хирург.

Наконец, вы выходите, идете как-то боком, прихрамывая. Улыбаетесь.

— Простите! Ювеналий, кажется, единственный, кто ко мне хорошо относится. Выручает, как может...

— А знаете, батюшка, что в вашем состоянии промедление опасно?

— Все в руках Божиих!

Хирург действительно ждет в приемном покое. Поднимаемся лифтом в его кабинет. Оттуда вас уводят на осмотр.

Вскоре вы появляетесь вместе с хирургом.

— В принципе, необходима кардинальная операция, — говорит он, — а сейчас нужно хотя бы вскрыть воспаленный очаг. Под местной анестезией. И учтите, после этого больному придется остаться до утра.

Вы вопросительно, как ребенок, смотрите на меня.

— Может, не надо?

Я соглашаюсь. Это единственный случай, когда я принимаю решение за вас. И остаюсь один в кабинете.

За это время, пока вы находитесь на операционном столе, чего я только не передумал. Ведь ваши родные ни о чем не знают, не знают, что я положил вас под скальпель... Остается только молиться, чтоб все сошло удачно.

— Полковник! Вы тут совсем заскучали? — Санитары вводят вас, укладывают на диван, бледного, обмотанного бинтами.

Следом входит хирург.

— Я уйду. Вот ключ от кабинета. Вот лекарства. Утром сделают перевязку — можно будет потихоньку ехать домой. Кстати, вот градусник. Через час-полтора измерьте температуру.

— Сколько сейчас времени? — спрашиваете вы, когда мы остаемся вдвоем.

— Пятый час.

— Прекрасно! Доеду домой засветло.

— Никуда вы не поедете!

— Поеду! Поеду! — напеваете вы, начиная подниматься. — Я прекрасно себя чувствую! Прекрасно!

Вот сейчас отойдет заморозка — узнаете!

— Полковник, если вы ко мне действительно хорошо относитесь — помогите надеть туфли и пиджак.

— Ни за что! А ну-ка ложитесь обратно! Учтите, батюшка, дойдет до драки. Я вас никуда не пущу.

— Ладно. Полежу полчаса и поедем. Договорились?

Я решаю не отвечать. Надеюсь, что вас разморит, и вы уснете. Подхожу к окну, смотрю на больничный двор, на зеленень деревья.

— По-моему, температура упала. Полковник, не сердитесь. Давайте-ка ее измерим.

Через минуту вы победно протягиваете градусник.

— Тридцать шесть и восемь!

— А вы его стряхнули, прежде чем ставить?

— Конечно!

— Поставим еще раз, — стряхиваю градусник, засовываю вам подмышку. — Александр Владимирович, нехорошо обманывать ближнего!

По прошествии пяти минут забираю градусник. На нем — тридцать семь и четыре.

— Да разве это температура?! — вы снова поднимаетесь. — Владимир Львович, Володя, ну ради Христа, давайте уедем отсюда! Хочу домой. Дома и стены помогают, серьезно!

Вы обезоруживающе улыбаетесь, просите. И я чувствую, что сдался.

Забрав лекарства, выходим из больницы. Поддерживаю вас, несу ваш тяжелый портфель. И слышу смех. Вы умираете от хохота, хотя хохотать вам очень больно.

— В чем дело, батюшка?

— Посмотреть со стороны — два дервиша. Один еле тащится, другой хромает. Хорошенькая пара!

Добредаем до "запорожца". Только трогаясь с места, начинается новая атака.

— Надеюсь, вы правите на Ярославский вокзал?

— Нет уж, отвезу прямо в Семхоз, домой.

— Ни в коем случае! Поеду на электричке. В машине мне больно, трясет.

— А в электричке, значит, не трясет?

— Не трясет! Электричка давно уже дом родной, рабочий кабинет. Если удастся сесть — я там пишу, читаю. Привык. А сейчас в машине мне больно. Ладно, Володя?

— Ладно, Саша, — вырывается у меня.

На Ярославском усаживаю вас в электричку. И вы тотчас вынимаете из портфеля авторучку, лист бумаги, подкладываете папку.

После того, как вы приезжаете ко мне послушать новые страницы романа, я обычно не сразу отвожу вас на вокзал. Часто нам приходится часами колесить по улицам и переулкам Москвы. Посещать квартиры, где вы совершаете требы — причащаете больных и умирающих, крестите, венчаете. Я помогаю вам, как могу.

Душным летним днем вы просите отвезти вас в район Тушино. Долго плутаем в поисках дома для престарелых. Наконец, въезжаем в заросший тополями двор.

Вы выходите из машины и говорите:

— Обождите здесь. Там очень страшно.

— Ничего, батюшка. Я с вами.

— Нет. Вы не представляете того, что там делается. Вам не вынести.

Вы идете по тропинке сквозь тополиный пух, отворяете обшарпанную дверь.

Оставшись один в машине, думаю о вашем одиночестве. Официально крестить, венчать, совершать таинство Причастия разрешается только в церкви. Каждый раз, выходя навстречу людям, вы рискуете...

Мы же, ваши духовные дети, часто забываем об этом, относимся к вам потребительски, забываем о той обстановке, в которой происходит ваше служение. Многие вас просто компрометируют. Кто разводится после венчания, кто, едва покаявшись, тотчас ухитряется совершать чудовищные поступки. Сегодня вы рассказали мне о парне, который ударился в диссидентство, а потом написал из следственного изолятора под диктовку следователя клеветническое письмо в ваш адрес. Вы рассказали об этом, ничуть не осуждая слабого, неумного человека.

И когда я возмутился, услышал:

— А что вы хотите? Если вы заметили, в храмах много просто душевнобольных. Имеем тот человеческий материал, какой есть. Христос приходил не к ангелам...

Через час обшарпанная дверь отворяется. Вы идете ко мне какой-то серый, постаревший.

— Извините, Полковник. Я вас задержал.

Молча едем на Ярославский вокзал. Наконец, не выдерживаю:

— Что там было, батюшка?

— Запах мочи, грязные, рваные простыни. Ужасающая бедность. Несчастные старушки! Причем ведь почти у всех

благоденствуют дети, внуки. Сдали их государству помирать.

— Как же так? Что ж это делается? Батюшка, вам приходится выслушивать исповеди сотен людей. Что они о себе думают?

— Ох, Полковник! Кто приходит получить благословение на выдираание зуба, кто поносит тещу, а кто предъявляет претензии к Богу — мол, никак не внимает его молитвам. Все это жертвы, недолюбленные люди, которые не получили ни крохи любви и поэтому сами не могут никому ее дать. Нужно ангельское терпение...

— Александр Владимирович, у вас усталый вид. Не пора ли в отпуск?

— Честно говоря, ехать некуда. Раньше много лет ездил в Коктебель, снимал комнату у одной хозяйки. Там было хорошо. Работал, купался. Последний раз, пока уходил, нагрянули с обыском, все перевернули... Напугали хозяйку. Могу ли я кого-нибудь подводить?

9.

В среду, во второй половине дня вы должны приехать ко мне. А на столе неоконченная глава, может быть, самая важная в романе.

Встаю рано. Летнее утро. Представляю, как сейчас вы в облачении стоите в потоках льющегося из окон храма солнечного света, возглашаете перед верующими — "Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа!"

При том, что я регулярно, как все прихожане, бываю в Новой Деревне, исповедуясь, всегда не хватает этого чувства приобщенности, подключения к высшему.

И все-таки одно сознание того, что в маленьком подмосковном храме сейчас идет служба, идет литургия, у алтаря за царскими воротами вы, воздев руки, взываете к Господу, одно это сознание дает уверенность, что ничего плохого ни со мной, ни с другими людьми, ни с миром не случится.

Я знаю, есть верующие из других стран — православные и католики Италии, Франции, Бельгии, даже Соединенных Штатов, которые идут на большие затраты только чтоб приехать и хоть раз подключиться к богослужению, идущему в нашем храме.

Помолившись, сажусь за работу в надежде, что успею завершить главу до нашей встречи.

И вдруг телефонный звонок.

— Полковник! Я только что приехал. Звоню из автомата с вокзала, чтобы предупредить — сегодня, наверное, не увидимся.

— В чем дело?! Я думал, вы сейчас служите.

— Какое там! К десяти срочно вызвали в Патриархию. А к двенадцати — в Совет по делам религий.

— Что-то случилось?

— Все то же. Молитесь за меня.

— Минуточку! Александр Владимирович, Сашенька, не вешайте трубку! Я немедленно выезжаю. Я должен быть с вами. Где мы встречаемся?

— Полковник, вам надо писать. Зачем портить рабочее утро?

— Да неужели вы думаете, что теперь я буду способен что-то писать?! Немедленно говорите, когда и где встретимся!

— Хорошо. В районе Зубовской. У памятника Толстому. В одиннадцать тридцать.

...Заранее подъезжаю к скверу, где стоит памятник, паркую машину, выхожу из нее.

Разгорается жаркий, душный день. На скамейках пенсионеры читают газеты, мамы катят коляски с младенцами.

”Господи, сохрани и помилуй батюшку моего отца Александра, охраняй его от всякой беды, от всякого зла...” — Я стою возле памятника, молюсь, как могу.

Последнее время в газетах появились подлые статьи, где Александра Меня чуть ли не впрямую называют агентом ЦРУ. Вы уже не раз получали письма антисемитов, грозящие убийством...

Наконец, в конце бульварной аллеи вижу вас. Вы идете навстречу, широко улыбаетесь.

Садимся в машину, трогаемся с места.

— Так в чем дело, батюшка?

— Вызывают на допрос. В Совет по делам религий.

— Почему не в КГБ?

— Наверное, так им удобнее. Так сказать, под религиозной сенью... Вернее — антирелигиозной.

Мы выезжаем на Садовое кольцо, подкатываем к большому особняку, где помещается Совет.

— Батюшка, буду вас ждать.

— Спасибо. Но я не знаю, сколько это может продлиться.

— Сколько бы ни продлилось.

Опять я один. Палит солнце. Рядом рокошет Садовое кольцо. В запахе гари гонит оно бесконечный поток автома-

шин. Под чахлыми липами тротуаров идут прохожие. Каждому из них всего через полтора-два года будет известно имя человека, которого допрашивают сейчас в стенах вот этого особняка.

Оттуда со двора выезжают "волги" с зашторенными задними стеклами. Может быть, в одной из них вас увозят на Лубянку или в Лефортово...

"Господи, Иисусе Христе, прошу Тебя, сохрани и помилуй батюшку моего Александра!"

Но вот вы появляетесь, улыбаясь. Садитесь в машину.

— Все-таки замечательно, Полковник, что вы тут ждали! Я чувствовал, слышал, как вы молитесь.

— Все, батюшка?

— Какое там! У них, видите ли, обеденный перерыв. До двух часов мы свободны. Поехали к вам слушать новые главы.

— Не успеем. Осталось всего пятьдесят минут. Вам тоже надо подкрепиться.

— Не хочу есть. Выпил бы газировки.

Я привожу вас в Дом литераторов, беру в буфете бутерброды, кофе, "пепси-колу".

— Батюшка, что они от вас хотят?

— Чтоб я больше ничего не публиковал за границей, — вы пьете "пепси" стакан за стаканом. — Интересуются, как туда попали мои рукописи. Кстати, сейчас, когда поедем, не останавливайтесь так близко от этого учреждения. Боюсь, они вас уже засекли.

— А я не боюсь. Давно решил не бояться. В конце концов мы с вами ничего плохого не делаем.

Снова подъезжаем к Совету по делам религий. Снова остаюсь один. Час проходит за часом. Вас все нет. Провожая взглядом каждую выезжающую черную "волгу".

Вот уже и жара начала спадать. Без четверти шесть вы, наконец, подходите к машине.

— Все, батюшка?

— На сегодня все.

— То есть?!

— Завтра должен явиться опять. К десяти утра. А сейчас поехали слушать новые главы.

— Отец Александр, вы устали, на вас лица нет. Давайте-ка отвезу на вокзал.

— Ни в коем случае! Едем!

Дома завариваю чай, наскоро готовлю бутерброды. Читаю недописанную главу.

— Вы знакомы с философией Анри Бергсона?

— Нет.

— Это удивительно! В сущности, вы пишете о том же, только в художественной форме. Следующий раз непременно захвачу Бергсона. Вам будет интересно прочесть. Необычайно! Этот философ — один из немногих, кто оказал на меня огромное влияние. Знаете что? Я вам сейчас изложу содержание его основных работ. Вам это нужно, просто необходимо.

— Спасибо! Но вам завтра рано вставать, снова предстоит эта Голгофа.

— Ничего. Только сделаю несколько звонков. И все вам расскажу.

Часа через три, уже вечером, отвожу вас на вокзал, чтоб встретить следующим утром и снова ехать к Совету по делам религий.

Так проходит несколько дней. Именно за это время у вас ощутимо прибавилось седины.

10.

Сентябрь 1985 года.

Теплым поздним вечером мы прилетаем в незнакомый город, где, подсвеченные прожекторами, высятся под звездами мечети, минареты.

У вас в руках полученные в Москве ключи от пустой квартиры. В центре Регистана отыскиваем улицу Комарова, дом, подъезд, отпираем дверь.

— Вот мы и в Самарканде! — вы сбрасываете на стул дорожную сумку. — Давайте попьем чаю и пройдемся по ночному городу, вдохнем воздух Азии.

Через полчаса шагаем по вымершим улицам среди спящих деревьев, средневековых мавзолеев.

— Точно так я себе все это и представлял! — говорите вы.

Понимая, что вам необходимо срочно отдохнуть, переключиться, я выбил командировку от одной из центральных газет с обязательством написать статью о проблемах новой застройки Самарканда, Бухары и Хивы. И взял вас с собой.

— Как же вы будете представлять меня в дальнейшем путешествии? Архитекторам, секретарям обкомов? Да и в гостиницах нужно будет писать, кто я такой. Все это не так просто, Полковник. Ведь я на крючке у КГБ. Как бы из-за меня не было неприятностей.

— Батюшка, вы же сами всегда повторяете — “все в руках Божиих”! Чтоб не дразнить судьбу, буду говорить, что вы — профессор, специалист по истории Востока. Тем более, это тоже правда. Разве вы не специалист?

На рассвете просыпаюсь от воркования горлицы за раскрытым окном. Бросаю взгляд на диван, где вы спите. Лицо у вас хмурое, еще не отошедшее от московских тревог.

Бесшумно выхожу на улицу, углубляюсь в лабиринт глинобитных заборов и попадаю к базарчику, где торгуют горячими лепешками, свежим солоноватым творогом, виноградом и гранатами.

С переполненной сумкой возвращаюсь в квартиру. А здесь уже шумит чайник на газовой плите. Вы встречаете меня умытый с полотенцем через плечо.

— Извините, заспался. Давайте вместе помолимся.

Вы подходите к окну, за которым в синем воздухе над вершинами деревьев встает солнце, осеняете себя крестным знаменем. Я стою сбоку. Повторяю за вами слова молитв. Отныне так мы начинаем каждое утро.

А затем выходим в город для посещения музеев, гробницы Тамерлана, старинных дворцовых комплексов, археологических раскопок. Все это вперемежку со встречами с архитекторами. Вместе со мной вникаете в проблему создания современного благоустроенного жилья. Местный зодчий, молодой узбек, показывает нам проекты и макеты белых кварталов-махалей, выполненных в народной традиции — у каждой квартиры свой тенистый дворик, своя отгороженная от других большая лоджия.

Он водит нас по Самарканду, открывает заветные уголки, недоступные туристам.

— Полковник, обязательно напишите об этом человеке, нужно помочь через газету, — говорите вы и добавляете: — До чего талантливый народ!

Обедаем мы обычно на базаре или в чайхане около пруда-хауза. Вы привыкаете к зеленому чаю, плову, мантам. Ваш лоб покрывается нежным загаром.

Однажды, когда, возвращаясь домой, мы проходим мимо уличного фотографа, вы вдруг предлагаете:

— Давайте-ка снимемся!

— Не люблю я этого дела. Стоит ли?

— Стоит, стоит. Мало ли что может случиться. Будет память.

Вы кладете руку мне на плечо. И мы во весь рост остаемся запечатленными на фоне древнего Регистана с его минаретами.

А на следующий день совершаем поездку в еще более древний город Шахрисабз. Автобус долго катит пыльной дорогой среди хлопковых полей. Вот по обочине бредет стадо. Вы хватаете меня за руку.

— Смотрите! Видите у быков светлую полосу вдоль хребта? Это та самая порода, которая была в Ассирии. Поразительно, все это сохранилось, живет до сих пор...

В загаженном Шахрисабзе, осмотрев мечети, развалины мавзолеев, мы уже в темноте подходим к новой светящейся огнями помпезной гостинице “Интуриста”. Я предъявляю свое командировочное удостоверение, прошу номер на двоих.

— А это кто с вами? — подозрительно спрашивает администратор.

— Это не он со мной, а я с ним, с известным историком! Александр Владимирович, давайте-ка ваш паспорт.

Очутившись в номере, умываемся.

— На этот раз пронесло, — говорите вы. — Ужасно сознавать свое полное бесправие.

— Ничего, батюшка, началась перестройка. Все изменится.

Спускаемся поужинать в ресторан. На эстраде грохочет оркестр.

Мы сидим за столиком среди беснующейся полупьяной стихии. Здесь, в глубине Азии, местное жулье, разряженное в американские джинсовые брюки, подражая увиденному по телевизору, вертит в танце измазанных гримом проституток. Дым коромыслом. Мат. Драка.

Перекусив, выходим в скверик возле гостиницы, садимся на лавочку.

— Даже в Крыму и на Кавказе не видел таких звезд! Взгляните! Знаете, часто спрашивают — когда будет Страшный Суд? И я отвечаю, что он может начаться через секунду. В любой момент. Надо быть готовым всегда. Это так. Но в глубине души убежден, что христианство только начинается. Для Господа тысяча лет, как один день... Вы видели сейчас этих людей. До них еще и краем не дошла ни проповедь Магомета, ни тем более Христа.

— Откуда же им узнать... Мечети разрушены. Я уж не говорю о церквах. Атеисты за семьдесят лет постарались.

— Вы что всерьез думаете, что атеисты виновны в разрушении церквей?

— А кто же еще?

— Настоящие виновники — ложные христиане, всякие купцы и дворяне, мироеды, которые мучили крепостных, пьянствовали, развратничали, а потом перед смертью пытались откупиться от греха, жертвовали деньги на постройку храмов. Виноваты и церковники, те, что пили, жрали, подлаживались под мирскую власть, благословляли всякие безобразия. Атеисты явились лишь орудием гнева Господня. Перечитайте пророков Библии, и вам все станет ясно.

Мы сидим на скамье, запрокинув головы, смотрим в черный космос, усеянный звездами.

А рано утром покидаем гостиницу, нам нужно вернуться в Самарканд, чтобы в первой половине дня вылететь в следующий пункт нашего путешествия — Бухару.

Голосуем у обочины. Приостанавливаются “жигули”. Водитель — худенький пожилой узбек едет как раз до Самарканда. Едет другой, горной дорогой через перевал.

Стекла опущены. Свежий ветерок овеивает наши лица. Нарастает неистовый птичий щебет. Вдали высятся синие горы, из-за которых выходит спящий солнечный диск.

11.

Неделя в Бухаре пролетает незаметно. И здесь местные архитекторы водят нас по городу, рассказывают о своих проблемах. Мы посещаем медресе Улугбека, мавзолей Самонидов.

Как-то сидя в чайхане на помосте, оказываемся в обществе аксакалов. Эти седобородые люди в чалмах заводят с нами беседу о древних обычаях, об Авиценне, о богах и героях древности. Вы так уважительно разговариваете с ними. Будто со стороны, смотрю я на эту сцену...

Напившись зеленого чая, мы уходим. Один из стариков останавливает меня, спрашивает:

— Кто этот человек? Ученый? Да продлит Аллах его дни!

Наступает утро, когда, попрощавшись с архитекторами и выписавшись из гостиницы, мы приезжаем в аэропорт, чтобы вылететь в Хиву. Там, в последнем пункте путешествия, нас должен встретить главный архитектор города.

До отлета час с лишним.

— Полковник, зачем томиться в душном зале? Вон роскошная беседка, да еще обвитая виноградной лозой. Пойдемте туда, будем без помех разговаривать. Помните, вы давно грозились рассказать о своем мистическом опыте?

В беседке и в самом деле хорошо. Солнце сквозит сквозь усохшие виноградные листья. Чирикание воробьев не заглушает голоса диктора, объявляющего о начале регистрации на рейсы.

— Батюшка, почему-то сильно побаливает затылок. Признаться, как-то не до мистического опыта.

— Бедняга! Лечите всех, а у самого поднялось давление, — вы возлагаете ладони на мое темя, молитесь.

Боль разом исчезает.

— Так вы можете лечить?!

— Никогда никому об этом не говорите! Житья не будет. Замучают.

Мы говорим о мистическом опыте. Моем. Вашем. Оказывается, с вами происходили поразительные вещи! И опять вы просите никогда никому про это не рассказывать.

— Видите ли, с нами случились события, память о которых нужно хранить глубоко в душе. Я уж не говорю о простаках, ищущих предмета восторженного поклонения... Что-то долго не объявляют рейс. Схожу, узнаю, в чем дело.

Через несколько минут вы возвращаетесь и еще издали кричите.

— Только не выпадайте в осадок! Наш самолет улетел. Уже три часа назад! И другого сегодня не будет.

— А в чем дело?!

— Мы с вами, великие мистики, ухитрились спутать сегодняшнее число и месяц на билетах с часом и минутами вылета! И это прекрасно!

— Как вы можете так говорить? Да еще улыбаться!

— А что остается делать? Вот увидите, все будет хорошо.

— Ничего себе “хорошо”! Здесь из гостиницы выписались, там, в Хиве, нас встречал и не встретил архитектор... Давайте билеты. Пойду к диспетчеру.

— Только не волнуйтесь. Помните — на все воля Божья.

Узнаю у диспетчера, что рейса в Хиву действительно больше не будет. Что вскоре пролетом в некий Турткуль, который находится где-то недалеко от Хивы, совершит короткую посадку “ЯК-40”. Если в нем найдутся свободные места — продадут билет.

— А если нет? Мне нужно два билета!

— Будет два — продам два, — отвечает диспетчер. — Но учтите, здесь еще один пассажир с такой же проблемой.

Этот пассажир уже стоит рядом, ревниво прислушивается к переговорам. На нем тубетейка, серый костюм, сапоги с галошами.

— Знаете, — говорит он, — выслал в Хиву грузовик гранат на продажу, а сам решил лететь самолетом. И проспал немножко.

— А как из этого Турткуля добираться до Хивы?

— Там переправа через Аму-Дарью. Оттуда на такси. Не очень далеко.

Минут через тридцать втроем входим в прилетевший “ЯК-40”, летим в неведомый Турткуль.

— Полковник, не хмурьтесь. Неужели вы не понимаете, что жизнь дарит нам еще один узор на своем волшебном полотне.

— Хорошо сказал! — вмешивается наш попутчик и загадочно добавляет: — Что сейчас в Турткуле есть, весь год не увидишь.

И вот мы приземляемся совсем близко от паромной переправы через широкую Аму-Дарью.

Весь берег возле переправы представляет собой холмы свезенных сюда на баржах, автомашинах и подводах среднеазиатских дынь. Круглые, длинные, желтые, зеленоватые, полосатые — все сорта, какие есть в Азии, высятся перед нами, издавая немыслимый аромат.

Любую из них можно купить за рубль.

Мы еще не знаем, на чем остановить свой выбор, а наш попутчик, вынув нож из-за голенища сапога, уже разделяет первую дыню, подносит нам два длинных истекающих соком куса.

— А ну, пробуйте эту!

Мы не успеваем съесть угощение, как он подносит новые громадные ломти.

— Эта называется “красномьяся”! А вот эта — царь всех дынь!

Мы уже наелись, попробовались. Но попутчик подбегает с новыми ломтями.

Наконец подходит паром. Мы всходим на него. Въезжают грузовики, телеги с лошадьми. Мутные воды великой реки мощно текут среди голой пустыни.

Путь парома рассчитан так, что течение само сносит его по длинной широкой дуге к другому берегу. Паром лишь подрабатывает двигателем.

Вы стоите, опершись о поручень.

— Смотрите, Володя! Все это было точно таким же и тысячелетия назад, когда шло великое переселение народов, когда зарождались цивилизации. Точно так же среди пустынь текут Нил, Тигр и Евфрат, разве что там кое-где пальмы на берегах... Нам необыкновенно повезло, что мы оказались здесь! Как голова? Не болит?

— Не болит, батюшка.

Пока паром причаливает, пока сходим с него, расторопный спутник уже зовет нас в такси.

И вот мы мчимся в Хиву. Шестой час вечера. Неизвестно, где искать архитектора, безнадежно встречавшего нас утром в аэропорту. Решаем выйти у обкома партии. Только здесь есть надежда найти хоть какие-то концы.

Расплачиваюсь с водителем, прощаюсь с нашим попутчиком, который едет дальше, на базар. А вы уже идете ко мне от здания обкома, улыбаетесь.

— Полковник! У меня ошеломляющая новость! Отгадайте, какая!

— В чем дело?

— Это — не Хива! Нас занесло в другой город.

Подхожу к массивным дверям. Рядом укреплена большая вывеска — “Хорезмский областной комитет КПСС”.

Открываю дверь. В вестибюле маятся дежурный милиционер.

— Все на хлопке, — говорит он настороженно, — руководят уборкой. Никого нет.

— А где Хива?

— Хива отсюда в тридцати километрах. Тут Ургенч.

— Если Ургенч, почему написано — Хорезмский обком?

— Так получилось. У нас всегда путаница. А что вам надо?

Едва начинаю объяснять, он тотчас перебивает:

— Так это вы? Вас с утра ждет городской архитектор, сюда приходил, спрашивал. Вот видите рядом корпус, он там, на втором этаже.

Наконец все улаживается. Архитектор отводит нас в интуристовскую гостиницу, где благодаря ему получаем роскошный номер на двоих. Правда, не без заминки. И здесь администратор долго рассматривал ваш паспорт, спрашивал, кто вы такой, почему нет командировочного удостоверения...

— Не огорчайтесь, Полковник. Нужно постоянно помнить, где мы находимся. Если б вы знали, что я испытал только от одной нашей церковной братии. Все время стараются показать, что я чужой, нежелательный.

— А вы никогда не думали об отъезде?

— Был грех. Знаете, был момент, когда я вздумал уехать навсегда. Служить православным священником в Палестине. Уже готов был чемодан собрать. А потом опомнился.

Мы сидим в номере, несколько усталые от перипетий сегодняшнего дня. Вы порывисто поглаживаете свою львиную гриву густых волос.

— Если можешь хоть кому-то светить во тьме, уезжать — предательство. А вы как думаете?

— Батюшка, я ведь литератор, пишу на русском. Страна, в которой родился, это — судьба. Человека создает путь наибольшего сопротивления... Поэтому могу только благодарить Бога за все испытания. И за то, что мы с вами встретились. Именно здесь.

— И теперь, — подхватываете вы, — “Здесь и теперь”. А что, неплохое название для вашего романа?

— Поразительно! Я ведь его так и собираюсь назвать! Дома в Москве на листочке записано. Телепатия?

— Почему бы и нет? Убежден, телепатия существует, Все это замечательно. Одно плохо. Из-за наших перемещений мы оба не имеем возможности работать. Я ведь начал писать словарь по библиологии. Обо всем, что касается Библии. От А до Я. Будет томов пять или шесть.

— Но ведь это задача для целого института!

— Раз такого института нет, должен же кто-то сделать эту работу. Итак, кто первый идет принимать душ?

— Идите вы.

— Нет уж. Давайте разыграем.

Вы подбрасываете монету. Первым мыться выпадает мне.

Когда я выхожу из ванны, застаю вас сидящим над блокнотом с авторучкой в руке. Вы задумчиво подкручиваете завитки в бороде, пишете своим неразборчивым почерком, скорее похожим на закорючки стенографистки. Словно кто-то диктует.

12.

Как в Самарканде и Бухаре, утром в гостиницу за нами заходит местный зодчий. Оказывается, внизу ждет машина. Черная “волга”.

Усаживаю вас рядом с водителем. Сам сажусь сзади с архитектором. Едем в Хиву.

Все тот же утренний ветер путешествий врывается в окна. Встречное солнце слепит глаза.

Архитектор рассказывает о своих делах, я кое-что записываю, еще не зная, что в Москве моя статья так и не будет опубликована из-за глобальных перестроечных тем, заслонивших для редакции все частные проблемы.

Вы горячо участвуете в разговоре, то и дело оборачиваетесь к нам, пока не обращаете внимания на громоздкий аппарат, закрепленный между вами и шофером.

— Что это такое?

— Телефон, — отвечает водитель. — Можно позвонить в любой город Советского Союза.

— Прямо отсюда? На ходу? Не может быть!

— Попробуйте.

— Эх, жаль нельзя позвонить домой, в Семхоз! Там добавочный, сложно. А если кому-нибудь в Москву?

— Пожалуйста.

Вы набираете номер и, захлебываясь от восторга, сообщаете нашему общему знакомому Алику Зорину:

— Говорю из машины, которая мчит со скоростью девяносто километров в час! Едем с Полковником мимо ишаков, тополей, тутовых деревьев. Держим курс на Хиву. Привет всем! Арриведерчи!

Вы-то в восторге, а я сижу сзади и думаю — "Что ж это за машина с таким телефоном, какому ведомству она принадлежит?"

Весь день осматриваем музеи, архитектурные памятники Хивы. А к вечеру по просьбе архитектора идем в горсовет на беседу с его председателем.

Сидим в большом кабинете под портретом Ленина. Странно мне видеть вас в этой обстановке. А вы, как ни в чем не бывало, прихлебываете зеленый чай из пиалы, участвуете в разговоре о бедах этого города, о разрушении исторических памятников.

Утро следующего дня опять проводим в Хиве. Потом нас везут далеко за окраину Хивы, туда, где начинается пустыня. Здесь у небольшого пруда стоит дом. В одной из его комнат на расстеленном по полу ковре в нашу честь накрывается обед.

Во дворе на мангале жарятся шашлыки. В котле варится рыба. С десятков громадных бродячих собак кружат рядом, привлеченные запахом.

— Полковник, эта пустыня — настоящая?

— Самая настоящая. Каракумы. Если так вот прямо идти через барханы на юг несколько сотен километров — пересечешь ее всю и выйдешь в Туркмению, к Ашхабаду.

— Прекрасно! Я пошел. — Вы поворачиваетесь и начинаете уходить по песку.

— Куда вы, батюшка?

— Хочу хоть раз побыть в пустыне. Не волнуйтесь. Скоро вернусь.

К моему изумлению, все бродячие псы, забыв о соблазнительных запахах, устремляются за вами.

Человек, окруженный собаками, уходит далеко-далеко. Вот уже и не видно никого за барханами...

Накрыт дастархан. Все сидят по-восточному вокруг уставленного яствами ковра. А вас все нет.

Не на шутку обеспокоенный, в которой раз выхожу наружу и, наконец, замечаю вдали движущуюся точку.

— Ох, Полковник! — говорите вы, когда во дворе я сливаю вам ковшиком воду для умывания. — Вся наша поездка была замечательная. Но прогулка по пустыне! Знаете, мне это было нужно, чтобы проверить свои ощущения. Я ведь столько писал о древних племенах...

Потом вы, так же как и все, сидите, скрестив ноги, за пиршеством, лакомитесь угощениями. И здесь тоже возни-

кает разговор о старинных мудрецах, о жизни и смерти, вере и безверии. Эти восточные люди обращаются к вам со своими сокровенными вопросами. Беседа продолжается до темна.

На следующий день, когда мы подлетаем самолетом к Москве, вы говорите:

— Володя, если получится, давайте в будущем году опять проведем отпуск вместе.

13.

Перестройка. Гласность. Демократия. Вспыхивает всеобщий интерес к подлинной истории страны, истории революции. Рушится догматическое мышление. Вроде бы меняется отношение государства к церкви, к религии. Многие люди вокруг задумались о смысле жизни, вечных проблемах бытия.

Друзья, знакомые, пациенты постоянно обращаются ко мне с вопросами. Путаница в головах стоит страшная. А уж вас, батюшка, одолевают тысячи людей. И, тем не менее, однажды, когда я говорю, что в этой круговерти никак не могу закончить роман, что порой просто не знаю, как отвечать людям, вы предлагаете:

— Пусть зададут на бумажках свои вопросы, а я попытаюсь ответить письменно.

Не знаю, как вам удастся находить время, но листочки с отпечатанными на машинке ответами я получаю очень скоро. Несколькими из них сохранилось:

Вопрос: Каково ваше отношение к "Розе мира" Даниила Андреева?

Ответ: "Роза мира" — безусловно, талантливая книга, которая отражает определенный опыт Андреева. Но, мне думается, что этот опыт носит скорее оккультный характер, нежели мистический. Оккультный в том смысле, что источник его не в высших сферах бытия, а в, так сказать, промежуточных, "астральных". Эта сфера, как известно, отличается обманчиво-изменчивым характером и способна создавать иллюзорные картины. Наиболее ценно у Андреева его чувство одушевленности мира (лиурна), что подтверждается опытом многих ясновидцев. Мне лично это очень близко. Кроме того, что-то реальное кроется за образами уицрауров, но это область менее бесспорная. Сама идея "Розы мира" для христианина представляется излишней, ибо синтез, который она подразумевает, может дать лишь подлинное Вселенское христианство.

Вопрос: Почему каноничны только четыре Евангелия?

Ответ: Церковь отдавала предпочтение тем текстам, которые соответствовали духу ее учения, адекватно передавали ее веру, идущую от апостольских времен. Апокрифические евангелия были заражены духом античной теософии, чуждой изначальной керигме (благовестию Церкви). Наука нового времени показала, что 4 Евангелия самые древние и что все апокрифы — вторичного порядка, опирающиеся именно на наши канонические источники. Но, повторяю, дело не в датах, а в духе. Кстати, и в литературном отношении апокрифы несравнимы с каноническими Евангелиями и являются плевелами.

Вопрос: Где граница бытия одного человека за счет другого — между супругами, между детьми и родителями?

Ответ: Эта граница условная. Идеал — полная прозрачность друг другу. Это прообраз грядущего единства человека. Смотри поэму Вяч.Иванова "Человек". Мы все ипостаси одного Адама. Но он расколот. В любви полов естественные процессы поставлены на службу единения людей.

Вопрос: Что значит быть женщиной и быть мужчиной? После опыта безверия, осознания Пути, испытания свободной воли.

Ответ: Вопрос мне не совсем ясен. Единство двух обусловлено тем, что один может и делает то, что другой не может и не делает. Если бы мужчина обладал всеми женскими свойствами, не нужна была бы любовь полов. Пол — залог единства как взаимодополнение. Это не имеет отношения к конкретной социологии семьи. В прошлом муж воевал, охотился, зарабатывал, а на женщине был очаг. Сейчас женщина вовлечена в так наз. мужские дела и поэтому такое резкое разделение труда стало размытым. Даже в Англии традиционный "божок", глава семьи, теперь часто готовит утренний завтрак. Но все же у нормального мужчины остается воля и ответственность, а у нормальной женщины теплота и дух "очага".

Вопрос: Кто такие с духовной точки зрения люди с расстройством психики (сумасшедшие)?

Ответ: Человек, грубо говоря, делится на три сферы: дух, душу и тело. Физические болезни, поражая тело, ограничивают его функции, психические болезни, поражая центральную нервную систему, ограничивают или искажают ее функции. Жизнь духа тогда как бы капсулируется. Но настоящая болезнь духа это грех. Воля к добру может сделать и психически больного святым. (Например, юродивые.)

Вопрос: Как понимать конкретные даты сотворения мира и других событий, упомянутых в Библии?

Ответ: Библейские цифры символические и не имеют никакого отношения к хронологии. 7 это число, означающее совершенство полноты. Поэтому бытие мира начато в 7 "дней". Конкретно же сроки возникновения мира должен устанавливать разум, наука, а не откровение, которое открывает людям лишь то, чего они не могут постичь силами одного единственного разума.

Вопрос: Почему Иисус Христос назван не по древним библейским пророчествам? Ведь Он должен был быть наречен Эммануил — "с нами Бог".

Ответ: Пророчество исполнилось не буквально, а по существу. Ибо пророчества — не прогнозы, не предсказания, а духовные предвидения сути мирового процесса. Если бы Христа назвали Эммануилом, было бы слишком просто. Он был таковым."

14.

Год 1986 выдался для меня особенно сложным. Эти сложности постоянно отрывают от письменного стола, от романа. Поэтому, когда в сентябре появляется возможность уехать поработать над рукописью на Каспийское море в Дербент, я счастлив. И уж, конечно, особенно счастлив тем, что вы, батюшка, летите со мной.

Наша комната находится на третьем этаже каменного корпуса турбазы, расположенной на самом берегу вдали от города. Умывальник, две кровати, две тумбочки, стол, два стула, шкаф для одежды. Да еще балкончик.

Первым делом вы отдергиваете "молнию" на своей дорожной сумке, извлекаете оттуда Библию в зеленом клеенчатом переплете, надписываете — "На память о седом Каспии. А.1986", дарите мне.

Потом выходите на балкон, с восторгом озираете морскую синь.

— Полковник! Мы будем видеть это каждый день! Давайте сразу макнемся?!

Переодевшись, спускаемся к пустынному пляжу. Ступаем в теплую воду. Дно под ногами устлано плоскими горными породами, поросшими водорослями. Вы видите, что мне скользко, немедленно подходите, бережно берете за локоть, поддерживаете. И вот мы уже плывем.

— Полковник, не заплывайте далеко, чтоб я не волновался!

— Хорошо, батюшка!

Когда, наплававшись вволю, поворачиваю обратно, вы уже ждете меня у берега, чтобы подстраховать.

А потом мы идем обедать. Столовая турбазы расположена в другом здании, довольно далеко. Путь преграждает какая-то траншея, за ней высится забор из железных прутьев, который ничего не ограждает. Обходить его не хочется. Вы обращаете внимание на то, что прутья в одном месте чуть разогнуты в стороны, и предлагаете:

— Давайте попробуем протиснуться! — и не без труда пролезаете первым.

Затем, обдирая бока, пролезаю я.

— Полковник, это замечательная решетка! Мы с вами будем вести здоровый, спортивный образ жизни, плавать. Я начну бегать по утрам. Вы — делать зарядку. Похудеем. Каждый раз пролезать будет все легче и легче.

Столовая представляет собой затемненный зал с сотней грязных столиков, зашарканным полом. Берем липкие подносы, становимся в длинную очередь вслед за туристами. Получаем по тарелке похлебки под названием "харчо", кашу — размазню и по стакану так называемого компота.

— В чем дело, Полковник? Прекрасная еда. Никаких изысков, зато не поправимся, — сидя за столиком, вы с аппетитом хлебаете харчо.

— Не поправимся, — подтверждаю я. — Если не попадем в больницу — тоже будет хорошо. Знаете что, батюшка, с этой столовой все ясно. Давайте-ка переходить на фрукты. Чай-кофе у нас есть. Хлеб купим. Может, где-нибудь в магазине найдем сыра.

— Посмотрим, — неопределенно отвечаете вы, принимаясь за кашу.

После обеда покупаем на расположенном у ворот турбазы импровизированном базарчике виноград, груши и два арбуза. На обратном пути ухитряемся со всем этим добром пролезть сквозь проклятую решетку.

Очутившись в своей комнате, моем фрукты, при помощи кипятильника готовим по стакану растворимого кофе. Садимся работать.

И тут выясняется очевидная вещь — писать вдвоем за одним столиком невозможно, тесно. Да и отвлекаем друг друга.

— Значит так, Полковник. Я беру стул, тумбочку и перехожу на балкон. Сколько понимаю, солнце уходит рано, ведь это восток.

— Давайте наоборот, — предлагаю я. — Здесь все-таки стол, а у вас много бумаг.

— На балконе ничего не напишете. Будете глазеть на море, на туристок, короче говоря, рассеиваться. А я привык трудиться на воздухе. Ведь у меня в Семхозе беседка.

Вы обустроиваетесь и с ходу начинаете писать. А я долго не могу собраться с мыслями. Все поглядываю на балкон, где вы работаете.

Отец Алёксандр, Александр Владимирович, Саша! Неужели все это было? Был ваш огромный, великолепной лепки лоб, склонившийся над рукописью. Была рука, в раздумье закручивающая завитки в бороде. Неужели ничего этого больше нет? И не будет никогда? Боже, зачем Ты забираешь с земли лучших?

...Часа через полтора вы шагаете с балкона в комнату.

— Как дела, Полковник? А не попробовать ли нам арбуза? Где у нас ножик?

Всласть полакомься арбузом, вы моете руки и снова усаживаетесь за работу.

А вечером мы снова идем купаться в море.

15.

Утро начинается с молитвы.

Я стою за вашим плечом. Вижу поднимающееся над морским горизонтом солнце, повторяю за вами вполголоса:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Мы читаем все утреннее правило.

Но как-то, когда на рассвете приехал на "жигулях" мой знакомый историк, чтобы отвезти нас к больному, и осталось совсем мало времени, вы ограничились одной молитвой. Мне неизвестной.

— Что это такое вы читали, батюшка?

— Давайте листок, я вам напишу. Чтоб выучили. Так я всегда молюсь, если не остается ни минуты.

Вот он, этот листок, передо мной:

"Люблю Тебя Господи

Люблю более всего на свете

ибо Ты истинная радость душа моя

ради Тебя люблю Ближнего

как самого себя Аминь".

Написано без точек и запятых. Как говорится, как дышится. На одном дыхании.

Обычно после молитвы вы спускаетесь вниз и бежите по тропинке вдоль берега. С балкона, где я делаю зарядку, видно, как фигурка в синей рубаше и синих брюках далеко-далеко забирает влево, скрывается за деревьями, вновь показывается...

— Володя! Спускайтесь скорей! — слышится снизу. — Смотрите, какое сегодня море — прелесть!

И мы опять плывем.

Так чрезвычайно просто складывается наша жизнь на турбазе. Постепенно и я втягиваюсь в работу. Роман близится к концу. Каждый вечер вы просите прочесть написанное мною за день.

— Давайте когда-нибудь сочиним вместе киносценарий! — предлагаете вы однажды.

— Какой?

— О жизни и смерти. Я постоянно об этом думаю. Вот вы кончите роман, я напишу все статьи для своего словаря, хотя конца-края этому не видно, и мы попробуем рассказать с экрана о самом важном для всех. Это действительно важно, особенно сейчас. Когда началась великая суeta. Вот вы радуетесь — перестройка... Я тоже, конечно, рад. Но знаю, что в той же мере, с какой возрастают силы добра, возрастают и силы зла. Нужно ориентировать людей на вечное. Мы еще вернемся с вами к этому разговору... А сейчас хочу предложить вам одну экспедицию. Вы заметили, там у столовой расположена танцплощадка? Не сходить ли нам посмотреть?

Пораженный этим предложением, поднимаюсь со стула.

И вот мы сидим в темноте на скамейке под раскидистым деревом. Перед нами на залитом электрическим светом асфальтовом пяточке дергается, прыгает, трясётся толпа. Так называемый "диск-жокей" — парень из местного персонала, меняет кассету в магнитофоне и, явно издеваясь над публикой, орет в микрофон:

— А теперь "белый танец"! Сегодня наши гости — туристки из Вологодской и Архангельской областей. Пусть дамочки — Маши, Наташи и прочие Ньюши сами приглашают кавалеров. Но только из местных! Чтобы показать дружбу народов. И даже любовь!

Поднявсь этому призыву, девушки и женщины робко направляются к уголовного вида личностям, плотно окружившим танцплощадку. Усиленная динамиками какафония вновь взрывает тишину. То, что происходит перед нами, неописуемо...

Мы идем в темноте по тропинке. Рядом бьется о скалы морская волна.

— Я воспринимаю наше время как начавшийся Суд Божий, — говорите вы. — В сущности, с тех пор, как Христос появился на земле, Суд уже начался. Ведь вся жизнь в человеческом обществе это уже есть Голгофа.

Ночью разыгрывается шторм. После завтрака мы на весь день уезжаем в Дербент.

Этот город, возникший там, где гряда Кавказа ближе всего подходит к Каспийскому морю, издревле контролировал узкий проход с севера на юг. Грозная крепость Нарын-Кала до сих пор высится на скале.

Там во второй половине дня нас ждет местный историк, чтобы потом, когда схлынут толпы экскурсантов, все нам доподлинно показать.

А до тех пор мы гуляем по этому своеобразному городу, который выглядит лишь подножьем циклопической цитадели, заходим в книжный магазин. Вы покупаете несколько книг, в том числе сборник поэм Евтушенко.

— Батюшка, зачем это вам?

— А вдруг? Вдруг есть хоть одна человеческая строчка.

Обойдя чуть не весь город, осмотрев Джуму-мечеть, медресе, Армянскую церковь, решаем отдохнуть в пустынном парке.

Сидим на скамейке возле чайханы на открытом воздухе, видимо, не работающей ввиду отсутствия посетителей. Вы достаете из сумки книжку Евтушенко, читаете вслух одну строфу, другую. Перелистываете страницы. Снова читаете. Хохочете над кокетливой выпренностью, беспрестанным самолюбованием автора.

— Даже там, где он вроде бы смел, прогрессивен — все это бойкая версификация, не имеющая никакого отношения к поэзии. Не о чем говорить! А знаете, Полковник, возможно, вы будете удивлены, последнее время я все чаще перечитываю Маяковского. Не говоря уж о его таланте, это был непростой человек. Убежден, при всем богоборчестве он в душе — глубоко религиозен, пусть неосознанно. Нечто вроде библейского Иова, спорящего с Богом.

И вы начинаете читать наизусть строфы из "Облака в штанах", "Флейты-позвоночника".

— Эй, граждане! Идите сюда! Открыто! — зовет пожилой усач в белом переднике.

Мы переходим за столик чайханы. Нам подают крепкий чай в маленьких, перехваченных в талии бакинских стаканчиках, колотый сахар на блюдечке.

Чайханщика явно привлекают два непривычных посетителя. Он присматривается, прислушивается, затем подсаживается к нашему столику. Рассказывает о многонациональном городе, о подпольных миллионерах, о борьбе кланов, о том, как директор местного коньячного завода, узнав о грядущей ревизии, выпустил из бочек в канаву громадное количество "левого" коньяка, и жители ведрами черпали из

этого потока. Потом делится с нами бедами своей семьи — все болеют, лечатся, приходится давать врачам огромные взятки...

— Всюду одно и то же, — говорите вы, тяжело вздохнув. — Как вас зовут? Гасан? Спасибо вам большое, Гасан! Надо идти.

— Нет. Так не отпущу. Сделаю салют.

Гасан порывисто встает, куда-то отходит. Внезапно вокруг чайханы взмываются фонтанчики, фонтаны и фонтанищи. Упругие струи воды дробятся на ветру, сверкают под солнцем, обдают брызгами зелень кустов и деревьев.

Чайханщик, сияя, провожает нас, просит заходить еще.

Мы поднимаемся крутыми узкими улочками в цитадель. По булыжникам мостовой стекают потоки помоев. Шелудивые псы бегут за подводой, везущей накрытое брезентом мясо. Ветхие восточные старушки, присев на корточки, торгуют жестянками из-под консервов, книжками без переплетов, старыми фуфайками...

— Запомните, Полковник! Смотрите во все глаза. Вот вам наглядная иллюстрация к так называемому развитому социализму.

Мы проходим мимо каменной ниши, где группа подростков, торопливо передавая друг другу самокрутку, вдыхает дым какого-то наркотика.

Наверху, в цитадели, встречаемся с местным ученым-историком. Он увлеченно водит нас по обширной территории крепости, рассказывает о битвах, завоеваниях и разгромах. До темноты лазаем с ним по раскопам археологов, узнаем о фортификационном искусстве древних, о подземных ходах, выводящих отсюда к самому морю.

В конце экскурсии ждет сюрприз. В одном из залов бывшего ханского дворца для нас накрыт поистине царский ужин. Не устаю дивиться тому, как местные ученые мгновенно распознают, с кем они имеют дело. Поражаясь вашей энциклопедической образованности, задают вопросы, втягивают в решения научных проблем, делятся своими гипотезами.

— Владимир Львович, а не пора ли нам домой? — спрашиваете вы, несколько устав.

Вы так же, как и я, "жаворонок". Часам к одиннадцати вечера начинаете хотеть спать, рано встаете.

Утром слышу возглас:

— Володя! Смотрите, и сюда пришла осень!

Над успокоившимся морем треугольником летит громадная белая стая. Мы долго провожаем ее взглядом.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — шепчут ваши губы. — Боже, буди милостив ко мне грешному...

Целыми днями мы работаем. Обедать, несмотря на ваши уговоры, я не хожу. И порой вижу с балкона, как вы в одиночестве пролезаете через прутья решетки.

— Полковник, сегодня на второе давали котлету. Я вам ее принес. Съешьте, пожалуйста.

Вы садитесь за свою тумбочку на балконе, принимаетесь писать. Разделавшись с котлетой, я тоже берусь за авторучку. Проходит час, другой. Мельком вижу, вы что-то чертите на бумаге...

Снова углубляюсь в работу.

— Володя, а не макнуться ли нам в море? Застопорило, не пишется. Вот чем я занимался вместо дела — вы показываете два листа бумаги, покрытые рисунками доисторических зверей. Тут и мамонт, и птеродактиль, и звероящер... Целых двенадцать изображений. Внизу одного из листков две условные человеческие фигурки с подписью — "Два дровища". — Это мы с вами, — говорите вы и собираетесь поврать рисунки.

— Что вы делаете?! Сашенька! Отдайте их мне, очень прошу!

Эти рисунки лежат сейчас передо мной. Изумительно исполненные, точно с натуры. При этом с юмором...

Искупавшись, мы поднимаемся по лестнице домой. В холле между вторым и нашим третьим этажом работает телевизор. Идет какой-то детский мультик. И я вижу, как вы замираете, останавливаетесь, опускаетесь в кресло.

Давно заметил, кино просто притягивает вас. Я так и норовлю уйти, если фильм не нравится. Вы же ухитряетесь досмотреть до конца даже дрянную кинокартину, пытаетесь понять, почему плохо получилось, анализируете.

— Так вот, Полковник, снова возвращаюсь к идее написать сценарий о жизни и смерти. Думается, там не должно быть актеров. Давайте возьмем интервью у людей, переживших клиническую смерть, у священнослужителей всех религий, выделим то общее, что говорит о посмертном существовании. Может, сами и поставите? Не зря же кончали Высшие режиссерские курсы!

— Ну кто же нам даст снять такой фильм?

— Дадут! Именно сейчас момент, когда можно прорваться. Кто знает, что будет потом!

На следующий день на пляже появляется фотограф. Вы немедленно извлекаете меня из морских волн. И вот мы сидим на обломке скалы перед камерой.

За несколько дней до отъезда получаем фотокарточки.

— А знаете, я еще никогда так не отдыхал! И купались, и поработали. Это было просто идеально.

...В холодном вагоне с разбитыми окнами мы едем в Москву навстречу дождям, навстречу будущему.

16.

Весной 1987 года я заканчиваю роман. И неожиданно для окружающих женюсь. Представив вам Жанну, получаю полное одобрение.

Вы венчаете нас, торжественный, строгий.

— Признаться, я очень беспокоился за Полковника. Не гоже человеку быть одному. Дай Бог, хоть у вас все будет хорошо.

Перемена в моей судьбе нисколько не отдаляет нас друг от друга. В те дни, когда я посещаю храм в Новой Деревне, вы часто просите меня обождать после службы, чтобы потом поехать вместе в Москву. Ожидание порой затягивается на долгие часы. Множество людей скапливается в церковном дворике, каждый жаждет задать вопросы, поговорить. Выйдя их храма, вы попадаете в плотное кольцо жаждающих общения. И для каждого находится слово, улыбка. Многие тянутся за вами в церковный домик, в кабинет.

— Минуточку! — вы быстрым шагом выходите к воротам, где я жду у своего "запорожца". — Волюдя, еще минут тридцать, от силы сорок, и мы поедем. Хорошо?

— Конечно. Не беспокойтесь, не спешите.

Проходит еще час, полтора. Наконец вы появляетесь со своим неизменным тяжелым портфелем, садитесь в машину, протягиваете бутерброд или яблоко.

— Извините, Полковник. Заставил вас столько прождать.

— А вы сами-то успели поесть?

— Поклевал. Ну, так какие новости с романом?

— Читают в разных журналах. Говорят — очень интересно, нравится, а в рецензиях то пишут, что слишком велик объем, то что советский читатель не подготовлен к такого рода произведению.

— Это точно. Не подготовлен. Знаете что, сегодня, когда закончу все требы, заскочим к вам. На всякий случай хочу взять у вас один экземпляр.

— Зачем? Чем вы можете помочь? У вас самого ни одной книги в Союзе не издано.

— Пути Господни неисповедимы, — неопределенно говорите вы и спрашиваете: — А почему это вы не едите яблоко?

— Вести машину с ручным управлением и одновременно есть практически невозможно.

— Ну так я вас буду подкармливать.

В Москве мы разыскиваем улицы, переулки, где живут люди, ждущие вашей помощи, благословения. Только вечером попадаем ко мне домой. Вы торопливо пьете кофе, разговариваете в Жанной, делаете несколько телефонных звонков, забираете рукопись романа.

И вот уже Ярославский вокзал.

— Храни вас Господь! — вы осеняете меня крестным знаменем и, как всегда, не оглядываясь, стремительно шагаете к платформе.

Дома Жанна рассказывает, что каждый раз, попадая к нам, вы, улучив минутку, спрашиваете — "Как у вас с Володей? Берегите его. Не нуждается? Вот возьмите деньги, только пусть он не знает".

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Когда Жанна отказывалась от вашей помощи, вы, оказывается, тайно засовывали деньги в стоящие на полках книги! Со всем недавно, раскрыв давно не перечитываемого "Моби Дика", я обнаружил еще несколько двадцатипятирублевков.

С 1988 года в стране создаются условия, дающие вам возможность выступить с открытой проповедью учения Христа.

Первые выступления вне храма, первые публикации в газетах и журналах, подписанные "протоиерей Александр Мень". Конечно же, я счастлив, что вы вышли к людям, на громадную аудиторию. И в то же время глухое, завистливое неодобрение церковных иерархов, нарастающие угрозы общества "Память" — обо всем этом мне тоже становится известно.

— Батюшка, вы так рано уходите из дому, поздно возвращаетесь. Неужели вы не чувствуете, что это опасно? Однажды какой-нибудь мерзавец подстережет в кустах и деревьях возле калитки, ударит топором по голове... Сколько наших парней, сменяя друг друга, смогли бы вас охранять. Делали бы это с удовольствием.

— Ну, что вы, Полковник! На все воля Божья.

Мгновенная, словно при вспышке молнии, страшная сцена увиделась давно, еще до того, как вас допрашивали в Совете по делам религии. Я и тогда сказал вам об этом, уговаривал стать осторожным. И всегда получал один и тот же ответ:

— На все воля Божья.

Летит время. Вас впервые выпускают за границу — в Польшу.

— Батюшка, если будет возможность, побывайте в Кракове. Говорят, замечательный город.

По возвращении вы объясняете, что все время ушло на работу в библиотеках — изучали материалы к своему словарю по библеистике. Было не до поездок.

Однажды вы показали мне длинный лист бумаги, где на компьютере набрано расписание выступлений на всю первую половину 1989 года. Заранее обозначен каждый день, час.

Наступает вечер, когда вы впервые появляетесь в моем доме на экране телевизора.

В этот период мы начинаем видеться реже. Вы заняты с утра до вечера. Утром служба, днем требы, по вечерам выступления. А еще работа над словарем. А еще встречи со все большим количеством людей.

Всегда внезапно раздается телефонный звонок.

— Полковник, звоню из клуба на Волхонке, через пять минут иду на сцену. Как вы там?!

— Издательство "Советский писатель" заключило договор на роман! Выйдет в 1991 году.

— Поздравляю! Я же вам говорил — не отчаиваться. На днях зайду. Привет Жанне!

Через несколько дней тишину взрывает характерный тройной звонок в дверь. Вы появляетесь с тем же портфелем и рюкзачком через плечо.

— Неужели через два года мы с вами будем держать в руках книжку под названием "Здесь и теперь"?! Еще раз говорю, ваше дело сочинять, не теряя ни дня. А что вы сейчас делаете? Помните, вы рассказывали о двух своих поездках — на Кавказ и в Египет? Должен сказать, я часто возвращаюсь в мыслях к этим историям. А если на их основе написать вторую часть духовных поисков вашего героя — Артура Крамера? Подумайте!

Попив чая, вы озабоченно взглядываете на часы.

— Знаете что, давайте по дороге к вокзалу заскочим куда-нибудь в кулинарию — сегодня ко мне должен приехать в гости священник из Чехословакии, а дома хоть шаром покати.

Мы заезжаем в одну кулинарию, в другую. Там тоже хоть шаром покати, пустые полки. Лишь наискось от Ярославского вокзала удастся купить два килограмма истекающего водой фаршированного перца. Вы запикиваете его в пластиковую сумку.

— Батюшка, поедем еще. Какое это угощение? Ерунда.

— Прекрасное угощение! Прекрасное! Все равно больше ничего не достанем. А время дорого. Кстати, у меня к вам просьба — на днях улетаю вместе с деятелями культуры на какой-то симпозиум в Германию. Лететь надо утром.

Можно накануне вечером я к вам приеду, переночую? Ведь вы живете на трассе Шереметьево-II.

— О чем разговор? Конечно!

С этих пор вы всегда перед отлетом за границу ночуете у меня. Вместе ужинаем, смотрим телевизор. По нему все чаще показывают церковные службы, храмы, все чаще в устах выступающих мелькает слово "духовность".

— Конечно, спасибо и за это... — говорите вы. — Кто б мог подумать, что мы с вами доживем до такого... И все же, все это вряд ли имеет отношение к религии. Просто распались старые тоталитарные скрепы. Колоссально возрос разгул преступности. Государство растерялось. Хочет при помощи церкви установить хоть какие-то моральные нормы. Обратите внимание — никто, даже иерархи, выступающие по телевизору, никогда, ни разу не проповедуют Христа, Бога, не говорят о самой сути того, что мы знаем, во что верим. Сладенькие пейзажики с церквями, что продают на Старом Арбате, — вот и вся "духовность". Должен сказать, даже и это может кончиться в любую минуту. Нужно спешить! Нести людям подлинное слово Христа, а не какой-то духовный эрзац для бедных.

Наступает 1990 год.

17.

По телевидению, по радио, на стадионах, во множестве аудиторий звучит ваш голос. Газеты и журналы публикуют ваши статьи. Ваша проповедь доносится до миллионов людей.

Обычно я не хожу на ваши выступления. Не только потому, что занят, написал повесть, затеваю новую вещь, связанную с теми двумя путешествиями, о которых вы говорили.

Я почти не бываю на этих выступлениях, так как физически чувствую атмосферу идолопоклонения, которую создает вокруг вас восторженная публика. Вера — дело глубоко личного духовного опыта.

Массовое, повальное увлечение религией — всего лишь увлечение, мода. Кроме того, у толпы есть свойство, воздвигнув кумира, через некоторое время его свергать...

А вы, вроде ничего этого не замечая, с чистым сердцем продолжаете свою проповедь.

Как-то вечером подъезжаю к клубу на Волхонке, чтобы после выступления отвезти вас на вокзал. Вы появляетесь, окруженный людьми. И здесь, на улице, они все задают

вопросы, спрашивают, когда можно приехать в храм креститься.

Наконец, вы садитесь в машину, и мы едем.

— Полковник, вы хотите мне что-то сказать?

— Нет.

— Не лукавьте. Я уже давно чувствую, назрело. Говорите!

— Телепатия?

— Телепатия. Я даже знаю, что именно у вас на душе.

— Ох, батюшка, может быть, я не прав, но мне кажется, что все эти люди превращают вас в суперзвезду. Поверьте, во мне говорит не ревность. В некоторых своих статьях вы начали повторяться. А каждое ваше выступление, по-моему, должно быть событием.

— Володенька, вы совершенно правы. Но войдите и в мое положение. Столько десятков лет я молчал. А теперь, подобно сеятелю из притчи, получил уникальную возможность разбрасывать семена. Да, большая часть из них упадет на каменистую почву, всходов не будет. Думаете, я не вижу, какая каша в головах у людей? Но если после моего выступления пробудится хоть несколько человек, пусть даже один, разве этого мало? Знаете, такое ощущение, что вскоре все это кончится, по крайней мере для меня.

— С чего это вы взяли?

— Между прочим, на днях встречаюсь с писателями в Доме литераторов. Приходите!

И вот я сижу в переполненном зале, смотрю на освещенную сцену, где вы, прочитав лекцию, с микрофоном в руке отвечаете на вопросы. Им несть числа. Вы вдохновенно отвечаете на них, пока не разворачиваете очередную записку.

— Ага! Вот она! Ну как же! Я давно ждал. Даже здесь не обошлось без нее. "Что делаете вы, еврей, в нашей православной церкви?" — вот что тут написано...

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Вы спокойно рассказываете аудитории, что для христианства "нет ни иудея, ни эллина", а у меня сжимается сердце. Как же я мог укорять вас, когда каждое ваше выступление в этой обстановке — это еще и акт личного мужества... "Господи! Сохрани и спаси батюшку моего, отца Александра!"

Весной и летом вы совершаете две поездки в Италию. После одной из них встречаю вас в аэропорту Щереметьево, заранее радуясь, что вам удалось отдохнуть.

Вы появляетесь из-за стойки таможенного контроля неузнаваемый. Постаревший. Какой-то низенький. Под глазами мешки.

— Что случилось, батюшка?

— Никогда больше не буду ездить за границу. Во-первых, дорого. Я не имею права тратить на себя такие деньги. А во-вторых, суета сует. В конце концов, все, что я видел, я уже знал по книгам и кинофильмам. Лучше бы поработал дома, до сих пор словарь не отшлифован. А как ваши дела? Двинулся новый роман?

— Двинулся.

— Слава Богу! Купил вам в Риме ваши любимые авто-ручки с черной пастой. Пишите. Специально приеду на днях послушать.

18.

31 июля 1990 года. Если б я знал, что мы видимся в самый последний раз, что осталось ровно сорок суток...

В тот день я с утра уезжаю по делу, а когда возвращаюсь домой, слышу ваш голос. Вы с Жанной обедаете на кухне, о чем-то разговариваете, смеетесь.

— Что это вы тут обсуждаете?

— Вас, Полковник! Куда это вы запропастились? Есть просьба. Мне нужно съездить в Строгино, исповедать и причастить одну больную. А потом, если вы не против, вернемся к вам, и я послушаю, что вы там накарябали.

— Поехали.

— Сначала перекусите. Вы же голодный.

В Строгино мы задерживаемся. Больную долго умывают, передевают, перестилают ей постель.

Ждем на кухне.

— Полковник, некоторое время тому назад я переслал рукопись вашего романа в Англию. Вдруг ее там переведут!

— Кому? Куда?

— А это не ваше дело. Ваше дело — творить. Жанна говорила, собираетесь в Коктебель. В Дом творчества?

— Да. Если дадут путевку.

— Эх, Полковник! Если бы я так бездарно не провел отпуск в Италии, я бы набился поехать с вами. Устроился бы где-нибудь рядом...

— Замечательно! А может получится? Неужели вы не вырветесь хоть дней на десять? Мы должны ехать в самом конце августа. Давайте куплю и вам билет!

— Куда там! Я ведь затеял строительство крестильни при храме. Уезжая, оставил поручения вроде бы самым надежным людям. Ничего не сделано, ничего. Пришлось впрягаться.

— А что с выходом ваших книг в Союзе?

— Масса предложений. А в результате пока что ноль. У кого бумаги нет, у кого — типографии. Одни благие намерения. Словарь окончил. С его изданием тоже сплошной туман.

Наконец больная подготовлена. Вы уходите в ее комнату. Я остаюсь один. У меня еще есть время придумать, как уговорить вас все-таки поехать с нами. Может быть, если бы я нашел слова, доводы, доказательства и сумел убедить вас в необходимости этой поездки, ничего бы не случилось?

Не знаю. Во всяком случае чувство вины безмерно. И ему нет исхода.

На обратном пути вы просите остановиться возле булочной.

— Зачем, батюшка?

— У вас дома нет хлеба.

Выходите из магазина еще и с тортом в коробке.

— Вот. Повезло. Шоколадно-вафельный.

Сидим на кухне за чаем с тортом. Вы, словно оттаяв, увлекательно рассказываете об Адриатическом море, о меч-рыбе и других чудесах тамошнего подводного мира. Затем переходим в мою комнату, где я читаю вам первые страницы нового романа.

— И это все, что вы пока написали? Полковник, над прошлым романом вы работали семь лет. У вас ведь все продумано, все вместе обсудили, я вас благословил. В чем дело?

— Жизнь отвлекает, а так все в порядке. Даже название придумал.

— Какое?

— "Все детали этого путешествия".

— Годится! Уместно. Очень. Вот поедете в Коктебель, ничто там не должно отвлекать. Макайтесь время от времени и пишите. Чтоб привезли хотя бы половину вещи. Тогда к Новому году она будет закончена. Надо спешить, Полковник! В который раз говорю — кто знает, что нас ждет.

Опять подъезжаем к Ярославскому вокзалу. Прощаемся. Получаю благословение — "Храни вас Господь!"

А через сорок дней, когда, искупавшись после работы, я распахиваюсь на горячей гальке, на коктебельском пляже возникает женщина с бумажкой в руке, кричит:

— Кто здесь Владимир Файнберг?!

Поднимаюсь. Иду ей навстречу.

— Вам телефонограмма из Москвы, — говорит она, с ужасом глядя на меня.

Читаю — "Убит отец Александр Мень".

К похоронам я не успел. На девятый день стою в углу церковного дворика у могилы, скрытой под слоем цветов.

Заместитель директора Библиотеки иностранной литературы Катя Гениева говорит:

— За несколько дней до гибели отец Александр был у меня на работе. Как раз пришло письмо из Лондона о том, что роман "Здесь и теперь" занял первое место. Он не хотел говорить вам, что это был конкурс. Чтоб в случае неудачи не пострадало ваше самолюбие. Если б вы видели, как он обрадовался! Подпрыгнул чуть не до потолка. Сказал — "Надо писать, поздравить Полковника".

Что мне теперь до романа? Я осиротел. Как осиротели сотни людей, тесно стоящие вокруг с зажженными свечами в руках.

Сашенька, Сашенька, как я стремился беречь вас, и вот не оказался рядом. Не заслонил, не подставил себя под удар топора. В страшную минуту, всегда окруженный людьми, вы остались один...

Александр Владимирович, дорогой, любимый, неужели там, в этой могиле, недвижно лежите вы? Самый живой, самый веселый...

Отец Александр, батюшка мой, какие мысли мелькали у вас в голове, когда, истекая кровью, вы еще двигались по дорожке к дому? О чем молились? Почему двум встретившимся женщинам не назвали имя убийцы?

Впрочем, ведь вы никогда, ни разу ни о ком не сказали плохого. Ни о ком.

В одной из своих книг вы пишете — "Жизнь по заветам религии неотделима от борьбы за торжество добра, борьбы за все светлое и прекрасное; она должна быть не пассивным ожиданием "манны небесной", а мужественным противостоянием злу".

Читаю и вновь слышу ваш голос, отец Александр, Александр Владимирович, Саша...

Всходы...

Здравствуйтесь, уважаемая редакция "КО"!

Я с величайшим нетерпением ждала вашего номера от 15 сентября. Ждала потому, что была уверена: уже в "КО"-то непременно будет что-то об убитом протоиерее. Будет настоящий материал, снимок, фрагмент одной из его работ... Ведь ужасно было видеть после такого события — "информашки" по тридцать-сорок строк на четвертых-шестых полосах вместе с погодой...

В "КО" же тоже пока ничего, кроме нагибинского посвящения.

А ведь это — главное событие наших дней.

Именно это — а не дебаты в Кремле, хотя я ни в какой мере не умаляю значения последних.

Мне вспомнилась запись из дневника Льва Толстого, сделанная в день смерти его сына: "... Скончался Ванечка. Ужасное..., нет, не ужасное, но великое душевное событие. Благодарю тебя, Отец. Благодарю тебя" Я прочитала это несколько лет назад — с чувством протеста: как это может быть гибель ребенка "великим событием" и что это за "Отец" такой?..

И только теперь — когда в седьмом часу утра, по дороге к храму пробивают голову священнику, и не просто священнику, а именно ему, Александру Меню, тому самому, чьи скудные публикации в нашей "светской" прессе я жадно выискивала, чья единственная телевизионная проповедь стала в моей жизни событием... только теперь я поняла, что означали те слова Толстого.

Как-то мне привелось разговаривать с католическим священником, поволжским немцем. Он говорил о мытарствах своего народа в годы сталинского геноцида, об истинных христианах, проповедовавших в земной преисподней: "Меня преследует мысль — жизни этих людей были искупительной жертвой Господу, ценой нашего сегодняшнего прозрения". Я, безнадежная безбожница, тут же спросила: "А атеисты замученные как же?" Он ответил: "Конечно, и их жизни были каплями, переполнившими чашу терпения Божьего, но настоящая жертва — это жизнь верующего". Повторяю, я закоренелая материалистка, но слов этих не могла не вспомнить вот почему: прежние вторгавшиеся в мой мир смерти вызывали чувство катастрофы, отчаяния, "черных дыр", пустоты. А гибель Александра Меня, отца

Александра — наоборот. Сразу вместе с горем — страшный духовный подъем!

Улица, ведущая к храму, дорога к храму... Отца Александра убили по дороге к храму в буквальном смысле слова. Будь ты хоть трижды атеист — не в этом дело! — нельзя не видеть страшной неслучайности.

Горе нам, если не осознаем!

Я прошу вас, расскажите о нем по-настоящему. Опубликуйте фрагменты из его трудов. Который день я переживаю эту гибель — в одиночестве, хотя и знаю, что не одна.

г.Маркс
Саратовской области
Книжное обозрение.
19 октября 1990

Марина Бирюкова,
журналист

ЕСТЬ КУДА ЛЕТЕТЬ ДУШЕ

В поселке Билибино (северо-восток Магаданской области, Чукотка) речь об Александре Владимировиче Мене впервые зашла, пожалуй в 1988 году, в районной библиотеке, на вечере, посвященном Александру Галичу. Было известно, что любимый бард тесно связан с мало кому еще известным священником, что стихи "Когда я вернусь" навеяны их встречей.

Впервые я увидел и услышал А.В. Меня в телевизионной воскресной проповеди. Кто же мог ведать, что так скоро разверзнется под ним земля, что рухнет так долго чаемая мной духовная опора, что гибель священника станет для меня потерей глубоко интимной?..

15 октября прошлого года в нашем поселке состоялась районная конференция преподавателей школ искусств и музыкальных школ. Едва ли не четверть всего рабочего времени было уделено рассказу о жизни, творчестве и смерти А.В. Меня. Тридцатиминутный телефильм памяти выдающегося священника, предварительно записанный на видеокассету, дал участникам конференции богатую пищу для размышлений, новые смелые мысли, предложил необычные решения в области педагогики. Некоторые идеи А.В. Меня могут быть воплощены в жизнь уже завтра. Например, о создании в Билибино воскресной школы говорят в местной печати. Ратуют за нее учителя.

На конференцию люди приехали из самых глухих геологических и горных поселочков Чукотской тундры. Надо было видеть их лица, глаза, когда они слышали речь о. Александра, увидели его облик, узнали подробности его жизни и смерти. Многие были просто потрясены.

Не могу не упомянуть об одном происшествии во время конференции. Уже давно были расставлены стенды с материалами об А.В. Мене (вырезками из газет, фрагментами работ, интервью, иконографией), в зале полно народа, идет рассказ о замечательном священнике, ожидается музыкальная программа. И вдруг гаснет свет. В поселке отключается электричество. Приходится продолжить повествование сначала в темноте (никто не расходится), а потом при свечах. В помощь музыкантам свечи установили прямо на табуретах около пюпитров, и два исполнителя играли для о. Александра старинную музыку — И. Баха, А. Скарлатти, В. Моцарта. "...Свет во тьме светит, и тьма не объяла его" — высветилось на одном из стендов.

Пусть и не очень изобилующие стенды и по сей день составляют небольшую меневскую экспозицию в Билибинской школе искусств, в аудитории №12. На прошедших осенью же VI цветаевских чтениях (есть и такая традиция в нашем небольшом поселке) вышеупомянутая выставка была еще раз использована. Отраден тот факт, что с ней познакомилось немало старшекласников.

Большой вечер, посвященный А.В. Меню, запланирован районным клубом книголюбов "Контакт" на 1991 год. Чем богаты устроители вечера? Духовной музыкой С. Рахманинова. Стихами-посвящениями. Публикациями работ о. Александра в журналах "Смена", "Знание — сила", "Наше наследие". Материалами, поступающими от московских друзей... Вечер должен удался.

Жив отец Александр Мень, хотя его нет с нами. Как справедливо сказано в одном из посвящений под прозрачными инициалами А.В.М. ("День поэзии", 1981):

Все подготовлено уже
каким-то мастером умелым.
И есть куда лететь душе,
когда она простится с телом.

Юрий Шкваренко

Сочинения детей воскресной школы, организованной о. Александром в городе Пушкине

Впервые я познакомился с отцом Александром 10 лет назад, когда он держал меня на руках и совершал крещение. Я тогда, конечно, не понимал и не осознавал, какой Человек представлял меня Богу. Потом уже в сознательном возрасте я видел, как отец Александр крестил мою сестру Свету. Он говорил так интересно, что когда я узнал об организации воскресной школы, которую должен вести отец Александр, я с большой радостью и нетерпением ждал ее открытия. И вот наступило 2 сентября — открытие школы. Отец Александр был добрым, умным, излучающим свет Человеком. Я полюбил его и буду помнить о нем всю жизнь!

Женя Борисов

Мечтой Отца Александра была воскресная школа. Последнее занятие он говорил о смерти.

Совершилось злодеяние...

Отца Александра с нами нет. Какая потеря для нас всех. Мечта Отца Александра сбылась. Но как трудно нам без него. Как не достает нам Отца Александра. Кто знает?!, не будь этой гибели, быть может он написал бы много книг, которые помогали бы нам всем, а может он помог бы многим больным и страдающим.

Много мог бы сделать Отец Александр Мень на земле доброго и хорошего!

Но с нами его нет ! И мы должны продолжить дела Отца Александра.

Много не понимаем сейчас
Но пойдем потом
Когда наступит тот час
И мы за ним пойдем
Он кровью своей проложил нам путь
И каждый верным ему будь.

Первый раз я была в Сретенском храме в прошлом году, в праздник Пасхи. Тогда, в Воскресение Христово, нас, будущих учащихся Воскресной школы, после службы принял Отец Александр. В тот день, я думаю, у него было хоро-

шее настроение. Мы ему понравились, Отец Александр даже пытался всех нас запомнить по именам.

Тогда я не знала Отца Александра, я не знала о его множестве талантов, не знала о его добрых делах.

Много я не знала тогда, но теперь знаю почти все.

Маша Боровикова

Меня крестил отец Александр 15 августа 1984 года. Он долго гладил меня по голове, приговаривая добрые слова. Отец Александр мне очень понравился и я всю дорогу домой говорила только о нем. Потом мы поехали навестить мою тетю в роддом, у нее родился сыночек — мой двоюродный братик. Она не знала как назвать его и спросила меня. Я сказала: "Давай назовем Сашенька, как отца Александра". Сколько не придумывали имен, "Сашенька" все равно так и оставили. Теперь у меня есть брат Саша. Ему 6 лет. Кто знает, может быть и он посвятит свою жизнь служению Богу.

Рабичева Юлия

Отца Александра я видела один раз, когда меня крестили. До этого про отца Александра мне рассказывала моя подруга Василиса. Она говорила, что отец Александр очень хороший человек, он ко всем относится одинаково добро: и к малому и к старому. Отец Александр говорит, что если тебя обидели не надо отвечать тем же злом, а надо наоборот молиться за своего врага, чтоб у него было все хорошо. Мне хотелось поскорее увидеть Отца Александра, и когда увидела, то сама убедилась в его доброте.

Агниашвили Света

Отца Александра я видел много раз, потому что часто бывал на даче, которая расположена рядом с церковью. А когда я только родился, он меня крестил.

Я всегда наблюдал за ним, когда его видел. Мне очень нравилось его красивое лицо, его взгляд, его походка. А когда умерла моя прабабушка Нюша и ее хоронили, я увидел его совсем близко, потому что моя мама разговаривала с Отцом Александром, а я стоял рядом. Он говорил очень

спокойно, а лицо у него было доброе, доброе и очень красивое с необыкновенными, внимательными глазами.

Они говорили о школе, я еще не знал, что это за школа будет. А когда было открытие школы, сразу решил, что буду заниматься.

И вот вошел Отец Александр, он улыбался, а глаза его светились. И хотя я не все понимал, о чем он говорил, я слушал его, забыв обо всем.

Запомню на всю жизнь его слова, его красивое лицо и умные добрые глаза.

Грачев Юлий

Ассоциация "Мир культуры" учредила премию имени Александра Меня — увековечила его память.

ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК НЕОБЫЧАЙНО СВЕТЛОЙ ДУШИ

17 сентября в паломническом рейсе Ассоциации "Мир культуры" на борту т/х "Тарас Шевченко" состоялся траурный митинг памяти на девятый день с того момента, когда бы убит Александр Мень, протоиерей, священник церкви села Новая Деревня. До сих пор нет вразумительного ответа на вопрос: политическое ли это убийство? Публикуем фрагменты выступлений на митинге памяти.

Писатель Фазиль Искандер: — Сегодня девятый день со дня трагической гибели Александра Меня. Прошу поверить мне, что это был человек сильного ума, широкого образования, необычайно светлой души. К нему тянулись люди с мировым именем, такие как Александр Солженицын, и простые, иногда малограмотные прихожане, и всем он находил слова утешения и бодрости. Его энергия веры и доброжелательности заряжала каждого, кто с ним общался. Вместе с тем он был очень земным человеком, любящим дружеское застолье, обладавшим тонким юмором и даром прекрасного рассказчика.

Однажды во время такого дружеского застолья и увлекательного разговора, где он сам и был центром всеобщего внимания, он вдруг посмотрел на часы и сказал, что ему пора уходить. Оказывается, он спешил к больной прихожанке, чтобы помочь ей божьим и человеческим словом. В дождливую ночь, покинув уютный дом, он ушел один в какой-то неблизкий, малолюдный поселок.

Отец Александр Мень был не только прекрасным священником, он был ученым богословом с мировым именем. Его книги в прежние времена не могли быть изданы на Родине, но теперь настал их час и они будут изданы у нас и будут продолжать просвещать и одухотворять читателей, как просвещала и одухотворяла людей его живая проповедь. В последние годы, уже в новые времена, отец Александр Мень, проявляя невероятную даже для него энергию, выступал с лекциями и проповедями перед бесчисленными аудиториями от школьников до ученых и писателей. Те-

перь, когда его нет, мы догадываемся о причинах его невероятной спешки. Он спешил опередить силу зла, которая в наше сложное время может снова встать на дыбы и дотерзать нашу истерзанную страну. Его убили на рассвете, когда он шел на службу к своим прихожанам. Кто бы ни нанес ему страшный удар топором, это та же сила зла, та же чернь, которая семьдесят лет уничтожала самых светлых людей России.

Писатель Андрей Битов: — Когда мы стояли и молчали эту условную минуту, каждый слышал шум тока своей крови. Невозможно постичь умом содеянное. Топором не отделить кровь от веры. Вероисповедание не национальный признак. В отце Александре воплотились высокие принципы православия и лучшие черты его народа. Его мученическая смерть ужасным образом утверждает это единство. Теперь в нас часть его доброты, но и тот топор — в нас же. Трудно найти слово, но еще труднее — действие. Пусть малое. Сегодня Ассоциация приняла решение учредить премию в память об Александре Мене. Эта премия будет присуждаться тем, кто своим трудом поможет помирить Мир, одушевить его. Премия за доброту. Премия будет присуждаться ежегодно писателям светско-духовного плана. Тем, кто будет следовать примеру светлого бескорыстия отца Александра.

Митрополит Филарет: — Особенно ценно, что сегодня инициатива проявлена советскими людьми, деятелями мира культуры. Поэтому от лица духовенства, церковных деятелей и я беру на себя смелость, и от лица родственников убиенного отца протоиерея поблагодарить всех вас за память и те добрые слова, кои здесь звучали в девятый день по его кончине.

Мы были близко знакомы, хотя и не часто встречались. В далекие юношеские годы прислуживали вместе в одном из Московских храмов. Я — семинарист, он — студент института, увлеченный изучением природы, всего окружающего человека мира.

О нем верно и хорошо сказано, но оценка его творческой личности как пастыря и ученого — впереди.

Сегодня мы склоняем головы, возжигаем свечу и поем ему — Вечную память!

Шевченковец. 3 октября 1990

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕОБЫКНОВЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Английская студентка Абигель Робертс рассказывает о том, как необыкновенный человек крестил ее в православную веру.

Убийство неделю назад человека, меня крестившего, заставило меня ощутить глубокое одиночество. Отец Александр Владимирович Мень, русский православный священник, привел в лоно православной церкви тысячи новых верующих, одной из которых была и я.

Как и большинство студентов, изучающих русский язык, я нуждалась в практике, мне нужно было пожить в СССР. Мне очень повезло, что я жила в семье моей русской подруги Кати Гениевой. Едва переступив порог ее квартиры, я поняла, что здесь живут люди верующие, это было особенно заметно в той комнате, которая стала на время моей спальней и в которой находится семейный иконостас. Я записала тогда в своем дневнике: "Несмотря на мои иконоборческие настроения, должна признать, что иконы производят умиротворяющее впечатление и напоминают о том, что добро не всегда лежит на поверхности"

Незадолго до этого Катя была назначена заместителем директора ВГБИЛ, что удивительно, поскольку она беспартийная. Отец Александр Мень был ее близким другом, и в прошлом году, незадолго до Рождества, он прочел в библиотеке цикл общедоступных лекций, собравших большую аудиторию. Вскоре после моего приезда в Москву, в феврале этого года, он начал новый цикл лекций. Тогда-то я и увидела его в первый раз.

В моем дневнике есть запись: "Отец Александр с бородой, на шее у него висит красивый крест черного серебра. Аудитория замолкла в ожидании, а когда он появился на сцене, раздались аплодисменты. Кто-то подошел, открыл бутылку сока, налил в стакан. Он говорил о Данте, Бертроне Расселе и даже об Айрис Мердок. И, конечно, о Дарвине... А потом были вопросы — и это было совсем не похоже на те лекции, которые я посещала раньше. Бумажки с вопросами люди отдавали кому-то вроде архангела Гавриила, тот складывал их на столе перед отцом Александром. А тот сел, надел очки и стал отвечать на них... Потом Катя Гениева взяла у него интервью для радио, в котором затронута много тем, в том числе и Джеймс Джойс. Он не любил его".

После этого в близлежащем кинотеатре состоялась премьера фильма "Нужен ли коммунизм?", героем которого был отец Александр. Зал не был полон — фильм был дискуссионный и, по-видимому, первый в ряду подобных.

В темноте я слышала в аудитории голос Сталина...

...Слышны были вздохи, в том числе и сидевшей рядом со мной женщины, дочери Рютина, убитого Сталиным. Я видела, как с энтузиазмом разрушали церкви, а завернутого в целлофан ангела просто выкинули. Разрушалась вера — их единственная надежда на спасение. Но вот на экране появляется отец Александр — его присутствие многозначительно, оно символизирует важность православной церкви в СССР. Идея фильма имеет огромное общечеловеческое значение — нет коллективизму, нет коммунизму. Думаю, что фильм надо показать в Англии. Эта идея понравилась отцу Александру...

Семья интеллигентов, у которых я жила в Москве, были прихожанами отца Александра. Русская православная служба произвела на меня глубокое впечатление.

Люди, пришедшие в церковь, от мала до велика, были там, потому что служба значила для них все. Жизнь без веры лишена для них смысла. Ничего подобного в жизни не видела.

Вера отца Александра была подобна свету, и простые, неискушенные люди любили его не меньше, чем интеллектуалы. Вера не значила для меня ничего, но, когда я увидела, как окружавшие меня русские жили ею, я решила креститься по православному обряду.

У моих русских знакомых есть дача — маленький деревянный дом, куда они приезжают на выходные и который они сами ремонтируют, когда могут разжиться досками и другими материалами. Находится она в полчасе езды на электричке от Москвы по дороге в Загорск — центр русской православной церкви. Если проехать в сторону десять минут на машине, увидишь церковь, в которой служил отец Александр, и где меня крестили. Она носит название Средненской и сооружена около 1922 г., а в это место привезена после войны. Построена она из дерева и крыта рифленым железом — подобно, как я теперь знаю, многим русским сельским церквям. Катин муж Юра работает в Министерстве строительства, и он помогал отцу Александру составить план расширения церкви, чтобы иметь место для воскресной школы. Маленькая церковь и маленькое административное здание рядом, куда приходили к нему его прихожане, а также многие известные иностранцы и гости из Ватикана, буквально расползались по швам.

Когда я пришла в церковь в первый раз, там шло отпевание, в центре стоял открытый гроб с телом мертвой женщины. Оказалось, что ее звали Агафья. Это было зловещее совпадение, если учесть, что в Катиной семье меня звали Гаша — сокращенное от Агафья. Проповедь звучала очень трогательно. Отец Александр говорил о том, как важно отдавать все, что имеешь, включая и свои таланты, Богу и близким людям, и вы будете вечно в памяти тех, с кем делились душевным теплом.

После службы мы пошли в кабинет отца Александра, где он писал и принимал гостей, и долго говорили о моем крещении, которое совершилось на следующей неделе. Когда он услышал, что я хочу зваться Агафьей, он улыбнулся и сказал: "Тогда Вы будете Агафья Кристи" — Агата Кристи.

Отец Александр крестил меня в субботу 14 апреля в 5.30 пополудни в Сретенской церкви. Вместе со мной крестилось еще около ста человек. Отец Александр обходил всех, касался головы каждого, крестил, а мы называли свои имена — меня в конечном итоге назвали на Агафьей, а Александрой. Когда подошла моя очередь идти к купели, я склонилась над чашей. Перемежая английские и русские слова, отец Александр сказал, что мне нужно делать, затем произнес по-английски: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа". Позже, во время службы, он снова сказал по-английски: "Я очень рад за Вас". На следующий день была Пасха, и я видела его в последний раз.

Домой я вернулась в июне. Спустя несколько недель мне позвонила Катя и сказала, что получила открытку от отца Александра, который находился в то время в Италии. Она сказала, что в открытке была приписка: "Передайте мою любовь Агафье Кристи"

Уважаемые господа!

Всесоюзное добровольное общество "Культурное возрождение" ходатайствует о присуждении Нобелевской премии мира священнику Русской православной церкви отцу Александру Меню.

Волею судеб в конце XX века Советский Союз стал прищемом грандиозной борьбы сил добра и сил зла. От исхода этой борьбы в решающей степени зависит, сохранится ли мир на планете Земля. Отказ от чудовищной социальной системы, породившей геноцид неслыханной протяженности во времени и пространстве, это императив. Без этого мы не выживем. Более того, мы не только погибнем сами, но и взорвем мир. Современный мир настолько хрупок и взаимозависим, что победа сил реванша в нашей стране приведет к катастрофическим последствиям в глобальных масштабах. Однако такое развитие событий не фатально: мы можем и должны воспрепятствовать ему. Задача состоит в том, чтобы развал системы не перешел в распад общества.

В критический момент нашей истории, когда страна охвачена социальным, политическим и экономическим кризисом, когда ее сотрясают межнациональные конфликты, когда ей угрожают мощные процессы дезинтеграции, — единственной скрепой, способной уберечь общество от распада, является обращение к основополагающим общечеловеческим ценностям, составляющим духовный и нравственный фундамент цивилизации.

В этих условиях многолетняя самоотверженная работа отца Александра по духовному воспитанию миллионов людей приобретает важнейшее значение для сохранения гражданского мира в нашей стране. Его книги, статьи, проповеди, его лекции, выступления по радио и по телевидению находят кратчайший путь к человеческому сердцу, смягчают души, ожесточенные нищетой и трудной борьбой за существование, удерживают людей от рокового шага. Отец Александр стоит в одном ряду с такими гигантами духа, как Андрей Сахаров и Александр Солженицын. Его многотомный труд "В поисках Пути, Истины и Жизни", глубокое и необычайно яркое исследование духовных исканий человечества, известен на всех континентах планеты. Это относится также к его обширному Комментарию к

Ветхому и Новому Заветам, книгам "Сын Человеческий", "Таинство, Слово и Образ", "Как читать Библию" и др. Если добавить сюда сотни научных и популярных статей, неизданный семитомный "Библиологический словарь", то отец Александр предстанет перед нами, как крупнейший богослов, оригинальный философ и выдающийся ученый. Но мало этого: он еще и автор многочисленных слайд-фильмов на ветхозаветные и евангельские сюжеты ("Моисей", "Давид", "Свет миру", "Апостолы" и пр.), о жизни святых ("Франциск Ассизский", "Шарль де Фуко" и др.), на иные религиозные темы ("Откуда все это?", "Туринская плащаница" и т.д.).

В течение десятилетий подвижническая миротворческая деятельность отца Александра проходила в условиях гигантского давления со стороны тоталитарного государства. Допросы, обыски, клеветнические статьи в газетах, другие формы преследования и психологического нажима — все было пущено в ход, чтобы воспрепятствовать его служению, чтобы его голос не доходил до людей. Ныне, когда обстоятельства изменились, слово отца Александра звучит в школах и институтах, в клубах и домах культуры, в рабочей и интеллигентской аудитории. Повсюду оно находит благодарный отклик, везде сеет мир в сердцах людей, тот мир, который заповедал нам Христос.

Особо следует отметить пастырскую деятельность отца Александра. Блистательный проповедник, замечательный литургист, проникновенный исповедник, он сделал жизнь своего прихода высоким образцом для других. Речь идет не только о массовой катехизации взрослых и детей или о создании богатой приходской библиотеки, но прежде всего об уникальной для нашей церкви связи прихожан друг с другом. Феноменальное знание души, ситуации и жизненных проблем каждого из его прихожан позволяет отцу Александру безошибочно вести их по пути духовного возрастания, исцелять и укреплять их сердца. К этому следует добавить, что он воспитал плеяду высокообразованных и преданных делу священнослужителей. И не случайно скромный сельский храм, настоятелем которого он является, стал одним из главных духовных центров современной России.

Широкая экуменическая деятельность, направленная на сближение не только христианских конфессий, но и всех мировых религий, выступления на международных симпозиумах и конгрессах, активное участие в делах милосердия — все это проходит в русле той огромной миротворческой деятельности, которую ведет отец Александр.

Исходя из вышесказанного, выражаем твердое убеждение, что отец Александр Мень достоин высокого звания лауреата Нобелевской премии мира.

С глубоким уважением.

Председатель Всесоюзного добровольного общества "Культурное возрождение",
директор Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы,
народный депутат СССР,
доктор филологических наук, профессор
В.В.Иванов

Заместитель председателя Общества
Е.Ю.Гениева

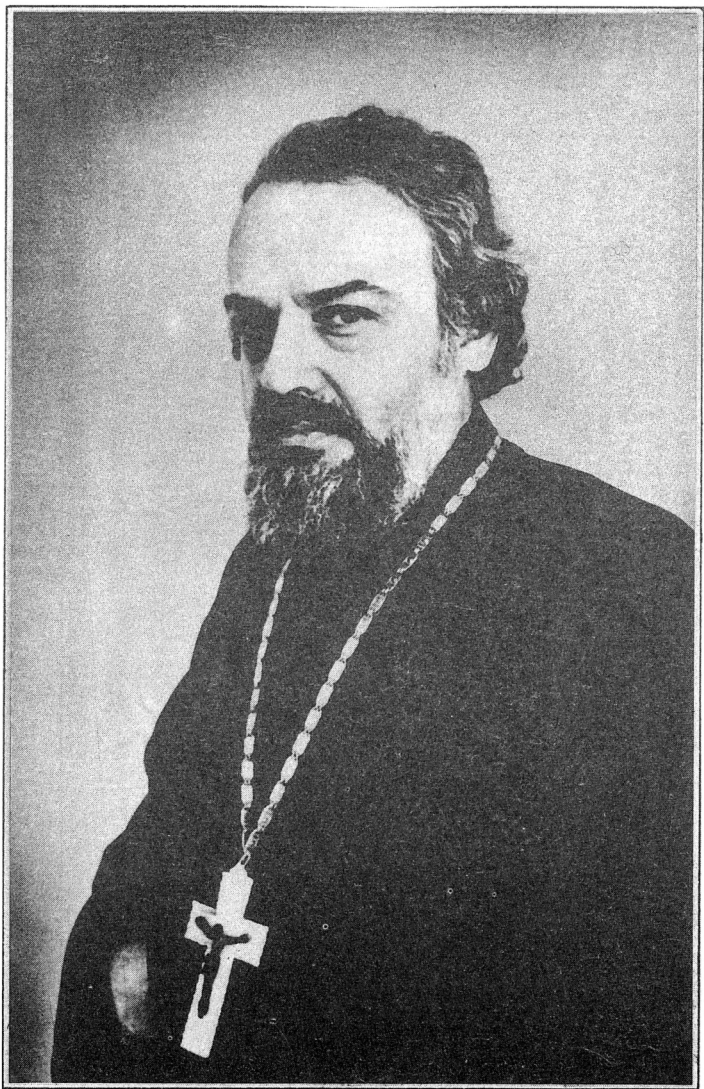
Заместитель председателя Общества
В.И.Илюшенко

23 марта 1990 г.

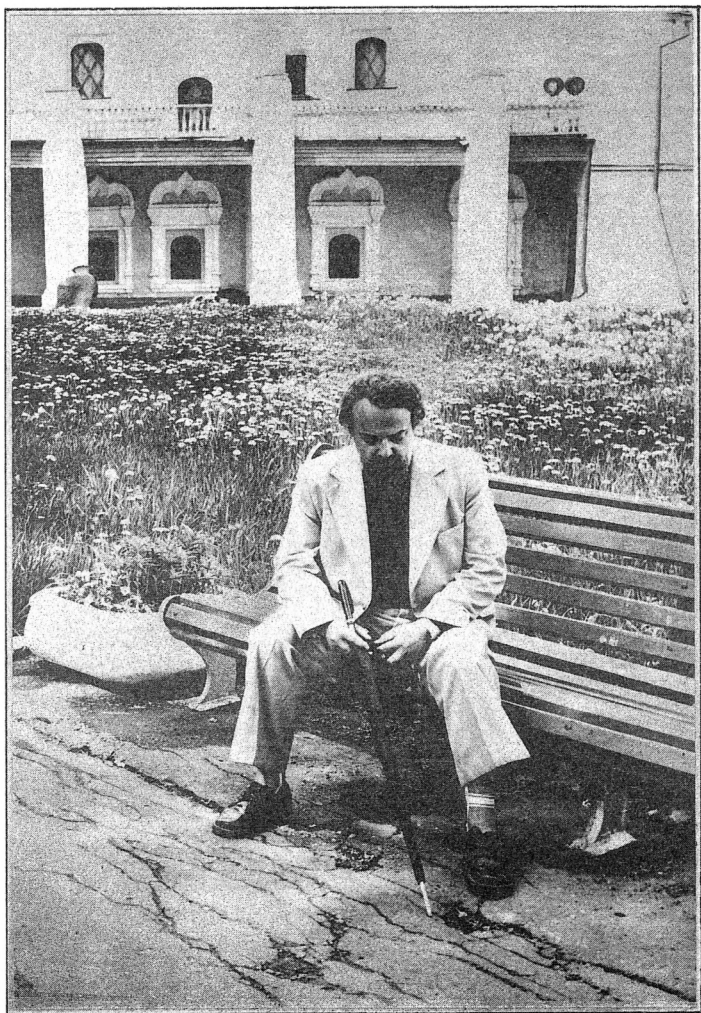
Обратный адрес
СССР, 1909189, Москва, Ульяновская улица, дом 1.
Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы
Иванову В.В.
Телефоны: 227-00-39 и 227-88-52

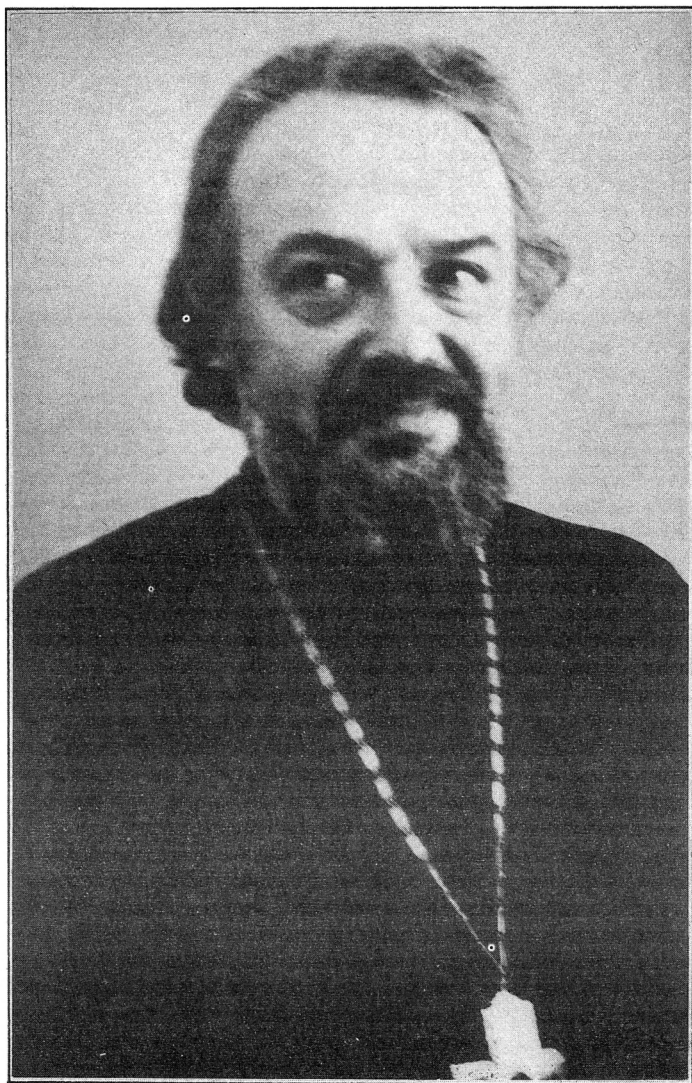
80-е годы.

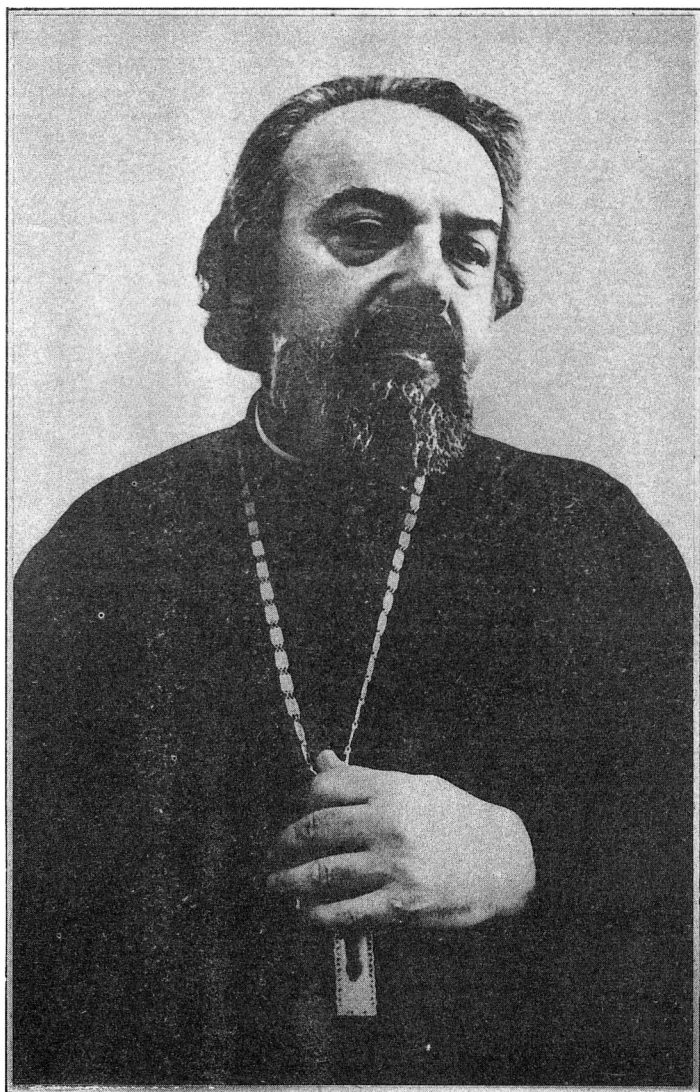
Москва. 1990 г.

Прилуцкий монастырь. Вологда. 23 мая 1984 г.

*Выступление во Дворце культуры Завода автоматических линий.
Москва. 1990 г.*

Москва. 1990 г.

Отпевание Е.С.Мень. Новая Деревня. 18 января 1979 г.

Новая Деревня. Церковь Сретенья. 70-е годы.

Новая Деревня. 70-е годы

В кабинете в Новой Деревне.

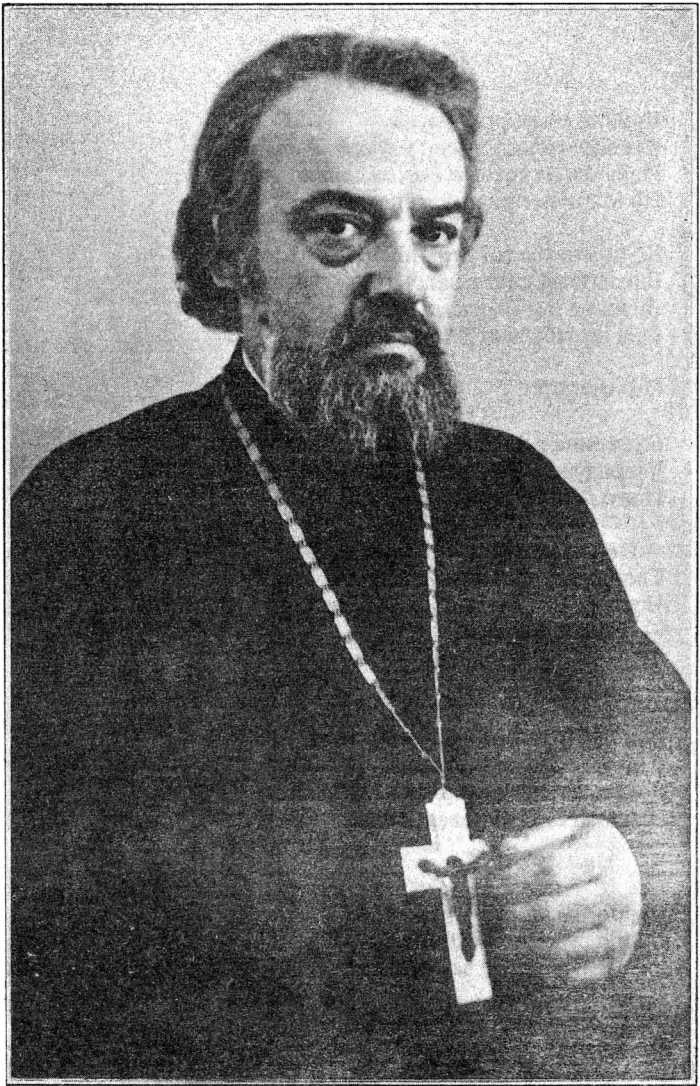
А.Мень у могилы В.С.Соловьева. Новодевичий монастырь. 1972 г.

Пасха. Алабино. 1964 г.

Диакон А.Мень. Акулово. 1958 г.

ЕВАНГЕЛИЕ

Кривая янычарская луна
Срезает голову дневному оживленью.
Израиль не готов к Богоявлению,
Но Мариам предчувствием полна.

Ей помнится тот странный разговор,
Внезапный свет с закрытыми глазами.
Видение с огнистыми крылами
Она не забывает до сих пор.

Он говорил:

— О, Ты как свет чиста.

Блаженна в женах Ты, Царица Благодати.
Возрадуйся: Ты будешь Богоматерь. —
И это подтверждала дурнота.

— Но кто поверит этому окрест?
Твой благовест лишит Меня покоя.
И как смогу Я выдержать такое? ...
— Ты выдержишь.

Прощай. —

И он исчез.

В реке струилась медленно вода.
Плыла надежда чудною триремой.
Волхвы спешили молча к Вифлеему.
Над ним стояла новая звезда.

Скоро Пасха. Близятся сроки.
Скоро будем мы одиноки
В самом первом, земном аду.

Будет страшной потеря наша,
И Тебя не минует чаша
В Гефсиманском лунном саду.

Но когда Ты опять вернешься
И на Землю росой прольешься,
Я от власти Твоей
не уйду.

Вечная ему память!

СОДЕРЖАНИЕ

К тебе, как к живому...	19
Слово, произнесенное перед отпеванием протоиерея Александра Меня в селе Новая Деревня 11 сентября 1990 года	20
Слово, сказанное после отпевания протоиерея Александра Меня в селе Новая Деревня 11 сентября 1990 года	22
Президенту СССР М.С.Горбачеву	23
Потеря невосполнима	24
<i>А.Васинский.</i> По дороге к храму	25
<i>А.Белавин.</i> Священник Александр Мень	28
<i>С.Аверинцев.</i> Вместо некролога	37
<i>Г.Померанц.</i> Новое время мучеников	43
<i>А.Борисов.</i> Падши в землю, не умрет	45
<i>А.Еремин.</i> Ты не узнал времени посещения твоего	47
<i>Ю.Кублановский.</i> Для христианина она искупительна	65
<i>Е.Данилов.</i> Жизнь во Христе	67
<i>А.Суздальцев.</i> Слово об учителе	71
<i>А.Минкин.</i> Не рыдайте обо мне	75
Он был человек мира	79
<i>Антоний,</i> митрополит Сурожский	80
Заявление для прессы Кардинала Люстиже	81
<i>И.Поснова.</i> Погиб добрый пастырь	82
<i>И.Панина.</i> Он нес благую весть	86
<i>Жорж Нива.</i> Что же происходит в этой стране?	87
<i>В.Зелинский.</i> Слово прощания	90
<i>И.Иловайская.</i> Пастырь, исповедник, мученик	94
<i>А.Бессмертный-Анзимиров.</i> Последний ли из новомученников российских?	97
<i>Ив Аман.</i> Разматывая нить воспоминаний	100
<i>Г.Папроцки.</i> Тайна смерти отца Александра	105
<i>О.Михаил Аксенов-Меерсон.</i> Жизнь свою за други своя	116
<i>В.Илюшенко.</i> Сын человечества	121
<i>Н.Струве.</i> Памяги отца Александра Меня	129
Урок на прощанье	132
<i>З.Масленникова.</i> Отец Александр — писатель	133
<i>В.Ерохин.</i> Об отце Александре	141
<i>Т.Кузьмина.</i> Памяти Александра Меня	146
<i>В.Моксяков.</i> Из глубоко личного цикла "11 ¹⁰ писем к другу"	149
<i>О.Степурко.</i> Ты — живой	164
<i>А.Чернявский.</i> Воспоминания о встречах с о. Александром Менем	173
<i>Т.Жирмунская.</i> Урок на прощанье	178
<i>М.Вехова.</i> Всеисцеляющее слово	185
<i>А.Ардашникова.</i> Об отце Александре	196
<i>А.Ардашникова.</i> Порог	198
<i>В.Файнберг.</i> Отец Александр, Александр Владимирович, Саша	209

Всходы	255
<i>М.Бирюкова</i>	256
<i>Ю.Шкваренко</i> .Есть куда лететь душе	258
Сочинения детей воскресной школы, организованной о. Александром в г.Пушкино	260
Это был человек необычайно светлой души	263
<i>А.Робертс</i> . Мои воспоминания о необыкновенном человеке	265
В Нобелевский комитет Стортинга	268

ПАМЯТИ
ПРОТОИЕРЕЯ
АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Редактор Т.В.Громова
Художник И.Е.Суханова
Художественный редактор В.Ю.Марковский
Технический редактор Т.Х.Гисаева
Корректор Л.В.Катанская

Н/К

Сдано в набор 18.04.91. Подписано к печати 01.06.91.
Формат 84x108 / 32. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс".
Печать офсет. Усл. печ. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 15,6. Уч.-изд. л.15,42.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 6865. Цена 7 р. 50 к.

Издательство "РУДОМИНО".
Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы
им. М.И.Рудомино.
109189, Москва, Ульяновская ул., 1.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга»
Мининформпечати РСФСР. 127018,
Москва, Сушевский вал, 49.

